

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2024

Том 24

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2024 Том 24

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Калинникова М. В., Толоч Е. С. Ценностные ориентации
регионального студенчества: социологический анализ 124

Быченко Ю. Г. Профилактика межнациональных конфликтов
в современном воинском коллективе 132

Ермилова А. В. Интенсификация взросления детей,
интегрированных в спортивную сферу деятельности,
как социальное явление 138

Чеснокова Л. В. Самопрезентация пользователя в социальных сетях
и проблема коллапса контекста 147

**Юрасов И. А., Юдина В. А., Танина М. А., Зябликова О. А.,
Юрасова О. Н.** Историческая память немцев о плене в СССР:
опыт качественного анализа немецких интернет-ресурсов 154

Бабаян И. В., Пашинина Е. И., Чжан Фаншуо. Особенности
культурной интеграции китайских студентов музыкантов-исполнителей
в российскую образовательную среду 163

Слово молодым социологам

Горемыко М. С. Эвристический потенциал искусственного
интеллекта в анализе социальных сетей 172

Богомолова А. В. Опыт участия молодежи в дистанционных
образовательных курсах на онлайн-платформах: результаты
эмпирического исследования 178

Политология

Казakov А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения
молодежи 185

Белов С. И., Кузнецов И. И. Развлекательные и просветительские
предпочтения молодежи как ресурс политической социализации 196

Федоров В. И. Влияние явки избирателей на легитимность
президентских выборов в мире 201

Лапенко М. В., Науменко Ал. С., Науменко Ан. С.
Трансформация Концепции «Один пояс – один путь»
(2013–2023 гг.): хронологический подход 208

Алборова М. Б., Савченкова М. И. Диаспоральная
дипломатия как элемент политики «мягкой силы» России,
практика города Москвы 215

Слово молодым политологам

Афанасьева К. А. «Цифра» и суверенность в современной
российской образовательной политике 223

Агафонова О. В. «Смена эпох» в политике безопасности
и обороны ФРГ 229

Пак О. А. Социальное государство как фактор снижения
противоречий в правящей элите на примере России конца XIX –
начала XX вв. 236

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная.

Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.2024.

Подписано в свет 31.05.2024.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 57-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: timur_temaev@mail.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Kalinnikova M. V., Tolok E. S. Value orientations of regional students: Sociological analysis 124

Bychenko Yu. G. The prevention of interethnic conflicts in a modern military team 132

Ermilova A. V. Accelerated maturation of children integrated into sports activities as a social phenomenon 138

Chesnokova L. V. The user's self-presentation in social networks and the problem of context collapse 147

Yurasov I. A., Yudina V. A., Tanina M. A., Zyblikova O. A., Yurasova O. N. Germans' historical memory on the captivity in the USSR: Experience of qualitative analysis of German Internet resources 154

Babayan I. V., Pashinina E. I., Zhang Fangshuo. The specifics of cultural integration of Chinese students-performing musicians in the Russian educational environment 163

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

Goremyko M. S. Heuristic potential of artificial intelligence in the analysis of social networks 172

Bogomolova A. V. The experience of youth participation in distance learning courses on online platforms: The results of the empirical study 178

Politology

Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth 185

Belov S. I., Kuznetsov I. I. Entertainment and educational preferences of youth as a resource of political socialization 196

Fedorov V. I. The impact of voter turnout on the legitimacy of presidential elections in the worldwide 201

Lapenko M. V., Naumenko Al. S., Naumenko An. S. Transformation of the "One Belt – One Road" Concept (2013–2023): A chronological approach 208

Alborova M. B., Savchenkova M. I. Diaspora diplomacy as a component of Russia's "soft power" policy, practice of Moscow 215

New Voices: Young Political Scientists' Research

Afanasyeva K. A. "Digital" and sovereignty in modern Russian educational policy 223

Agafonova O. V. "Change of Epochs" in German security and defense policy 229

Pak O. A. The welfare state as a factor in reducing contradictions in the ruling elite on the example of Russia in the late XIX – early XX centuries 236

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

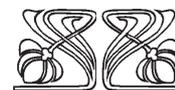
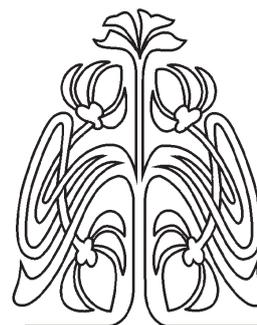
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

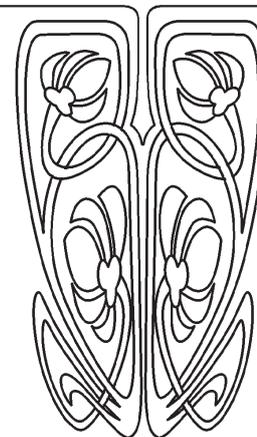
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 124–131

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 124–131

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-124-131>

EDN: PUJEVU

Научная статья

УДК 316.014

Ценностные ориентации регионального студенчества: социологический анализ

М. В. Калининкова^{1✉}, Е. С. Толок²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Балаковский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Россия, Саратовская обл., 413853, г. Балаково, ул. Чапаева, д. 140

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

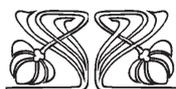
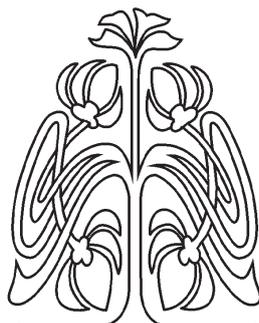
Толок Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины», tolokks@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8344-3412>

Аннотация. В статье проанализированы ценностные ориентации регионального студенчества как социальной группы, имеющей свое особое оценочное отношение к совокупности материальных и духовных благ, выражающееся через когнитивный, эмотивный и поведенческий аспекты жизнедеятельности. Особое внимание уделяется теоретическим подходам к рассмотрению ценностных ориентаций, данным в трудах Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Т. Лукмана, К. Клакхонома, П. Сорокина, Ж. Тощенко и др. Понимание ценностных ориентаций как одного из регуляторов поведения личности, позволило выявить мотивацию действий и способов достижения целей региональной студенческой молодежи. В ходе авторского социологического исследования проводился опрос студенческой молодежи г. Балаково (n = 332 чел., отобранных по вероятностной квотной выборке). Было выяснено, что значительная часть респондентов ориентируются на традиционные ценности, такие как семья (82,2%), здоровье (49,3%), деньги (34,0%), друзья (29,5%). Однако у студенческой молодежи появились новые доминантные формы ценностных ориентаций, а именно «жить в достатке», «открыть свой бизнес». По мнению 50,3% респондентов, формирование их ценностных ориентаций зависит от воспитательной системы, при этом главная роль в формировании ценностной картины мира принадлежит семье (69,2%). В статье делается вывод, что ценностные ориентации студентов Саратовской области (г. Балаково) носят специфический и противоречивый характер. С одной стороны, они выражают собственную активность молодых людей и понимание необходимости саморазвития, а с другой – отражают тенденции индустриальной экономики, в основе которой находятся вещественный капитал и потребительство.

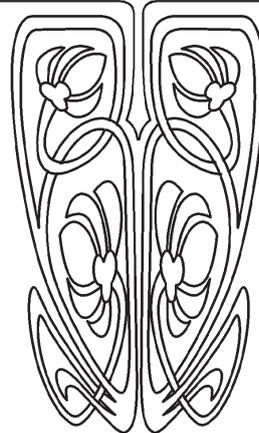
Ключевые слова: студенческая молодежь, ценности, ценностные ориентации, воспитание, регион

Для цитирования: Калининкова М. В., Толок Е. С. Ценностные ориентации регионального студенчества: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 124–131. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-124-131>, EDN: PUJEVU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Value orientations of regional students: Sociological analysis

M. V. Kalinnikova¹✉, E. S. Tolok²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), 140 Chapaeva St., Balakovo 413853, Saratov region, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Ekaterina S. Tolok, tolokks@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8344-3412>

Abstract. The article analyzes the value orientations of regional students as a social group that has its own special evaluative attitude to the totality of material and spiritual benefits, expressed through cognitive, emotive and behavioral aspects of life. The article pays special attention to the theoretical approaches to the consideration of value orientations given in the works of E. Durkheim, T. Parsons, T. Lukman, K. Klakhonoma, P. Sorokin, J. Toshchenko and others. Understanding value orientations as one of the regulators of personality behavior allowed to identify the motivation of actions and ways to achieve the goals of regional student youth. In the course of the author's sociological research, a survey of the student youth of Balakovo was conducted (n= 332) – people selected according to a probabilistic quota sample. It was found out that a significant part of the respondents are guided by traditional values such as family (82.2%), health (49.3%), money (34.0%), friends (29.5%). However, students have new dominant forms of value orientations, namely, «to live in prosperity», «to open their own business». According to more than half of the respondents (50.3%), the formation of their value orientations depends on the educational system, while the family plays the largest role in shaping the value picture of the world (69.2%). The article concludes that the value orientations of students of the Saratov region (Balakovo city) are specific and contradictory. On the one hand, they express young people's own activity and understanding of the need for self-development, and on the other hand, they reflect the trends of the industrial economy, which is based on material capital and consumerism.

Keywords: student youth, values, value orientations, education, region

For citation: Kalinnikova M. V., Tolok E. S. Value orientations of regional students: Sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 124–131 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-124-131>, EDN: PUJEVU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Происходившие в России в начале XXI в. трансформации социально-политических и экономических процессов повлекли за собой изменения социальных норм и ценностных ориентаций, прежде всего такой социальной группы, как студенческая молодежь, обладающей высокой восприимчивостью и социальной мобильностью.

Студенчество представляет собой специфическую социальную группу, основным видом деятельности которой является приобретение знаний для будущей профессиональной деятельности с целью обретения социального статуса в обществе [1]. В настоящее время образовательный потенциал молодого поколения во многом определяется характером экономического и социального развития не только страны, но и региона [2]. В этом отношении Саратовская область входит в группу перспективных регионов России, в которых создаются условия для накопления образовательного потенциала молодых поколений. На территории Саратовской области функционируют 94 образовательных учреждения высшего и среднего профессионального образования: 35 вузов и 59 учреждений СПО. Административный центр Саратовского региона, г. Саратов, по праву считается образовательной столицей Приволжского федерального округа, имеющей большие исторические традиции.

Цель данного исследования – выявить главные ценностные ориентации региональной молодежи и особенности их формирования на примере студентов, обучающихся в вузах г. Балаково Саратовской области. Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды западных мыслителей: Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Т. Лукмана, К. Клакхонома и др.

Французский социолог Э. Дюркгейм считал, что всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств [3]. По мнению Т. Парсонса, ценности выступают связующим элементом социальной и культурной систем [4]. Согласно Т. Лукману, ценности есть структурные элементы субъективного смысла социального действия, имеющие значения для индивида [5]. П. А. Сорокин отмечает, что традиционные ценности складываются исторически под влиянием совокупности социальных и природных факторов и оформляются под понятием традиции, национальной идеи [6]. По мнению исследователя К. Клакхонома, ценности – это представление о желаемом, определяемое выбор целей с учетом возможных средств и способов действия [7]. Ценности, таким образом, выступают звеном, связывающим человека и общество.

В рамках социологического знания понятия «ценности» и «ценностные ориентации» взаимосвязаны. Однако их необходимо различать с точки зрения содержательной характеристики.

Ценности – это социально одобряемые, разделяемые обществом представления о добре, справедливости, патриотизме, дружбе и т.д. По мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, ценности можно понимать как более или менее точные и формальные правила, с помощью которых группа старается удержать, регулировать, а также сделать более распространенными и частыми соответствующие типы действий своих членов [8].

Для описания того, на какие ценности опираются люди, в современной науке используется понятие «ценностные ориентации», под которыми исследователь О. В. Третьякова предлагает понимать оценочное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ [9]. Они выражаются в идеалах, смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности. Согласно утверждению А. Г. Здравомыслова, ценностные ориентации, обуславливают мотивацию действий и поступков личности [10]. В данном определении отражена их важная роль как одного из регуляторов поведения и деятельности.

В структуре ценностных ориентаций Ж. Т. Тоценко выделяет три основных компонента: когнитивный, связанный с процессом познания; эмотивный, являющийся эмоциональной составляющей; поведенческий, отвечающий за реализацию ценностных ориентаций в процессе жизнедеятельности личности [11].

Следовательно, ценностные ориентации являются частью системы оценок и отношений личности, выражают содержание и направление личностных позиций, поведения, поступков.

Ценностные ориентации современной студенческой молодежи носят противоречивый характер. Сможет ли современная студенческая молодежь стать фактором обновления страны? Каковы традиционные ценностные ориентации регионального студенчества? Поиск ответов на данные вопросы предопределил проведение социологического исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи методом анкетирования.

Гипотеза исследования предполагает, что через ценностные ориентации формируется и

одновременно в них проявляется отношение субъекта к миру, отношение, в котором отражается ценность жизни и происходит самоутверждение, самораскрытие сущности личности; наряду с традиционными ценностями (семья, здоровье, дружба) в иерархии жизненных ценностей современных студентов повысилась значимость прагматических, гедонистических и экономических ценностей, резко усилилась роль индивидуальных ценностей.

Эмпирической базой исследования является анкетный опрос студенческой молодежи г. Балаково: $n = 332$ чел., отобранных по вероятностной квотной выборке, из них 46% женщин, 54% мужчин. Критерии отбора – вуз и пол. Все респонденты – студенты 1–4-го, 6-го курсов очной формы обучения технических и гуманитарных специальностей/направлений подготовки, из которых: студенты 1-го курса – 44%, 2-го – 26%, 3-го – 22%, 4-го – 6% и 6-го курса – 2%. Студенты технических специальностей/направлений подготовки составили 54%, гуманитарных – 46%.

Вопросы анкеты позволяют определить и проранжировать ценности респондентов, их жизненные цели и способы достижения.

Мнения респондентов о наиболее важных для них ценностях представлены в табл. 1. Как следует из ее данных, наибольшие показатели сводятся к семье (82,2%), здоровью (49,3%), деньгам (34,0%), друзьям (29,5%).

Таблица 1
Наиболее значимые ценности студенческой молодежи, % к опрошенным

Ценности	Показатель
Семья	82,2
Здоровье	49,3
Деньги	34,0
Друзья	29,5
Личная свобода и независимость	23,1
Любовь	21,0
Карьера	20,7
Интересная работа	18,9
Образование	16,2
Слава, всеобщее признание	1,8
Затрудняюсь ответить	1,2
Итого	297,9

Примечание. Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Следует отметить высокий процент ценности «карьера» (20,7%), коррелирующей с ценностью «интересная работа» (18,9%), рассматриваемой студенческой молодежью не только как источник дохода, но и как самооценочность, как то, чем можно заниматься с удовольствием. Следует отметить, что карьера и интересная работа опережают по рейтингу ценность «образование», которое занимает в таблице 9-е место.

Однако поскольку основной деятельностью студентов является учеба, то студентам всех курсов был задан вопрос о ценности «учеба» в их жизни. На этот вопрос ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 2): 63,8% объясняют ценность учебы тем, что она позволяет приобрести профессию; 39,7% считают, что учеба дает возможность стать образованным; 25,6% полагают, что учеба подготавливает к самостоятельной жизни; а 23,4% считают, что она способствует достижению высокого положения в обществе. Таким образом, все респонденты осознают необходимость получения образования для достижения своих целей.

Таблица 2

**Показатели ценности учебы,
% к опрошенным**

Ценность «учеба»	Показатель
Позволяет приобрести профессию	63,8
Дает возможность стать образованным	39,7
Подготавливает к самостоятельной жизни	25,6
Способствует достижению высокого положения в обществе	23,4
Позволяет получить «корочки» диплома о высшем образовании	22,2
Позволяет не служить в армии	12,0
Не знаю	0,6
Итого	187,3

Примечание. Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Как видно из приведенных в табл. 2 данных, приобретение профессии в процессе учебы является наиболее приоритетным ответом у большинства опрошенных (63,8%), тем не менее, мнения респондентов по поводу своей будущей профессии распределились следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

**Мнения респондентов по поводу
своей будущей профессии, % к опрошенным**

Будущая профессия должна...	Показатель
Приносить большой материальный достаток	63,5
Приносить пользу людям	22,2
Быть престижной	13,8
Приносить удовольствие и достаток	3,6
Быть интересной	2,7
Нравиться	2,4
Удовлетворять потребности семьи	0,3
Обеспечивать большой материальный достаток, быть престижной, приносить пользу людям	0,3
Итого	108,8

Примечание. Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Большая часть молодежи при выборе своей будущей профессии руководствуется критерием высокооплачиваемости, и здесь просматривается присутствие у студенческой молодежи фактора прагматизма и индивидуализма, что подтверждает один из пунктов гипотезы исследования. Вместе с тем через связь ценностных ориентаций с процессом познания происходит самоутверждение, самораскрытие студентов. Полученные результаты, таким образом, свидетельствуют о значимости когнитивного аспекта в структуре ценностных ориентаций студентов.

Важным социально-ценностным аттитюдом являются представления студенческой молодежи о семье (см. табл. 1). Действительно, в семье человек растет и познает мир, учится проявлять уважение к старшим, заботиться о младших, любить свою Родину. Полюбив, молодые люди создают свою семью и сами уже воспитывают детей. Следует отметить, что в современном обществе зачастую трансформируется и понятие семьи и ее функции [12]. Чтобы выяснить мнение студентов о семье, был задан вопрос: «Какой тип брачно-семейных отношений наиболее приемлем для Вас в настоящее время?». Респонденты ответили следующим образом (рис 1).

Несмотря на то что наиболее приемлемым типом брачно-семейных отношений для 72%

Рис. 1. Мнения респондентов о наиболее приемлемом типе брачно-семейных отношений, % к опрошенным (цвет онлайн)

респондентов является традиционная семья, в студенческой среде отмечается растущее положительное отношение к добрачным связям, объясняемое несколькими причинами. Во-первых, фактический брак является средством решения материальных проблем – не надо тратиться на свадьбу, деньги можно потратить или на оплату квартиры, или на что-то более необходимое. Во-вторых, такой союз дает возможность лучше узнать партнера и в случае несовместимости разойтись, т. е. в отношениях остается ощущение «свободы» [13].

По мнению респондентов, факторами, мешающими заключению брака, являются: неуверенность в партнере (73,1%), отсутствие материально-бытовых условий (56,3%), стремление сделать карьеру (28,6%), несогласие родителей (11,4%).

Следовательно, в ответах респондентов на вопросы, касающиеся оценки наиболее значимых семейно-брачных отношений, нашел свое отражение эмотивный аспект ценностных ориентаций, включающий суждения, через которые человек воспринимает окружающую реальность.

Анализ ответов на вопрос «Каковы наиболее важные жизненные цели регионально-го студенчества?» показал, что наряду с традиционными ценностями, такими как «быть здоровым», «создать семью», «иметь хороших друзей», у студенческой молодежи появились новые доминантные формы ценностных ориентаций, а именно «жить в достатке», «открыть свой бизнес» (рис 2). Полученные ответы респондентов позволяют говорить о том,

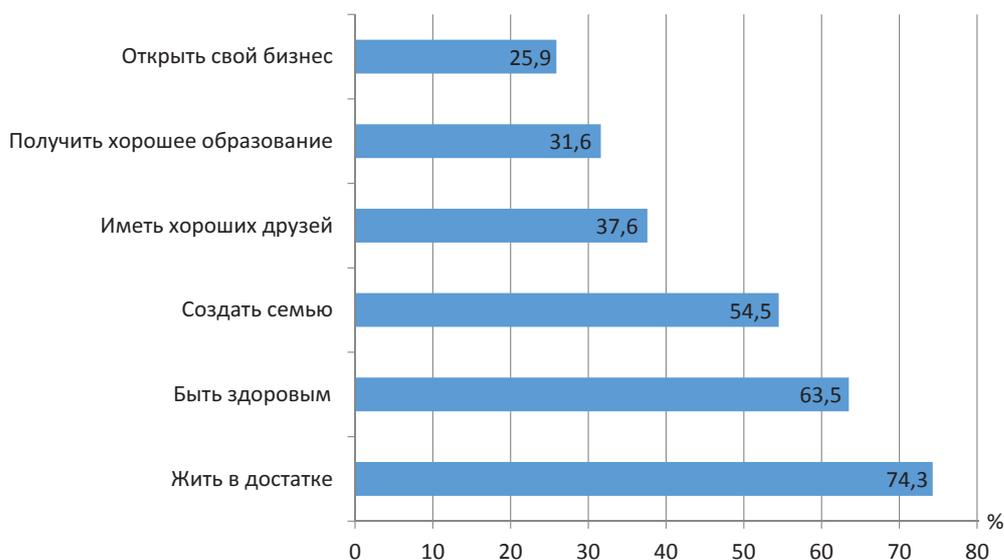

Рис. 2. Наиболее важные жизненные цели респондентов, % к опрошенным

что в среде студенческой молодежи г. Балаково преобладает традиционная система ценностей, включающая ценности семьи и дружбы, однако в иерархии жизненных ценностей современных студентов повысилась значимость прагматических, гедонистических и экономических ценностей, резко усилилась роль индивидуальных ценностей, что соответствует гипотезе исследования.

Поведенческий аспект ценностных ориентаций находит свое выражение в способах достижения целей. Большинство респондентов

(65,7%) ориентируются исключительно на собственные силы, меньшая часть (28,3%) считают, что реализация целей возможна благодаря настойчивому овладению знаниями, и только 3,9% студентов надеются на помощь влиятельных знакомых. Таким образом, полученные результаты отражают собственную активность молодых людей и понимание ими необходимости саморазвития.

Ответы респондентов на вопрос, от чего зависит формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Мнения респондентов о том, что в наибольшей степени влияет на формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи, % к опрошенным

Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи во многом зависит от...	Показатель
Воспитательной системы	50,3
Культуры	31,0
Государственной политики	17,4
Преемственности социального опыта поколений	14,4
Особого национального менталитета	13,2
Государственных организаций	6,0
В целом от окружения	1,2
Личного опыта	0,6
Тенденций времени	0,3
От сознательности человека	0,3
Блогеров, лидеров мнений, политиков	0,3
Дисциплины	0,3
Все варианты ответов	0,3
Затрудняюсь ответить	0,3
Итого	135,9

Примечание. Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

По мнению половины респондентов (50,3%), формирование ценностных ориентаций зависит от воспитательной системы. Система воспитания, представленная социальными институтами, определяет гуманистические и нравственные установки в обществе; отвечает за формирование личности. Поэтому встает вопрос: «Какие социальные институты оказывают наибольшее влияние на формирование ценностных ориентаций региональной студенческой молодежи?» (рис 3).

Как видно из приведенных данных, по мнению большинства респондентов (69,2%),

именно семья сыграла огромную роль в формировании их ценностей, и лишь 4,0% заявили о том, что семья никак не повлияла на формирование их ценностной картины мира.

Из ответов респондентов следует, что воспитательный аспект семьи проявляется через соблюдение традиций. Ответы на вопрос «Соблюдаются ли в Вашей семье традиции?» можно представить следующим образом: у 93,0% участников опроса в семье есть традиции, и связаны они с чаепитиями с тортом, сладостями, вкусной домашней выпечкой в кругу семьи (50,3%), совместным вечерним

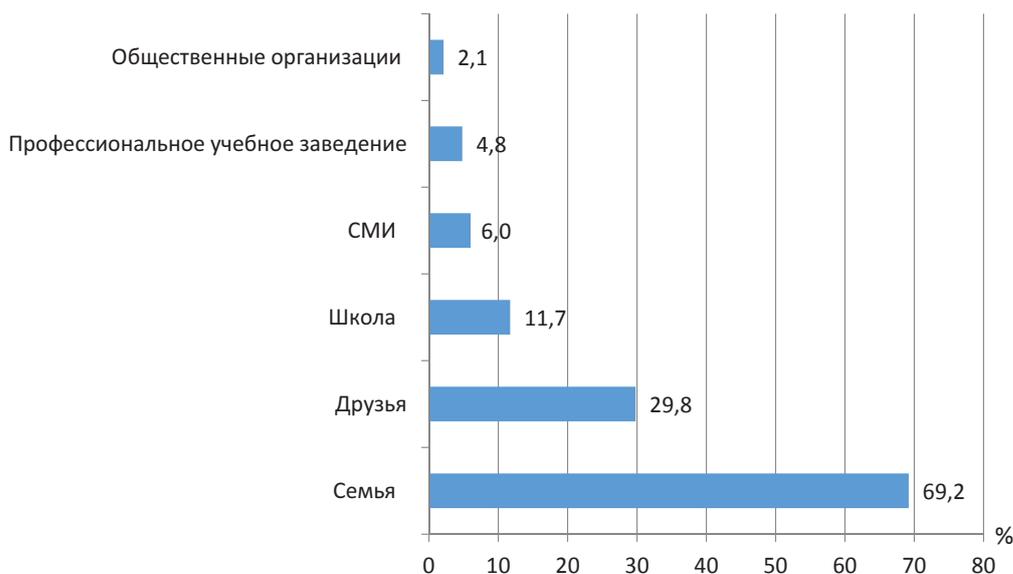

Рис. 3. Социальные институты, в наибольшей степени повлиявшие на формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи, % к опрошенным

досугом (30,4%), с совместными путешествиями (32,5%), со здоровым образом жизни (12,9%), с регулярными экскурсиями по памятным местам, музеям, паркам (3,0%), лишь у 7,0% респондентов в семье нет сложившихся традиций.

На вопрос «Цените ли Вы традиции своей семьи?» 86% респондентов ответили «да», 14% – дали отрицательный ответ.

Мнения респондентов по вопросу о том, насколько традиции семьи формируют ценностные ориентации человека, отражены на рис. 4.

Для большинства опрошенных (87,0%) их дом является крепостью, 11,0% респондентов не согласились с данным утверждением, у 2,0% ответ на данный вопрос вызвал затруднения.

Полученные результаты говорят о том, что в процессе формирования ценностных ориентаций студенчества огромная роль принадлежит семье как социальному институту, важнейшая миссия которого заключается в сохранении и передаче молодому поколению традиционных ценностей, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны.

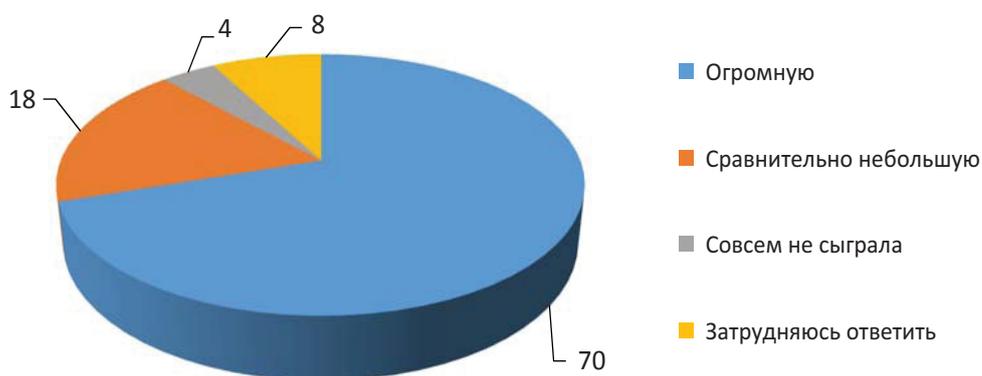

Рис. 4. Мнения респондентов о роли семьи в формировании ценностных ориентаций человека, % к опрошенным (цвет онлайн)

Подводя итоги, можно сделать выводы, что в процессе формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в их жизни

происходит переоценка ценностей, критическое осмысление опыта предшествующих поколений, формируются новые представления о

своем профессиональном будущем и будущем общества. Гипотеза исследования была доказана. Ценностные ориентации студентов Саратовской области (г. Балаково), носят специфический и противоречивый характер. С одной стороны, они выражают собственную активность молодых людей и понимание необходимости саморазвития, а с другой стороны, отражают тенденции индустриальной экономики, в основе которой находятся вещественный капитал и потребительское отношение.

Студенческая молодежь уверена в том, что через ценностные ориентации формируется и одновременно в них проявляется отношение человека к миру и происходит самоутверждение, самораскрытие сущности человека. Студенты Саратовского региона показывают стремление к высокой профессионализации, что соответствует постиндустриальному укладу хозяйствования. Вместе с тем у них наблюдаются стратегии жить в свое удовольствие, стремление к богатству, карьеризм и готовность переступить через нормы морали для достижения своей цели.

Представляется, что важной задачей общества и государства сегодня является усиление поиска новых оптимальных, эффективных способов решения проблем духовно-нравственного воспитания молодежи и культурно-образовательного пространства как основной сферы жизнедеятельности молодого поколения.

Список литературы

1. *Ешев М. А., Марков П. Н., Нехай В. Н., Криволапова А. А.* Ценностные ориентации студенческой молодежи: актуальное состояние и тенденции развития // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2023. № 2 (319). С. 90–96. <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2023-2-319-90-96>
2. *Ростовская Т. К., Мулжанова Р. А.* Социологический портрет молодежи (на примере Саратовской и Нижегородской областей) // *Муниципалитет: экономика и управление.* 2019. № 1 (26). С. 58–70.
3. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 352 с.
4. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // *Американская социологическая мысль : пер. с англ. / под ред. В. И. Добренькова.* М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 448–464.
5. *Лукман Т.* О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации. М. : Интеллект, 1998. 314 с.
6. *Сорокин П. А.* Человек, цивилизация, общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
7. *Хлопова А. И.* Динамика содержания базовой ценности *arbeit* // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология.* 2020. № 2 (65). С. 92–100. EDN: PGCCWP
8. *Томас У., Знанецкий Ф.* Методологические заметки // *Американская социологическая мысль : пер. с англ. / под ред. В. И. Добренькова.* М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 335–357.
9. *Третьякова О. В., Попкова А. А.* Молодежь в современном обществе: система ценностей // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета.* 2020. № 2 (65). С. 112–116. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.016>
10. *Здравомыслов А. Г.* Человек и его работа. М. : Аспект Пресс, 2008. 485 с.
11. *Ситникова С. В.* Концептуализация ценностного пространства общества // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2016. Т. 16, вып. 2. С. 133–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-2-133-137>
12. *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В.* Динамика социального самочувствия Саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59>
13. *Бессчетнова О. В.* Ценностные ориентации современной студенческой молодежи // *Общество: социология, психология и педагогика.* 2023. № 2 (106). С. 17–22. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.2.1>, EDN: IUVSZJ

Поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 07.02.2024
The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 07.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 132–137

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 132–137

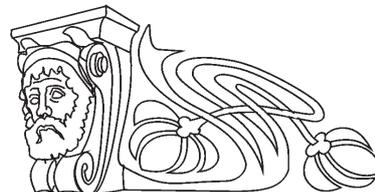
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-132-137>, EDN: TMRGFL

Научная статья

УДК 316.4.05

Профилактика межнациональных конфликтов в современном воинском коллективе

Ю. Г. Быченко

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Аннотация. Раскрыто содержание межнациональных конфликтов и процесса их профилактики. Межэтнический конфликт в социальных группах военнослужащих изучен как тип социального конфликта, определяющий рост противоречий ценностей и интересов, взаимного непонимания культурных приоритетов, неприязни, противоречивости служебно-трудового поведения, состояния, а также действия. Обосновано, что межэтнические конфликты в воинском коллективе являются результатом ухудшения уровня межнациональной культуры общения военнослужащих. При этом профилактика межнациональных конфликтов является результатом целевого конструирования культуры межнационального общения военных акторов. Последняя может проявляться как на поверхностном уровне (характеризуется степенью понимания и усвоения в сознании особенностей различных этносов: наличие необходимых представлений, этнических ценностей, правил, а также норм межэтнического общения военнослужащих), так и на практическом служебно-трудовом (уровень эффективности практик служебной реализации межэтнического общения). Доказано, что профилактика межэтнических конфликтов – это результат проектных действий, направленных на формирование эффективной культуры межнационального общения, в результате чего создаются условия недопущения возникновения этнических конфликтов в среде воинского коллектива. Профилактика этнических конфликтов путем политического проектирования определяет процесс снятия условий роста напряженности, устранения объективных социально-культурных противоречий в системе межнациональных отношений. Она определяет системные трансформации, направленные на временное гомеостатичное бесконфликтное состояние современного воинского коллектива.

Ключевые слова: культура общения, военнослужащие, профилактика, межнациональный конфликт, воинский коллектив

Для цитирования: Быченко Ю. Г. Профилактика межнациональных конфликтов в современном воинском коллективе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 132–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-132-137>, EDN: TMRGFL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The prevention of interethnic conflicts in a modern military team

Yu. G. Bychenko

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Yury G. Bychenko, bychenkoug@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2094-6453>

Abstract. The content of interethnic conflicts and the process of their prevention is revealed. The interethnic conflict in the social groups of military personnel is revealed as a type of social conflict that determines the growth of contradictions of values and interests, mutual misunderstanding of cultural priorities, hostility, inconsistency of service and labor behavior, conditions, as well as actions. It is proved that interethnic conflicts in the military team are the result of the deterioration of the level of interethnic culture of communication of military personnel. At the same time, the prevention of interethnic conflicts is the result of the targeted construction of the culture of interethnic communication of military actors. The latter can manifest itself both at the superficial level (characterized by the degree of understanding and assimilation in the consciousness of the peculiarities of various ethnic groups: the presence of necessary ideas, ethnic values, rules, as well as the norms of interethnic communication of military personnel), and at the practical service-labor level (the level of effectiveness of the practices of service implementation of interethnic communication). It is proved that the prevention of interethnic conflicts is the result of the project actions aimed at the formation of the effective culture of interethnic communication, as a result of which the conditions preventing the occurrence of ethnic conflicts among military personnel are created. The prevention of ethnic conflicts through political design determines the process of removing the conditions for the growth of tension, eliminating objective socio-cultural contradictions in the system of interethnic relations. It defines systemic transformations aimed at a temporary homeostatic conflict-free state of the modern military collective.

Keywords: communication culture, military personnel, prevention, interethnic conflict, military collective

For citation: Bychenko Yu. G. The prevention of interethnic conflicts in a modern military team. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 132–137 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-132-137>, EDN: TMRGFL

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Кризис в современном мире не только отверг идею интеграции России и стран Запада, но и привел к обострению социально-экономических и национальных противоречий в российском обществе, создал условия неустойчивости внешних и внутренних политических процессов, усилил неопределенность социального развития. Последнее является благоприятной почвой для формирования межнациональных конфликтов в структурах Вооруженных сил и обострения межэтнических отношений военнослужащих ряда национальностей.

Крупномасштабные реформы в системе Вооруженных сил приводят к существенному расширению социокультурного пространства воинской части. В последнее десятилетие изменился демографический потенциал страны, растет активность формальных, а также неформальных общественных организаций, социальных групп, национальных объединений и межнациональных групп. Перечисленные изменения осуществляются не только в обществе в целом, но и в рамках отдельных организаций, в том числе и военного типа. Это, в свою очередь, создает предпосылки роста национальной напряженности в современных воинских коллективах, формирование разногласий и противоречий в отношениях между различными национальными группами. Для преодоления последнего необходимо не только исследовать национальные отношения военнослужащих, но и активизировать программы профилактики межнациональных конфликтов. Решению данной научной проблемы и посвящается исследование этой статьи.

Межнациональные конфликты, а также их профилактика исследуются в различных источниках. Наиболее значимые работы можно обобщить в две относительно независимые группы. Первая группа ученых посвящает работы *междисциплинарным подходам*. Здесь рассматриваются общие принципы межэтнических отношений в организациях, выявляются первопричины этнического конфликта в трудовых группах. Вторая группа исследователей представлена *военными социологами*. Они сосредоточивают внимание на выявлении тенденций межнациональных конфликтов в рамках современных воинских подразделений. Рассмотрим идеи данных групп ученых подробнее.

На междисциплинарном уровне обосновывается формирование этноса как особого духовного образования, имеющего общность в системе экономической жизни, определенной территории, специфической коммуникации, языка, общей культуры. Здесь каждый этнос имеет отличительные черты. Он обладает не только «общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры» [1, с. 58] относительно иных межнациональных групп. Последнее и определяет предпосылки разногласий, противоречий, а также конфликтов между ними. В данном контексте этнос характеризуется как исторически сформированная общность социума, имеющая общие традиции, язык и, как правило, территориальную определенность проживания [2, с. 13]. При этом национальность – это осознание этнической принадлежности, процесс отнесения себя к определенному типу этноса [3, с. 5]. В рамках социокультурной среды организации этнос при определенных условиях адаптируется «в лояльную социальную группу» [4, с. 5]. Если необходимых условий для развития национальных культур не создается, развиваются социокультурные, психологические и экономические противоречия, которые формируют противоборство, дискуссионность организационного пространства [5, с. 36].

Можно констатировать, что в рамках данного подхода многонациональная социокультурная среда представляется как типовая характеристика и модель жизни современной формальной организации. Представители тех или иных этносов соседствуют, а в условиях формальной организационной структуры действуют, взаимодействуют друг с другом. Отличие и непонимание представителей различных народов и народностей являются факторами межнациональных групповых конфликтов. Последние создают дискомфорт, противоборство, могут приводить к развязыванию затяжных конфликтов. С такими проблемами приходится сталкиваться представителям организаций различного типа, в том числе и военным.

В рамках военной социологии ученые исследуют военнослужащих как специфическую социально-трудовую группу общества. Указывается, что всякие воинские коллективы формируются на многонациональной основе, в подразделениях включают лиц разных этнических

групп [6]. Военские коллективы, осуществляющие служебную государственную деятельность по защите Отечества, как правило, многонациональны [7]. Они являются субъектами межнационального действия и общения [8]. В рамках функционирования воинских коллективов объективно создаются условия для развития межнациональных конфликтов, которые в тех или иных ситуациях осложняют возможность профессиональной коммуникации, порой вызывают взаимную ненависть как к сослуживцам, так и к служебным действиям и задачам.

При обострении межнациональных отношений в воинских подразделениях формируются конфликты, в основе которых – непонимание образа жизни и поведения этнических сообществ и групповых общностей [9, с. 112]. К дополнительным факторам, способствующим развитию этнических противоречий, необходимо отнести: непонимание религиозных предпочтений [10, с. 291], культурную замкнутость и исторически сложившиеся ценностные отличия, политико-этнические разногласия [11, с. 20]. Эффективность профилактики этнических конфликтов в современных воинских коллективах зависит от ряда факторов. Первый фактор – проведение постоянной профилактической работы через формирование культуры межнационального общения [12, с. 249]. Второй фактор – социологическая диагностика, направленная на определение первопричин этнических противоречий, разработка мероприятий, направленных на разрешение этнических конфликтов [13, с. 117].

Формирование предпосылок межнациональных конфликтов в воинских подразделениях необходимо связывать с деформацией в системе национально-политического воспитания военнослужащих, а также с ростом неудовлетворенности положения нации в социальных группах [14, с. 68]. Исследователи отмечают, что формирование межнационального социального взрыва в среде военнослужащих, как правило, связано с отсутствием устойчивых принципов этнического культурного взаимодействия акторов [15]. Последнее и способствует активизации практик конфликтного противостояния. Учитывая тот факт, что военнослужащие в процессе службы постоянно применяют различные виды оружия, можно констатировать, что межэтнический конфликт в армии способен проявляться как кровопролитное конфликтное взаимодействие. Разрешить последнее будет сложно, а порой и невозможно в рамках сложившихся

устойчивых социальных групп воинского подразделения. Отметим, что военные социологи четко ассоциируют рост межэтнических конфликтов с отсутствием эффективных программ профилактики конфликтов. Данные программы должны быть ориентированы на формирование устойчивой культуры межнационального общения военнослужащих, которая включает в себя комплекс личностных или групповых представлений, этнических ценностей, правил, а также норм межэтнического общения военнослужащих [16].

Таким образом, межэтнические конфликты в воинском коллективе, как правило, являются результатом ухудшения уровня межнациональной культуры общения военнослужащих. Исследователи выявляют тенденцию, характеризующую зависимость роста межнациональной напряженности от уровня развития в воинском коллективе культуры межнационального общения. Когда в коллективе есть межэтническое непонимание, рассогласование ценностей и норм общения различных групп, растет социальная неудовлетворенность коммуникаций. В этой связи несложно заметить, что профилактика межнациональных конфликтов является результатом целевого конструирования и формирования культуры межнационального общения военных акторов. Последняя может проявляться как на поверхностном уровне (характеризуется степенью понимания и усвоения в сознании особенностей различных этносов: наличие необходимых представлений, ценностей, правил, а также норм межэтнического общения военнослужащих), так и на практическом служебно-трудовом (уровень эффективности практик служебной реализации межэтнического общения).

Для подтверждения полученных теоретических данных рассмотрим некоторые результаты эмпирического социологического исследования «Культура межнационального общения в современном воинском коллективе». Исследование проведено методом анкетирования в 2019–2020 гг. Опрошено 944 военнослужащих различных статусных групп в трех типовых по социальным характеристикам регионах России: г. Саратов (25% от общего состава опрошенных), г. Махачкала (26%), г. Екатеринбург (24%). Исследованная генеральная совокупность является однородной по составу. Имеется полная доступность всех исследуемых социальных элементов, что позволило применить механическую случайную выборку. Из имеющегося

общего списка состава военнослужащих воинских частей (воинских коллективов) опрошен каждый третий представитель.

Анализ социологического исследования показывает, что воинские коллективы характеризуются многонациональным составом. Основная группа военнослужащих – славяне (62%), вторая по численности группа – выходцы из Северного Кавказа (28%). Также представлены и другие этнические группы России: армяне, грузины, азербайджанцы, курды, удины, мари, мордва, чуваша, татары, таджики, казахи, узбеки, туркмены, калмыки, киргизы, башкиры.

Респонденты связывают культуру межнационального общения с проектированием процессов профилактики межнациональных конфликтов в военном коллективе. Большинство (78%) опрошенных считают, что формирование культуры межнационального общения представляет собой фактор, предотвращающий рост социальной напряженности, а значит, и этнической конфликтности в целом. Отметим, что военнослужащие видят, а также обосновывают проектный механизм взаимосвязи процессов формирования культуры межнационального общения и прогрессивного изменения способностей коммуницировать с различными этносами.

Важно отметить, что профилактику конфликтов на национальной почве респонденты связывают прежде всего с необходимостью процессов проектирования мероприятий, направленных на трансформацию правил, процедур межэтнического общения. Полагают, что в новых условиях воинский коллектив должен быть подобен многонациональной семье, 11% респондентов. Опрошенные особое внимание уделяют процессам проектирования снятия условий роста социальной напряженности, обосновывают важность планирования мероприятий, направленных на устранение объективных социально-культурных противоречий. В рамках каждого воинского подразделения должны проектироваться профилактические мероприятия, направленные на формирование эффективной культуры межнационального общения. При этом только 7% респондентов отмечают в собственном коллективе характеристики духа этнического единства. В то же время 29% военнослужащих полагают, что в последующих периодах необходимо развивать этническое единство современного воинского коллектива. Межнациональное единство обеспечивает условия предотвращения этнических конфликтов.

Рассмотрим, как военнослужащие оценивают уровень межнациональной культуры в воинском коллективе. Приведем некоторые данные.

Так, 63% военнослужащих в целом ориентируются в ценностях, нормах и принципах поведения различных российских этносов. Они на практике демонстрируют толерантность, благосклонно оценивают и доброжелательно относятся к представителям этнических групп в воинском коллективе. Отметим, что среди офицерского состава данный показатель значительно выше – 80% – по сравнению с сержантами, а также солдатами, среди которых данный показатель ниже 59%.

Важно отметить, что почти треть военнослужащих имеют различия в уровне культуры межнационального общения. Так, 28% респондентов не имеют четких приоритетов по формированию практик взаимодействия с разными группами этноса. Четвертая часть опрошенных вообще не имеет устойчивых форм межкультурной коммуникации. Они предпочитают изменять отношение к этническим группам в силу складывающихся ситуаций и уровня поставленных служебных задач.

В рамках исследования выявлена группа военнослужащих, которые испытывают неприязнь к некоторым этносам. Это только 3% военнослужащих (подавляющее большинство среди них – солдаты и только несколько представителей сержантского корпуса).

Таким образом, межэтнические конфликты в рамках современного воинского коллектива необходимо связывать не только с различием поведенческих этнических приоритетов сослуживцев, но и с распространением конфликтных практик, непонимания особенностей ценностей, норм и принципов взаимодействия этнических групп военнослужащих. В современных условиях необходимо исследовать данное явление, определить пути профилактики и противодействия администрации формированию этнических конфликтов в воинских подразделениях. Сформированность культуры межнационального общения военнослужащих можно оценить только на оценку «удовлетворительно». Хотя большинство информированы и понимают этническую культуру сослуживцев, мотивированы на понимание культурной специфики иных этносов, однако имеются группы, которые не имеют и не желают получать устойчивых навыков межнационального общения в воинском коллективе. Военнослужащие настаивают на

необходимости профилактической работы по предотвращению этнических конфликтов. Можно выявить комплекс мер, направленных на профилактику данных противоречий. Последние связываются с процессами формирования эффективной культуры межнационального общения военных акторов, а также с интеграцией федеральных, региональных, а также военно-организационных проектов развития культуры межнационального общения военнослужащих.

Подводя итоги вышеизложенного, отметим, что этнос представляет собой особую группу людей, специфическое духовное образование, имеющее общность не только в системе экономической жизни, определенной территории, специфической коммуникации, но и языка, общей культуры. Национальность необходимо связывать с процессом осознания личностью принадлежности к тому или иному этносу. Межэтнический конфликт в социальных группах военнослужащих представляет собой форму социального конфликта, определяющего рост противоречий ценностей и интересов, взаимное непонимание культурных приоритетов, неприязнь, противоречивое служебно-трудовое поведение, состояние, а также действие. Проявляется связь профилактики межэтнических конфликтов и проектирования развития культуры межнационального общения военнослужащих.

Профилактику конфликтов этнического типа необходимо связывать с разработкой и реализацией проектов по формированию культуры межнациональных коммуникаций. Данные проекты призваны создать условия предотвращения возникновения и обострения этнических противоречий и конфликтов в социальных системах современного воинского коллектива. Профилактику межэтнических конфликтов необходимо рассматривать как политическое действие и одновременно социально-политическое явление. Ведь реализация профилактических действий возможна только в результате разработки и внедрения политических проектов.

Профилактика этнических конфликтов путем политического проектирования определяет процесс снятия условий роста напряженности, устранение объективных социально-культурных противоречий. Она определяет системные трансформации, направленные на формирование временного гомеостатичного бесконфликтного состояния.

Политические проекты профилактики этнических конфликтов имеют комплексную направленность, они определяют, с одной стороны, формирование знаний и пониманий, традиций, ценностей, норм служебного взаимодействия социальных этнических групп, с другой – направлены на воспитание военнослужащих в духе толерантности, уважения, социальной ответственности, солидарности с различными этническими группами Российской Федерации в целом.

Сегодня необходимо обосновать, разработать, реализовать комплекс социально-политических программ формирования культуры межнациональных коммуникаций. Они должны иметь два относительно самостоятельных уровня: 1) федеральный – формирование просветительских и социально-образовательных программ развития культуры межнациональных коммуникаций в различных учебных заведениях (школах, вузах, общественных организациях); 2) внутриорганизационный – разработка социальных программ формирования этнической культуры взаимодействия военнослужащих, реализация диагностики процессов развития знаний, навыков, компетенций межэтнических коммуникаций, становление устойчивых практик толерантного поведения и межэтнического взаимодействия.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
2. Широкогоров С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических исследований. М. : Либроком, 2012. 134 с.
3. Замогильный С. И. Этносоциология и этнопедagogика мультикультурных обществ. Саратов : ИЦ «Наука», 2006. 200 с.
4. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М. : ИС РАН, 2005. 50 с.
5. Барышная Н. А. Нацестроительство: региональный уровень. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. 382 с. EDN: SINILL
6. Баландина Т. М., Гильфанова М. Г. Организационная культура военной организации: сущность и специфические проявления // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 2 (7). С. 70–74.
7. Быстряков О. Ю. Военнослужащие в социальной структуре современного российского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 42–45.

8. Хвостанцев С. В. Парадигмальные основания профессионально-трудовой адаптации военнослужащего // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук : материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Вольск : ВВИМО, 2019. № 13, ч. 5. С. 105–109.
9. Шевченко И. В., Шевченко Т. В. Специфика многонационального воинского коллектива // Доклады Академии военных наук. 2006. № 2 (20). С. 110–113.
10. Князев А. Б. Толерантность как качество военнослужащих, отражающее культуру межнационального общения // Вестник университета. 2012. № 10. С. 289–293.
11. Бучнева А. В. Многонациональный воинский коллектив как фактор адаптации иностранных курсантов-первокурсников к образовательной среде военного вуза // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 15. С. 20–21.
12. Абрамов М. А., Срибный В. Н. Формирование культуры межнационального общения будущих офицеров внутренних войск МВД России // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 4 (60), вып. 2. С. 248–251.
13. Бариев А. Р. Сущность и основные компоненты культуры межнационального общения курсантов вузов МЧС России // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. Т. 20, № 4. С. 117–119.
14. Митрахович В. А., Маркарян А. А. О воинской толерантности // К толерантности – через образование : материалы «круглого стола», 29 сентября 2005 г. / сост. И. А. Соловцова ; под ред. Н. М. Борытко. Волгоград : Оптим, 2006. С. 68–73.
15. Быченко Ю. Г., Магомедов М. К. Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 154–160. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>
16. Магомедов М. К. О совершенствовании культуры межнационального общения военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 361–370. <https://doi.org/10.34823/SZ.2020.2.51361>

Поступила в редакцию 03.11.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 03.11.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 29.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 138–146

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 138–146

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-138-146>, EDN: TYTKPV

Научная статья

УДК 316.44

Интенсификация взросления детей, интегрированных в спортивную сферу деятельности, как социальное явление

А. В. Ермилова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Ермилова Анна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Аннотация. Анализируется проблема ускоренного взросления детей-спортсменов с опорой на теории социализации и конструирования собственного взросления. Для изучения заявленной проблемы были использованы теоретико-прикладные разработки исследователей Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой, направленные на выявление социальной природы компетентности взросления, а также два авторских социологических исследования: первое – «Долголетие в спорте высших достижений», осуществленное методом анкетного опроса спортсменов высокого класса (n = 400 чел., выборка «снежным комом»); второе – «Темпоральность как фактор интенсификации взросления», проведенное методом фокус-группы спортсменов-ветеранов (n = 17 чел.), реализованных на кафедре общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского в 2023 г. Объект исследования – процесс интенсификации взросления детей, интегрированных в сферу физической культуры и спорта. Цель исследования – выявить факторы, способствующие интенсификации процесса взросления детей-спортсменов. В результате предлагается авторская интерпретация понятия «интенсификация взросления» детей-спортсменов. Выявляется система факторов, способствующая интенсификации взросления данной категории населения: индивидуализация и автономность субъекта, темпоральность спортивного пространства, усиленная социальная мобильность детей в поле спорта, критичность мышления, успешность несовершеннолетних в результате достижений на спортивном поприще и признания их заслуг в обществе.

Ключевые слова: спорт, дети-спортсмены, взросление, интенсификация взросления, факторы интенсификации взросления

Для цитирования: Ермилова А. В. Интенсификация взросления детей, интегрированных в спортивную сферу деятельности, как социальное явление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-138-146>, EDN: TYTKPV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Accelerated maturation of children integrated into sports activities as a social phenomenon

A. V. Ermilova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia, Anna V. Ermilova, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Abstract. The paper analyzes the problem of accelerated maturation of children-athletes with reference to the theories of socialization and constructing their own maturation. To study the stated problem the theoretical and applied works of the researchers N. V. Veselkova and E. V. Pryamikova, aimed at revealing the social nature of the maturation competence, as well as two author's sociological researches were used. The first is "Longevity in sports of highest achievements", which was carried out by the method of questionnaire survey of high-class athletes (n = 400 people). The second is "Temporality as a factor of intensification of growing up", conducted by the method of focus-group of veteran athletes (n = 17 people) was realized at the Department of General Sociology and Social Work of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in 2023. The object of the study is the process of accelerated maturation of children integrated into the sphere of sports activities. The purpose of the study is to identify the factors contributing to the intensification of the process of growing up of children-athletes. As a result, the author's interpretation of the concept of "accelerated maturation" of child athletes is proposed. The system of factors contributing to the accelerated maturation of this category of population is revealed: individualization and autonomy of the subject, temporality of sports space, enhanced social mobility of children in the field of sports, critical thinking, success of minors as a result of achievements in sports and recognition of their merits in society.

Keywords: sport, child athletes, maturation, accelerated maturation, factors of accelerated maturation

For citation: Ermilova A. V. Accelerated maturation of children integrated into sports activities as a social phenomenon. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 138–146 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-138-146>, EDN: TYTKPV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Получивший распространение в социальных науках и массовом сознании стереотип относительно устойчивого представления об автономных мирах взрослых и невзрослых сохраняет свою актуальность. Такой взгляд о существовании совершенно разных миров сложился во многом благодаря теории социализации [1], значимость которой, как и прежде, велика, поскольку «основным результатом социализации является приобщение индивидов к идее “коллективного сознания” и установление однородности и целостности общества» [2, с. 107]. В рамках теории социализации данные субъекты предстают перед нами двумя в высшей степени разными видами. Так, дети рассматриваются как «незрелые, иррациональные, некомпетентные, асоциальные и окультуренные», а взрослые представляются «зрелыми, рациональными, компетентными, социальными и автономными» [3, с. 13]. Такое противоречие нашло свое отражение в нормативно-правовой базе: Декларации о правах человека и Конвенции о правах ребенка. Однако новые социальные реалии, среди которых особое место мы отводим именно бифуркациям в современной семье, привели к установлению префигуративной культуры межпоколенного взаимодействия, «в которой не исключается возможность усвоения родителями опыта собственных детей» [4, с. 170]. Не приуменьшая роли социализации, нам бы хотелось отметить, что значимость оппозиционной системы двух автономных видов в условиях трансформации межпоколенного взаимодействия снижается, а на ее место приходит новая социальная реальность культурного обмена. В результате анализ заявленной проблематики уместнее производить с опорой на концептуальные рамки социологии возраста и времени [3], так как налицо повышение роли субъектности несовершеннолетних, тем более если они интегрированы в сферу спорта и выступают в качестве самостоятельных акторов, защищая честь спортивной школы, региона, страны.

Применение именно социологии возраста и времени по отношению к категории детей, интегрированных в сферу спорта, нам кажется наиболее удачным в связи с тем, что данные отрасли социологии позволяют проблематизировать реальную и провозглашенную престижность возрастов, а также принимают во внимание продолжительность маршрута становления личности как спортсмена-профессионала в сфере физической культуры и спорта (ФКС). Необходимо подчеркнуть, что под спортсменом-профессионалом мы понимаем не только актора, заключившего трудовой договор (контракт) с работодателем,

позволяющий ему за участие в соревнованиях и подготовку к ним в качестве своей основной деятельности получать вознаграждение и (или) заработную плату от организаторов таких соревнований [5]. В рамках исследования *спортсмен-профессионал* – это, прежде всего, личность, обладающая определенными навыками и компетенциями, помогающими ему выполнять качественно и продуктивно свои обязанности в границах спортивного поля деятельности.

Под маршрутом становления личности как спортсмена-профессионала мы понимаем дистанцию следования индивида в поле спорта, движение которого начинается с этапа входа в сферу ФКС (начальная точка), продолжается этапом перехода из детского во взрослый спорт (промежуточная точка) и заканчивается стадией приобретения высокого уровня квалификации в спортивном поле деятельности (конечная точка достижения наивысшего результата). Тем не менее, наряду с указанными этапами становления спортсмена, существует и этап завершения спортивной карьеры как конечная точка функционирования в спортивной сфере деятельности в качестве спортсмена. Следует иметь в виду, что маршрут становления личности спортсмена-профессионала вариативен в зависимости от вида спорта, так как реализация акторов в некоторых видах спорта, а именно приобретение высокого уровня квалификации, возможна еще в несовершеннолетнем возрасте (например, фигурное катание, художественная гимнастика). Этапы становления спортсмена всегда соотносятся с этапами формирования габитуса спортсмена, каждый из которых определяется самобытностью реализации практик, характерных только для социального поля спорта [6, с. 347].

Становление личности, сопряженное с профессиональной спортивной средой, соотносится с процессом ее взросления. Взросление как процесс, с одной стороны, имеет прямое отношение к социализации индивида. Но она предполагает воздействие на индивида через внешние каналы (через социальные институты и практическую деятельность). Мы же имеем в виду и собственную активность индивидов в процессе взросления, а именно социальную обусловленность конструирования собственного взросления. Именно сочетание социализирующего вектора влияния на личность, а также самостоятельное конструирование своего взросления во многом определяет успешность актора в сфере ФКС. Обобщающей чертой социализации и конструирования собственного взросления является темпоральность, а именно спе-

цифическая взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, разворачивающихся в спортивном поле деятельности по отношению к конкретному субъекту. Темпорализация как исследовательский подход позволит на глубинном уровне проанализировать интенсификацию взросления детей-спортсменов изнутри.

Проблема интенсификации взросления детей, интегрированных в сферу ФКС, проанализирована с опорой на теорию социализации Т. Парсонса [1], теоретических разработок временных аспектов развития социума Т. Х. Эриксона [7]; идей социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана [8], концепции темпоральности З. Баумана [9]; нетрадиционного подхода к изучению взросления, направленного на исследование социальной компетентности взросления Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой.

Мы убеждены, что сфера спорта как специфическая область человеческой деятельности способствует интенсификации взросления детей, т. е. ребенок, занимающийся спортом, взрослеет быстрее, чем его сверстники. *Интенсификация взросления – это процесс ускорения перехода из детского состояния во взрослое, результатом чего становится приобретение определенного/ных социально значимого/ых статуса/ов в обществе.* Чем же обусловлена природа интенсификации взросления человека в спортивной сфере деятельности? Ответить на этот вопрос помогут нам теоретико-прикладные разработки исследователей Н. В. Веселковой и Е. В. Прямиковой, направленные на выявление социальной природы компетентности взросления, а также два авторских социологических исследования, реализованных на кафедре общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского в 2023 г.: первое – «Долголетие в спорте высших достижений», осуществленное методом анкетного опроса спортсменов высокого класса (n = 400 чел., выборка «снежным комом»); второе – «Темпоральность как фактор интенсификации взросления», проведенное методом фокус-группы спортсменов-ветеранов (n = 17 чел.). Объект исследования – процесс интенсификации взросления детей, интегрированных в сферу ФКС. Цель исследования – выявить факторы, способствующие интенсификации процесса взросления детей, интегрированных в сферу физической культуры и спорта.

Анализ эмпирической информации и теоретические разработки представителей Уральского университета позволили выявить следующие аргументы (факторы) в пользу интенсификации взросления детей-спортсменов.

Индивидуализация как фактор интенсификации взросления.

Прежде чем приступить к аргументации индивидуализма как фактора интенсификации взросления в сфере ФКС, следует уточнить трактовку данного понятия. Индивидуализация – это «широкий социальный процесс, отражающий в данном случае не столько ослабление базовых социальных зависимостей, сколько субъектность» [3, с. 40]. Соответственно, аргументация индивидуализма в сфере ФКС невозможна без рассуждений о представителях спорта с позиции объект-субъектного подхода. Спортсмен, независимо от возраста, в поле спорта – это объект и субъект действия. Однако значимость этих характеристик в ходе реализации в спортивной сфере действия разная. Формирование и становление спортсмена, его профессионализм в большей степени опираются на восприятие спортсмена как субъекта действия. Только в том случае, если индивид идентифицирует себя с субъектом в социальном поле спорта, демонстрируя готовность к самостоятельному действию в собственных интересах, в интересах семьи и спортивного коллектива, спортивной организации, региона, страны, беря на себя большую долю ответственности, возможно, состоится как спортсмен и достигнет высокого профессионального уровня. Наивысший уровень спортсмена как субъекта проявляется на соревнованиях, когда он самостоятельно несет ответственность за результат, которая тесно коррелирует с таким понятием, как «доверие». Доверие подразумевает признание за начинающим спортсменом взрослости, а именно наделение его ответственностью за что-то очень важное. Следовательно, участие в соревновательной деятельности (высокий уровень ответственности), которое, как правило, начинается в самом раннем возрасте, является важнейшей характеристикой индивидуализации в спорте, способствуя развитию субъектности личности.

Как показывают данные социологического исследования, первый опыт участия в спортивных соревнованиях состоялся преимущественно в возрасте до 10 лет (49,8%), независимо от того, является ребенок представителем командного или индивидуального вида спорта. Дебютирование на соревнованиях позже указанного возраста (с 10 до 15 лет) преимущественно состоялось у детей, занимающихся такими видами спорта, как бокс, фехтование, велоспорт, прыжки с трамплина, для которых характерна более поздняя интеграция в спортивную сферу деятельности. Стоит заметить, что вхождение детей в спортивную среду, как правило, проис-

ходит в возрасте с 5 до 10 лет (61,0%). Несмотря на это, 11,0% будущих чемпионов начали заниматься спортом до 5 лет. Как правило, это представители фигурного катания, художественной и спортивной гимнастики, синхронного плавания, тренировочный процесс в которых нередко сопровождался насилием и истязанием детей [10, 11]. Испытывая на себе такое давление со стороны тренеров, а также родителей, дети-спортсмены представляют собой объект действия. Однако колоссальные физические и психические нагрузки в процессе тренировок воспитывают в будущем чемпионе такие необходимые качества для достижения спортивного результата, как сила воли, целеустремленность, дисциплинированность, упорство, настойчивость, терпение, в результате чего ребенок-спортсмен трансформируется в субъект действия. Следовательно, спорт как вид деятельности способствует возвращению такой важной характеристики личности, как субъектность, необходимой для достижения высоких спортивных результатов.

Соответственно, готовность к действию – это важная характеристика субъектности, развитие которой возможно только через индивидуализм, на что в свое время указывал С. Люкс [12]. По его мнению, индивидуализм выражается:

- в уважении к личности – ценность или достоинство отдельного человека;
- в независимости или самостоятельности мыслей и действий индивида;
- в наличии приватной сферы;
- в развитии собственного «Я» – самосовершенствование, устремленность к цели [13, с. 7–8].

Все перечисленные характеристики индивидуализма имеют самое прямое отношение к детям-спортсменам, о чем свидетельствует иерархия мотивов выбора спорта как одного из основных видов деятельности (многозначный вопрос): высокий уровень интереса к спортивным практикам как виду активности (68,0%), достижение высших спортивных результатов (60,7%), возможность проявить себя в процессе соревнований (48,5%), физическое самосовершенствование (44,4%), воспитание характера и силы воли (37,8%), возможность вести здоровый образ жизни (34,3%).

Идея самостоятельности мыслей и действий детей-спортсменов во многом зависит от условий их становления. В данном случае речь идет об опыте их жизнедеятельности в спортивных классах, спортивных училищах и интернатах, где актерам приходилось демонстрировать более высокий уровень независимого мышления

и самостоятельных действий, несмотря на достаточно жесткий контроль со стороны тренерского состава. На данный аспект указали 33,3% респондентов, имеющих опыт функционирования в данных спортивных организациях. Все остальные участники исследования тоже признают важность навыка принятия самостоятельных решений с опорой на установки тренера, но в большей степени в соревновательной деятельности. И это не говорит о снижении субъектности детей-спортсменов, находящихся в постоянном взаимодействии с их тренерами. В данном случае дети осознают, что тренер способствует достижению высокого спортивного результата, что, в свою очередь, свидетельствует об их рациональной индивидуализации, которая характеризуется сочетанием независимости и сотрудничества. Следовательно, спорт способствует формированию ментальной самостоятельности у актеров, а также субъектной активности, являющихся характерными чертами индивидуализации детей-спортсменов и складывающихся под воздействием следующих условий существования в спортивном пространстве:

- отсутствие опеки со стороны семьи на выездных соревнованиях;
- долговременные спортивные сборы детей в летнее время;
- наличие конкуренции как в самом виде спорта, так и непосредственно внутри команд;
- востребованность процесса конструирования собственного социального пространства, необходимого для отстаивания своих интересов (влияние конкуренции).

Присущая спортсменам, в том числе начинающим, индивидуализация представляет собой социальный процесс, отражающий «не столько ослабление социальных зависимостей, сколько субъектность» [3, с. 40], ведущий к автономности субъекта в социальном пространстве, которая, с авторской точки зрения, претендует на самостоятельную позицию в перечне факторов взросления.

Автономность субъекта как фактор интенсификации взросления.

Анализируя проблему интенсификации взросления детей-спортсменов, следует иметь в виду, что она характеризуется достижением личностной автономии индивида. Дифференцируя автономию на социально-культурную и финансово-материальную, исследователи приходят к выводу, что первая, как правило, наступает раньше [14]. Мы не будем опровергать вывод, но хотели бы внести уточнение относительно изучаемой категории населения. Следует начать с того, что, например, современный

профессиональный спорт значительно помолодел, в результате чего многие несовершеннолетние спортсмены демонстрируют выдающиеся спортивные результаты и, соответственно, получают достаточно высокое финансовое вознаграждение. В качестве примера можно привести российских фигуристок А. Щербакову и А. Трусову, одержавших победу на Олимпийских играх 2022 г. и получивших вознаграждение в несколько миллионов рублей. Помимо этого, спортсменам начисляются суточные и зарплаты в федеральных и региональных центрах спортивной подготовки, выплаты по линии национальных федераций и спортивных обществ [15]. И таких примеров немало (например, футболисты Н. Умяров, В. Грулев, Д. Уткин [16]), что говорит о возрастании роли финансово-материальной автономности детей-спортсменов и трансформации их роли в собственных семьях. Вполне очевидно, что экономическая независимость несовершеннолетних спортсменов способствует укорачиванию процесса взросления. Тем не менее нам бы хотелось задержать внимание на проблеме возможного отставания формирования социально-культурной автономии детей-спортсменов, о чем свидетельствует неоднозначная ситуация, которая произошла на той же Олимпиаде с А. Трусовой [17]. Возникновению данной проблемы могут способствовать:

- отсутствие этапа планирования спортивной карьеры в жизнедеятельности спортсменов;
- несформированность личности молодого спортсмена;
- социализация детей в значительной мере в границах спортивного поля;
- низкий уровень образования, наличие фиктивного образования;
- феномен стигматизации спортсменов в обществе;
- проблемы со здоровьем;
- низкий уровень осознания рисков в спорте;
- внезапный обрыв спортивной карьеры, например, в результате травматизации;
- обособленность детей, профессионально занимающихся спортом, от социума, вызывающая замкнутость их сознания на спортивной деятельности.

Авторский интерес к проблеме стигматизации спортсменов продиктована негативным ее влиянием на мир ребенка в целом, на процесс его становления в поле спорта, на процесс идентификации спортсмена как во время построения спортивной карьеры, так и после ее завершения. «Ведущими причинами стигматизации спортсменов являются, во-первых, наличие зависти к

достижениям представителей спорта, во-вторых, ошибочное восприятие спорта как деятельности, которая не связана с тяжелым трудом» [18, с. 100]. В результате может сформироваться низкий уровень резистентности к стигматизации, размывая социально-культурную автономию субъекта, что может привести, с одной стороны, к непониманию жизни вне спорта, с другой – к досрочному уходу детей из мира спорта. Итогом феномена навешивания ярлыков на представителей спорта является деградация статуса спорта в социуме как вида деятельности.

Тем не менее стоит признать, что в современных условиях существования спорта для детей, интегрированных в социальное поле спорта, в значительной мере характерна социально-культурная автономность, что подтверждается мотивацией выбора спорта как вида профессиональной деятельности. Очевидно, важно не допускать состояния ценностно-нормативного вакуума в сознании будущих чемпионов, негативно влияющего на становление как самой личности, так и профессионала в спортивной сфере деятельности.

Темпоральность как фактор интенсификации взросления.

Динамической характеристикой изменения любой социальной системы, в том числе и системы спорта, является темпоральность, отражающая не только «субъективное восприятие временности, относительно которой происходит ее интерпретация, но и интенциональность субъективного в реальность, саморефлексию по поводу становящейся действительности» [19, с. 130].

Изучение процесса взросления детей-спортсменов с помощью концепции темпоральности возможно через две ключевые категории – ускорение и темпоральные доминанты (прошлое, настоящее, будущее). Быстрота прохождения возрастного маршрута, выявление доминирующего модуса времени для достижения высокого результата – это важные аспекты темпоральности, которые необходимо учитывать, анализируя проблему интенсификации взросления детей-спортсменов. С нашей точки зрения, ускорение является важной характеристикой деятельности спортсменов. Работа на опережение с оглядкой на конкурентов, соперников является неотъемлемой частью становления и реализации актора в социальном поле спорта. Спортсмен как бы пытается обогнать самого себя, идя к поставленной цели, стараясь достичь наивысшего результата первым. Достигая успехов, не успевая осознать результат свои усилий, спортсмены, как правило, начинают планировать следующий этап своих достижений, прикладывая огромные усилия.

Очевидно, что они становятся «заложниками» тирании момента, на что в свое время указывал Т. Эриксон [7]. Анализ результатов фокус-группы ветеранов волейбольной команды (n = 17 чел.) показал высокий уровень форсирования времени в ходе подготовки к спортивным соревнованиям. Рассуждая о годах, проведенных в детско-спортивной школе, респонденты дали следующие ответы:

«Забыли о победе, у нас мало времени, нужно готовиться к следующим соревнованиям!» – говорил нам тренер на следующий день после того, как мы выиграли Первенство России. А нам было только 14 лет (жен., 47 лет);

Спорт – это жизнь от соревнований к соревнованиям, расслаживаться некогда (жен., 47 лет);

Хочешь быть первым – нужно работать на опережение, делать больше чем твой соперник, постоянно планируя будущие действия (жен., 48 лет);

«Всегда нужно думать о сопернике, который на шаг впереди. Нужно стараться его обогнать, тогда вы победите», – твердил нам тренер, когда нам исполнилось 10 лет (жен., 48 лет).

Оценка полученных данных свидетельствует и о наличии определенной темпоральной доминанты, которой в жизнедеятельности детей-спортсменов является в большей степени будущее, а не прошлое и не настоящее. Ориентация на будущее подразумевает планирование своей жизнедеятельности в спортивном поле, которое характерно для 54,3% участников опроса. Значительная доля спортсменов, планирующих карьеру в ходе своего профессионального становления, данный вид деятельности осуществляли в долгосрочной перспективе, ставя перед собой долгосрочные карьерные цели (73,4%), что говорит о наличии самопроектирования или проектирования своего будущего с участием иных субъектов взаимодействия в ходе функционирования в спортивном поле деятельности. Планирование своего карьерного продвижения в сфере спорта характерно для 53,4% респондентов, среди которых преобладают субъекты, планирующие профессиональный рост в долгосрочной перспективе (43,0% – долгосрочное планирование; 15,5% – краткосрочное планирование; 41,5% – затруднились ответить). Причем чем выше спортивное звание, тем чаще доминирует процесс планирования спортивной карьеры в жизнедеятельности спортсменов в долгосрочной перспективе.

Кроме выявленной темпоральной доминанты, данные интервью свидетельствуют о желании спортсменок достичь наивысшего результата посредством интенсификации труда в

соответствии с поставленной целью – работа на опережение, что тоже положительно отражается на процессе интенсификации взросления детей-спортсменов.

Несомненно, спортивная деятельность связана с оценкой результативности спортсмена в прошлом и настоящем. Тем не менее спортивный процесс всегда нацелен на итоговый продукт, который возможно получить в будущем. Тренерские установки, характеризующие тренерское мастерство, как правило, связаны с будущими результатами. Об этом, например, свидетельствуют методические указания подготовки тренера к проведению установки на игру, где первостепенное значение в данной схеме имеет именно важность будущего матча [20]. Мотивация с ориентацией на будущие победы – важный психологический аспект взаимодействия тренера и подопечных. Следовательно, среди всех темпоральных доминант следует выделить прежде всего ценность будущего в жизнедеятельности детей-спортсменов, что содействует интенсификации их взросления.

Усиленная социальная мобильность как фактор интенсификации взросления.

В данном случае следует учитывать дифференциацию мобильности (социальную и географическую), которая имеет место в жизнедеятельности детей-спортсменов с самого раннего возраста. Высокий уровень географической мобильности, связанный с поездками на соревнования по стране, характерен для всех без исключения детей, занимающихся спортом. Дебютирование на соревнованиях, в том числе проходящих в разных городах региона, субъектах страны, состоялось в возрасте до 10 лет (49,8%) либо с 10 до 15 лет (44,8%). Самое раннее начало участия в соревновательной деятельности в возрасте до 6 лет наблюдается в таких видах спорта, как фигурное катание и спортивная/художественная гимнастика. Естественно, данный вид мобильности отражается на ментальности детей-спортсменов, так как в процессе перемещения по стране они имеют возможность усваивать ценности, нормы, правила поведения, символы различных культурных систем, что отражается на конструировании их субъектности и мировоззрения.

Жизнедеятельность индивида, интегрированного в спортивную сферу деятельности, сопряжена и со сменой социальных статусов. Данное явление отвечает требованиям линейности социализации индивидов, проявляющейся в однородности и согласованности действий на протяжении всей деятельности. Мы имеем в виду в данном случае порядок присвоения

спортивных разрядов и званий на протяжении становления спортсмена, которое осуществляется по следующим возрастным группам: мужчины и женщины, юниоры и юниорки, юноши и девушки, мальчики и девочки [21]. Спортсменам в начале карьеры присваиваются разряды, а по достижении всех последних – звания. Начинается восхождение к пьедесталу с юношеских спортивных разрядов: 3-й юношеский, 2-й юношеский; 1-й юношеский. Имеющему 1-й взрослый спортивный разряд могут быть присвоены уже звания: мастер спорта, мастер спорта международного класса/гроссмейстер, заслуженный мастер спорта РФ [22]. Следовательно, становление детей-спортсменов происходит в условиях возрастания роли социальной мобильности, что опять же способствует интенсификации взросления, результатом чего становится формирования своеобразного социального мышления – его критичности.

Критичность мышления, формируемая в процессе преодоления трудностей в поле спорта, как фактор интенсификации взросления.

Критичность является важным свойством социального мышления начинающих спортсменов, стремящихся достичь высоких результатов на спортивном поприще. Авторское определение социально-критического мышления спортсменов базируется на его интерпретации Н. В. Веселковой и Е. В. Прямыковой. В нашем понимании, *социально-критическое мышление спортсменов – это процесс ментального выявления скрытых смыслов реальности спортивного поля деятельности, ведущий к пересмотру актором своих представлений о нем.* Дети-спортсмены в большей степени подвержены более раннему формированию критического мышления, которое необходимо на всем протяжении становления и реализации личности спортсмена. Пересмотр представлений о мире спорта базируется на непосредственном спортивном опыте (удачном/неудачном) будущих спортсменов, который человек приобретает в ходе тренировочно-соревновательной деятельности. Особое место в жизнедеятельности начинающих спортсменов занимает именно негативный опыт спортивной деятельности. В социуме распространено мнение, что человек взрослеет, лишь преодолевая трудности, которых в избытке в социальном поле спорта. Изначально вся спортивная деятельность сопряжена с высоким уровнем проявления рисков, несущих угрозу «различных видов потерь: физических (ущерб здоровью), психологических (потеря контроля над эмоциональным состоянием, стрессы), социальных (измене-

ние социального положения в социуме, уход из спортивной среды, потеря работы), материально-финансовых (потеря имущества, дохода), духовных (потеря веры в себя, в людей, в Бога), моральных (аномическое состояние личности, разрушение жизненных планов)» [23, с. 141], что актуализирует проблему осознанности выбора данной сферы деятельности.

Нельзя также забывать, что становление и реализация спортсменов связана с разнообразными кризисами, благоприятный выход из которых обусловлен наличием критического мышления у спортсменов. В ходе построения спортивной карьеры 73,3% участников опроса столкнулись с различными типами кризисов, иерархия которых представлена следующим образом: кризис перехода из юношеского спорта во взрослый – 40,0%; кризис при переходе к углубленной тренировке – 29,2%; кризис на этапе завершения спортивной карьеры – 23,1%; кризис при переходе от кульминации спортивной карьеры к финишу – 18,0%; кризис при переходе из массового спорта в спорт высших достижений – 15,3%; кризис в начале спортивной специализации – 14,6%; кризис перехода из любительского спорта в профессиональный – 13,0%. Следует отметить, кризисы в начале спортивной подготовки и при переходе к углубленной тренировке испытывали спортсмены только в детско-подростковом возрасте, что усиливало развитие их критического мышления. Соответственно, столкновение с различными трудностями в ходе функционирования актора в спортивном поле деятельности способствует также наращиванию адаптационного ресурса, что ускоряет процесс их взросления. Умение преодолевать препятствия, испытания, встречающиеся на протяжении всего спортивного пути, в результате преобразуется в школу жизни, что в дальнейшем помогает актору ориентироваться в социальном пространстве, в том числе и вне поля спорта.

Постоянный анализ своих действий в социальном поле спорта, оценка своих возможностей (потенциала) для достижения результата – это проявление критичности мышления детей-спортсменов. Проявление критичности можно увидеть и в ходе сопоставления субъективной оценки спортсмена относительно, например, его готовности к соревнованиям, личного вклада в победу с мнением тренера, членов команды, родственников, болельщиков, в целом общественности, в результате чего он может рационально оценить свои несовершенства и работать над их устранением.

Особое место в процессе формирования критического мышления у спортсменов принад-

лежит многопоколенной форме трансмиссии ценностей. Процесс формирования личности спортсмена связан с его ориентацией на опыт более старших представителей спортивной сферы. Юные чемпионы, как правило, хотят быть похожи на спортсменов, достигших наивысших результатов, повторить их жизненный путь. В определенной степени идеализируя их, почитая их авторитет в социуме, они признают высокий уровень их профессиональной компетентности [24], что способствует ускорению процесса взросления самих детей-спортсменов.

Следовательно, критическое мышление позволяет сформировать объективный взгляд на свое место в мире спорта, рационально оценить свои перспективы реализации в данном направлении.

Успешность как фактор интенсификации взросления.

«Отличительное качество современной “идеальной формы” образа взрослости – успешность» [3, с. 97], которую, как правило, большинство людей получают уже в несовершеннолетнем возрасте. Следовательно, успешность можно рассматривать как категорию собственной эффективности, в нашем случае в спортивной сфере деятельности. Успешность, в частности ребенка-спортсмена, характеризуют два параметра – его достижения в данной сфере деятельности и признание его заслуг в обществе. Исторический экскурс в историю проведения Олимпийских игр свидетельствует о присутствии среди чемпионов детей-спортсменов (например, И. Серенсен – 12 лет: бронзовая медаль на Олимпиаде в 1936 г.; М. Гестринг – 13 лет: золотая медаль на Олимпиаде в 1936 г.; Н. Команечи – 14 лет: три золотых, серебряная и бронзовая медали на Олимпиаде 1976 г.; К. Юн Ми – 13 лет: золотая медаль на Олимпиаде в 1994 г.; Ю. Липницкая – 15 лет: золотая медаль на Олимпиаде в 2014 г. [25]), заслуги которых были признаны в разные эпохи развития общества.

В авторском исследовании тоже приняли участие и несовершеннолетние спортсмены, имеющие различные уровни квалификации, соответственно, добившиеся высоких достижений. Так, например, в возрасте до 18 лет 89,9% респондентов имеют звание кандидата в мастера спорта; 7,2% – мастера спорта; 3,0% – мастера спорта международного класса. Бытующее мнение, что взрослость нужно «добыть, заслужить» [3, с. 122], несомненно, соотносится с жизнедеятельностью будущих чемпионов, которые в самом раннем возрасте смогли самоактуализироваться и заслужить уважение в мире взрос-

лых. Высокий уровень спортивных результатов даже в детско-подростковом возрасте позволяет несовершеннолетнему выделиться в обществе, демонстрируя себя значимой личностью. Следовательно, высокий уровень результативности, успешности ребенка в спорте, признание его заслуг неизбежно ведут к повышению его статуса в обществе, интенсифицируя взросление.

Рассматривая вопрос интенсификации взросления юных спортсменов, следует указать, что она в определенной степени выгодна социуму, так как способствует более высокому уровню достижения результатов на спортивной арене, формируя национальный имидж России. Оказавшись в сфере спорта, ребенок вынужден быстрее взрослеть в погоне за результатом, что может негативно отразиться на его личности. Следует иметь в виду, что интенсификация взросления актуализирует проблему большой ресурсной затратности, которая связана, во-первых, с физическим и психическим здоровьем как исследуемой категории, так и их профессиональных наставников, членов семьи; во-вторых, с материальными и финансовыми затратами, необходимыми для становления юного спортсмена и его функционирования в спортивной сфере деятельности, со стороны его собственной семьи, а также государственными вложениями; в-третьих, с наличием эффективной лечебно-реабилитационной базы, реализующей индивидуально-медицинское сопровождение спортсменов.

Итак, спортивная сфера деятельности увеличивает скорость перехода из детского состояния во взрослое. Способствуют процессу интенсификации взросления детей, интегрированных в спорт, такие факторы, как индивидуализация и автономность субъекта, темпоральность спортивного пространства, усиленная социальная мобильность детей в социальном поле спорта, критичность их мышления, успешность несовершеннолетнего – его достижения и признание его заслуг в обществе. Следует уточнить, что все без исключения факторы интенсификации взросления имеют место в ходе становления и функционирования спортсменов в социальном поле спорта. Однако выраженность каждого из них в жизнедеятельности конкретного субъекта может быть разной. Чаще всего процесс интенсификации взросления рассматриваемой категории связан с такими определяющими качествами взрослости, как самостоятельность и высокий уровень ответственности. Тем не менее эксплицитность факторов интенсификации взросления у спортсменов неоднородна, что говорит о необходимости мониторинга для анализа позитивных и негативных сторон интенсификации.

фикации взросления, разработки рекомендаций, направленных на снижение уровня рисков, в связи с интенсификацией взросления.

Список литературы

1. *Parsons T.* The Social System. London : Routledge, 2005. URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/10/The-Social-System-by-Talcott-Parsons.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).
2. *Махиянова А. В., Фахрутдинова А. Ф.* Специфика применения классических теорий идентификации и социализации к анализу современных тенденций // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 31 (212). Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 106–109. EDN: NTWYKV
3. *Веселкова Н. В., Прямыкова Е. В.* Социальная компетентность взросления. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2005. 290 с.
4. Семейная экосистема человека / науч. ред. З. Х. Саралиева. Нижний Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с. EDN: YRVDAL
5. *Фискалов В., Черкашин В.* Теоретико-методологические аспекты практики спорта. URL: <https://mybook.ru/author/v-fiskalov/teoretiko-metodicheskie-aspektu-praktiki-sporta-uc/> (дата обращения: 01.07.2023).
6. *Ермилова А. В.* Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдьё // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 339–349. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-339-349>
7. *Эрикссон Т.* Тирания момента. Время в эпоху информации. URL: https://vk.com/doc78790380_444803674?hash=FZhod1iummm53NZSEdHcMJIUaYqllJiyX0RoP19xw&dl=tK1XXuTy1tf4nnbxIdhAh6W8bmYTWEnVfDe4dNQYoWc (дата обращения: 03.07.2023).
8. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 324 с.
9. *Бауман З.* Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1 (237). С. 5–14. EDN: OWRTJD
10. «Жутко бьют!»: тренеров по гимнастике обвинили в истязании детей в Новосибирске. URL: <https://www.thevoicemag.ru/lifestyle/news/01-04-2022/zhutko-byut-trenerov-po-gimnastike-obvinili-v-istyazanii-detey-v-novosibirske/> (дата обращения: 02.07.2023).
11. Боль и слезы омских звездочек художественной гимнастики. О том, как воспитывают олимпийских чемпионок. URL: <https://omsk.mk.ru/articles/2017/01/10/bol-i-slezy-omskikh-zvezdochek-khudozhestvennoy-gimnastiki.html> (дата обращения: 02.07.2023).
12. *Люкс С.* Смыслы индивидуализма. URL: <https://proza.ru/2022/12/17/947> (дата обращения: 01.07.2023).
13. *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. М. : Летний сад ; СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. 508 с.
14. *Van de Velde C.* L'autonomie des jeunes adultes, une affaire d'État ? Des politiques publiques aux cultures familiales en Europe // Informations Sociales. 2008. Vol. 145, № 1. P. 112–121. <https://doi.org/10.3917/inso.145.0112>
15. Вечный титул, орден, машина и 15 миллионов призовых. Что получают будущие российские герои Пекина. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/beijing2022/reviews/olimpiada-2022-skolkozarabayut-chempiony-i-prizery-pekina-razmergosudarstvennyh-i-regionalnyh-premiy-1884444/> (дата обращения: 02.07.2023).
16. Золотая молодежь. Самые дорогие российские футболисты до 23 лет. URL: <https://sportrbc.ru/news/62f0e7309a7947c016adf97c> (дата обращения: 03.07.2023).
17. «Ненавижу всех! Не хочу больше ничего делать в фигурке!» Истерика Трусовой, которая осталась без золота на Олимпиаде. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/figureice/3017092.html> (дата обращения: 02.07.2023).
18. *Ермилова А. В.* Представители спорта как категория, «пораженная» стигмой в системе образования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (83). С. 91–101. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.83.2.009>
19. *Карадже Т. В.* Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13, № 2. С. 130–143. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143>
20. Подготовка тренера к проведению установки на игру футболистов. URL: http://nauka-it.ru/attachments/article/4245/sugak_21vek_10_2019.pdf (дата обращения: 03.07.2023).
21. ЕВСК: порядок присвоения спортивных разрядов и званий. URL: <https://rebenokvsporte.ru/evsk-poryadok-prisvoeniya-sportivnyh-razryadov-i-zvaniy> (дата обращения: 05.07.2023).
22. Спортивные разряды и звания: перечень и присвоение. URL: <https://yandex.ru/turbo/fb.ru/s/article/335904/sportivnyie-razryady-i-zvaniya-perechen-i-prisvoenie> (дата обращения: 05.07.2023).
23. *Ермилова А. В.* Риски в спорте высших достижений: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 138–146. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_138, EDN: LNMVNY
24. К победе – через встречи с чемпионами. Проект «Легенды спорта – детям». URL: https://primeru.net/sport_news/3032-k-pobede-cherez-vstrechi-s-chempionami.html (дата обращения: 01.08.2023).
25. 7 самых юных олимпийских чемпионов. URL: <https://deti.mail.ru/article/samyeyunye-olimpijskie-chempiony/> (дата обращения: 05.07.2023).

Поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2024; принята к публикации 07.02.2024
The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 27.01.2024; accepted for publication 07.02.2024

Научная статья
УДК 316.42

Самопрезентация пользователя в социальных сетях и проблема коллапса контекста

Л. В. Чеснокова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, социологии и политологии, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Аннотация. В статье рассматриваются социальные проблемы коммуникации в социальных сетях, предоставляющих площадку и инструменты для формирования виртуальной сетевой идентичности. Описываются особенности поведения пользователей социальных сетей и тактика их самопрезентации при конструировании личного сетевого профиля. Утверждается, что в процессе социальной коммуникации люди представляют разные версии себя в зависимости от своей аудитории, адаптируя самопрезентацию к предполагаемым ценностям и предпочтениям собеседников. Описываются сложности онлайн-коммуникации, где, в отличие от реального взаимодействия, пользователь не имеет возможности соотносить свое поведение с ситуационным контекстом и осуществлять дифференцированную самопрезентацию. Поднимаются проблемы размывания границ публичного и приватного в социальных сетях и утраты информационной приватности, являющейся необходимым условием свободы и автономии личности. Утверждается, что раскрытие приватной информации является важным компонентом поддержания социальных отношений. Отмечается, что в настоящее время происходит трансформация культурных норм, регулирующих степень открытости-закрытости и публичности-приватности. Вводится понятие коллапса контекста – ситуации, вызванной смешением разнородных аудиторий с различными социальными ценностями, нормами и ожиданиями в одну гомогенную группу. Предлагаются стратегии преодоления негативных последствий данной ситуации: разделение аудитории на несколько сегментов, самоцензура, заставляющая избегать обсуждения спорных тем, и адаптация языкового стиля пользователя, предполагающая снижение языковой вариативности. Основой работы послужили методы символического интеракционизма и теории ролей Э. Гоффмана, которые он использовал для построения драматической теории социального взаимодействия и самопрезентации в социальном взаимодействии.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальные сети, сетевая идентичность, социальная самопрезентация, коллапс контекста, публичность, приватность

Для цитирования: Чеснокова Л. В. Самопрезентация пользователя в социальных сетях и проблема коллапса контекста // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 147–153. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-147-153>, EDN: ZSCUBY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The user's self-presentation in social networks and the problem of context collapse

L. V. Chesnokova

Dostoyevsky Omsk State University, 55-A pr. Mira, Omsk 644077, Russia

Lesya V. Chesnokova, L.Tchesnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>

Abstract. This article discusses the social problems of communication in social networks that provide a platform and tools for the formation of a virtual network identity. The features of the behavior of users of social networks and the tactics of their self-presentation when constructing a personal network profile are described. It is argued that in the process of social communication, people present different versions of themselves depending on their audience and adapting their own self-presentation to the perceived values and preferences of the interlocutors. The difficulties of online communication are described, where, unlike real interaction, the user does not have the opportunity to correlate his/her behavior with the situational context and carry out differentiated self-presentation. The problems of blurring the boundaries of public and private in social networks and the loss of information privacy, which is a necessary condition for personal freedom and autonomy, are raised. It is argued that the disclosure of private information is an important component of maintaining social relations. It is noted that currently there is a transformation of cultural norms regulating the degree of openness-closeness and publicity-privacy. The concept of "context collapse" is introduced – a situation caused by the mixing of heterogeneous audiences with different social values, norms and expectations into one homogeneous group. The strategies are proposed to overcome the negative consequences of this situation: dividing the audience

into several segments, self-censorship, forcing to avoid discussing controversial topics and adapting the user's language style, suggesting a reduction in language variability. The work was based on the methods of symbolic interactionism and I. Hoffman's theory of roles, which he used to build the dramatic theory of social interaction and self-presentation in social interaction.

Keywords: social communication, social networks, network identity, social self-presentation, context collapse, publicity, privacy

For citation: Chesnokova L. V. The user's self-presentation in social networks and the problem of context collapse. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 147–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-147-153>, EDN: ZSCUBY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Мы живем в эпоху бурного развития цифровых технологий, оказывающих значительное влияние на социальную жизнь. Последние десятилетия характеризуются все более широким распространением цифровых социальных сетей, превратившихся в один из самых популярных ресурсов Интернета. Под социальными сетями следует понимать набор интерактивных интернет-приложений, которые предоставляют возможность для создания, обмена и потребления информационного контента. Люди используют социальные сети для поиска информации, бизнеса, общения с друзьями и знакомыми и проведения досуга. Платформы социальных сетей выступают в качестве нового социального пространства и площадки для конструирования и демонстрации собственной идентичности. С помощью социальных сетей можно наблюдать за приватной жизнью других людей и, в свою очередь, самому быть увиденным другими.

Сегодня большинство населения использует социальные сети. По данным Левада-центра от 18.04.2023, «более половины респондентов (56%) посещают социальные сети ежедневно или практически ежедневно, еще 9% – несколько раз в неделю, 8% – 1 раз в неделю и реже» [1]. В результате своей популярности виртуальные социальные сети представляют собой новый социальный феномен, который вызывает интерес у социологов, антропологов, психологов и других представителей социальных и гуманитарных наук.

Социальные сети выполняют почти те же функции, что и обычные публичные пространства: они предоставляют площадку для коммуникации. Как отмечает Д. Бойд, социальные сети – это публичные пространства, сконструированные с помощью сетевых технологий. Они одновременно являются «(1) пространством, построенным с помощью сетевых технологий, и (2) воображаемым коллективом, возникшим в результате сочетания людей, технологий и социальных практик. Социальные сети выполняют многие функции других типов публичных пространств – они позволяют людям собираться вместе для социальных, культурных и

гражданских целей и общаться с миром за пределом круга близких друзей и семьи» [2, р. 39].

Помимо возможностей для общения социальные сети предлагают инструменты для самопрезентации пользователя, являясь ареной для формирования виртуальной социальной идентичности. Что такое идентичность? «Представление об идентичности возникло еще в классической философии, указывая на фундаментальную характеристику бытия, предполагающую сохранение тождественности самому себе, единство, целостность индивида во времени и пространстве, противостоящей “инаковости”» [3, с. 159].

Наше «Я» состоит из множества идентичностей, каждая из которых существует в сети социальных связей. У любого социального актора имеются определенные ожидания относительно того, с кем он взаимодействует. Они касаются характеристик личности и ее поведения в социальных коммуникациях. Взаимодействуя с другими людьми, мы сообразуем свое поведение с этими социальными ожиданиями, создавая желаемый образ себя. Социальные сети являются сегодня сценой, на которой индивид может поделиться с другими пользователями своей уникальностью посредством цифровых практик. «Построение собственной биографии теперь рассматривается как проект повседневной “счастливой жизни”, состоящий в демонстрации своих путешествий, своего жилья, еды» [4, с. 59].

Самопрезентация понимается исследователями как «сознательная управляемая передача собеседнику определенной информации о себе, или как поведенческое выражение эмоциональных и когнитивных элементов Я-концепции» [5, с. 59]. Потребность в самопрезентации возникла в результате эволюции индивидуального сознания. Особенно большое развитие данная потребность получила в последнее время благодаря распространению социальных сетей, представляющих собой идеальное пространство для демонстрации собственной личности в цифровой реальности. Социальные сети предоставляют возможность сконструировать свой образ

с помощью разнообразных инструментов: используя текст, картинку, фотографии и видео. «Глобальная сеть позволяет обрести множество способов самовыражения, начиная от символического (разместить картинку на “стене” друга) до предельно конкретного (выразить эмоции словами» [3, с. 160).

Основным способом самопрезентации в онлайн-среде является конструирование профиля в социальной сети. Профили в социальных сетях выступают в качестве основной площадки коммуникации. «Генерация профиля – это явный акт вписывания себя в цифровую среду, и участники должны определить, как они хотят представить себя тем, кто может видеть их самопрезентацию» [2, р. 42]. Таким образом, можно создать круг общения, сформированный на основе общих интересов или симпатий.

Э. Гоффман в своих исследованиях обращается к проблемам самопрезентации, используя драматургические метафоры. В работе «Представление себя в повседневной жизни» он показывает, как индивиды, исполняющие социальные роли, поддерживают сценарий социального взаимодействия посредством самопрезентации, т. е. проекции определенного образа себя на других.

Согласно концепции социальных ролей люди в процессе коммуникации осуществляют дифференцированную самопрезентацию, ориентируясь на свою аудиторию. Человек по-разному ведет себя в публичном и в приватном пространстве, в кругу коллег, друзей или родственников. В общении лицом к лицу люди тщательно оценивают контекст взаимодействия для того, чтобы выбрать как действовать, что говорить и каким образом презентовать себя собеседнику. Э. Гоффман утверждает, что мы постоянно бессознательно отмечаем наше физическое окружение, присутствующих людей, а также общий характер сцены. Вступая в социальное взаимодействие, человек оценивает не только ситуацию, но и самого себя, и то, насколько он вписывается в коммуникативную ситуацию [6, с. 18–20].

В терминах Э. Гоффмана, человек должен разработать «линию», представляющую его версию ситуации, других и самого себя. Образ, который он представляет (его «лицо»), виден для окружающих, поэтому процесс самопрезентации он называл «работой лица». На самопрезентацию и управление впечатлениями влияют такие факторы, как особенности ситуации, социальное окружение, воображаемые и действительные ожидания и реакции аудитории, харак-

тер раскрытия информации, предыдущие взаимодействия, а также доступные выразительные средства. Э. Гоффман также отмечает, что в самопрезентации может участвовать команда, т. е. лица, которые посвящены в тайны, скрытые от посторонних. «Люди могут формально или неформально соединяться в группы, чтобы продвигать одинаковые или коллективные цели любыми доступными им средствами. Поскольку они сотрудничают в поддержании данного впечатления, используя этот прием как средство достижения своих целей, постольку они составляют команду» [7, с. 120].

Люди представляют себя способами, которые соответствуют ценностям их аудитории, для того чтобы вызвать желаемую реакцию, а также произвести благоприятное впечатление на окружающих. «Специфика человека состоит в том, что только он может осознанно и произвольно менять свое поведение с учетом того, что подумают о нем окружающие» [8, S. 15].

В реальном общении человек ориентируется на аудиторию и социальный контекст. Мы представляем себя по-разному в зависимости от того, с кем мы разговариваем и где происходит разговор. «Социальные контексты, такие как собеседование при приеме на работу, общение в баре или ужин с партнером, различаются по своим нормам и ожиданиям. То же самое касается общения в Интернете» [9, р. 114].

К разным социальным ролям общество предъявляет разные, порой достаточно противоречивые, требования. В процессе взаимодействия мы стараемся соответствовать ожиданиям, предъявляемым к актуальной на данный момент социальной роли. Социальные акторы управляют на разных социальных площадках сразу несколькими ролями. «Например, можно быть матерью, сестрой, спортсменкой, студенткой и экзотической танцовщицей. Для каждой роли социальный актор поддерживает определенные значения идентичности, определяемые тем, кем он является, и сетью других людей, которые (как правило) разделяют эти ожидания» [10, р. 3].

Социальные акторы раскрывают и скрывают разные аспекты своей личности, соотносясь с ожиданиями имеющейся аудитории. Представление себя в повседневных социальных ситуациях – это непрерывный процесс управления впечатлениями. «В процессе коммуникации происходит сложная игра смыслов, постоянное маневрирование в системе взаимодействий между участниками. Имеются определенные нормативные ожидания от

участников коммуникации, которые должны придерживаться определенных норм и правил поведения» [11, с. 99]. В офлайн-общении аудитории разделены в пространстве и времени, и зрителям даются разные представления в соответствии с ожиданиями и конкретной обстановкой, в которой происходит взаимодействие.

Социальные сети предлагают публичную площадку, на которой пользователи могут продемонстрировать свою идентичность, делаясь с людьми важными для них сообщениями. Однако «проблема возникает в том случае, если представление подходит для одной группы, но не подходит для других. В социальных сетях выступления одновременно демонстрируются нескольким аудиториям, которые более не разделены» [12, р. 129].

Возможность самостоятельно регулировать доступ к личной информации представляет собой право на информационную приватность. Приватность предполагает «право на контроль над информационными областями, когда человек самостоятельно определяет, какую информацию о себе он может передать или скрыть и с какими персонами общаться, а кого исключить из коммуникации» [8, S. 15].

По мнению Б. Рёслер, для индивида в процессе коммуникации важно иметь возможность самостоятельно контролировать доступ к информации о себе. Это связано с такими качествами, как свобода и автономия. Человек должен располагать информацией о том, что другие индивиды или институты о нем знают, и действовать в соответствии с этими предположениями. Люди стремятся «не быть наблюдаемыми помимо своей воли, контролировать степень информации, которую другие имеют о них, и иметь представления о последствиях того, что произойдет, если их ожидания не оправдаются» [13, S. 291].

Люди склонны соотносить свою самопрезентацию с индивидом или группой, с которой они в данный момент взаимодействуют. Однако проблема заключается в том, что в социальных сетях сложнее осуществлять дифференцированную самопрезентацию. «В то время как адаптация выступлений и взаимодействий в офлайн-пространстве относительно управляема, подобное управление впечатлениями усложняется в онлайн-среде наличием большой однородной аудитории» [14, р. 2].

В офлайн-общении аудитория обычно видна, и люди могут адаптировать свою самопрезентацию к контексту общения. Однако в Ин-

тернете состав аудитории не всегда очевиден. Социальные сети, как правило, характеризуются общением с невидимой аудиторией (например, с анонимными читателями). Исследователи называют три обстоятельства, которые отличают социальные сети от более традиционных видов взаимодействия и формируют опыт пользователей на этих сайтах: «...невидимая аудитория, коллапс контекста и размывание границ публичного и частного» [15, р. 453]. Эти факторы влияют на самопрезентацию пользователей социальных сетей.

В социальных сетях процесс исполнения ролей усложняется наличием большой, разнородной и невидимой аудитории. Зачастую в социальных сетях мы не знаем, с кем именно общаемся и кто может получить доступ к нашей информации. Поскольку обратная связь с аудиторией также присутствует не всегда, мы не можем оценить реакцию наших визави и в соответствии с ней скорректировать наше поведение.

Люди, представляя себя в повседневной жизни, обычно следят за тем, как другие реагируют на них. Этот процесс наиболее очевиден в таких ситуациях, как первое свидание или собеседование при приеме на работу, но он является привычным даже в более непринужденных социальных ситуациях. Самопрезентация индивида меняется в зависимости от множества факторов: реакции собеседника, его социального статуса, возраста, пола и т.п. Социализированный индивид для управления впечатлениями в ситуации «лицом к лицу» владеет навыками использования широкого репертуара коммуникативных средств: стиля речи, тона, мимики, жестов и т.п. Стратегии самопрезентации различаются в зависимости от типа аудитории.

При общении в режиме офлайн человеку легко определить пол, возраст и социальный статус своего собеседника. Отсутствие же такой возможности в онлайн-коммуникации создает дополнительные сложности. Зачастую в социальных сетях разнородные аудитории объединяются в одну группу. Кроме того, социальные сети поощряют публичные формы общения и взаимодействие с большим количеством людей, что затрудняет самопрезентацию пользователя. «Технические характеристики социальных сетей позволяют раскрывать личную информацию сразу нескольким аудиториям. В случае коллапса контекста происходит столкновение разных сегментов сети, что вызывает проблемы у их пользователя» [16, с. 59].

В отличие от общения лицом-к-лицу, когда видны все присутствующие и можно отследить реакцию собеседников, в социальных сетях не всегда известно, кто читает нашу страницу. В общении важно иметь представление о своей аудитории для того, чтобы оценить уместность собственных высказываний в том или ином социальном контексте. Без информации об аудитории зачастую сложно определить свое поведение и откорректировать его, ориентируясь на реакцию собеседника. «Для того чтобы приспособиться к этому, пользователи социальных сетей часто обращаются к воображаемой аудитории, чтобы оценить, считают ли они свое поведение социально приемлемым, интересным или актуальным» [2, р. 48].

Поскольку собеседники неизвестны, формируется портрет неких «обобщенных других», которые становятся воображаемой аудиторией для самопрезентации пользователя социальных сетей. «Обобщенные другие» становятся референтными группами для активной обратной связи, проверки и публикации контента. Они коллективно определяют нормы для онлайн-пространств и формируют онлайн-групповую идентичность [17, р. 1577].

Это те люди, кому пользователь предоставляет доступ к своему контенту и адресует свои информационные сообщения. Эта группа людей не всегда существует в реальности, но она помогает адаптировать собственное поведение к ценностям и нормам этой воображаемой социальной группы. «Воображаемая аудитория может не совпадать с реальной аудиторией, но именно она определяет стратегии самопрезентации пользователей в социальных сетях, позволяя им оценить нормативный характер своего онлайн-поведения и раскрытия информации» [12, р. 130].

Как отмечает О. А. Гримов, социальные сети по своей природе противоречивы: с одной стороны, они являются личным виртуальным пространством человека, отражая приватные стороны его жизни, а с другой стороны, рассчитаны на посторонних людей, некую аудиторию, т.е. являются публичной площадкой. «Поэтому в качестве одной из важнейших характеристик самопрезентации в социальных сетях можно отметить стремительное размывание границ публичного и приватного» [5, с. 63].

За внимание других пользователь зачастую платит раскрытием собственной приватной жизни. Раскрытие приватной информации является важным компонентом поддержания социальных отношений. В настоящее время, по

мнению М. А. Кронгауза, формируется новая форма коммуникации – «публичная приватность». Блогосфера одновременно является и приватным пространством, где человек общается с друзьями, демонстрирует личные фотографии, делится событиями своей жизни, и публичным, поскольку все вышеперечисленное протекает на глазах у публики. «Столкнувшись с публичной интимностью, то есть с интимным по сути высказыванием, существующим в общедоступном пространстве, мы еще не знаем, как на нее реагировать: как на интимное или как на публичное. В некоторых ситуациях эти реакции должны не просто различаться, а фактически быть противоположными» [18].

В результате происходит размывание границ между публичным и приватным. Пользователь социальных сетей стремится делиться с незнакомыми людьми подробностями своей жизни ради одобрения и лайков. С. Жижек полагает, что публичное пространство и его ценность исчезают из-за массового распространения приватной информации, становящейся частью публичного образа. «Исчезновение границы между публичным и частным означает, что подробности интимной жизни становятся составляющей публичного образа, доступными каждому, а не непристойной тайной, о которой говорят по секрету» [19, с. 82]. Происходит размывание приватного и публичного, поскольку личная жизнь становится все более доступной для публичного взаимодействия, а личные данные – общедоступными.

Размывание границ приватного и публичного в социальных сетях чревато коллапсом контекста. Контекст как ситуацию, в которой происходит общение социальных акторов, можно понимать с точки зрения ролевой идентичности и связанных сетей. Люди общаются друг с другом в рамках различных социальных ролей и презентуют себя в зависимости от контекста, создавая специфичный для социальной ситуации образ себя. «Поскольку каждая ситуация влечет за собой разные нормы и ожидания, представление себя надлежащим образом для одного контекста может оказаться неработающим в других контекстах» [12, р. 128–129].

Коллапс контекста – это процесс объединения разрозненных групп пользователей в одну смешанную группу, сопровождающийся столкновением разнородных аудиторий, информации, предназначенной для разных лиц, отличных друг от друга наборов социальных норм и т.п. Коллапс контекста можно определить как «объединение нескольких различных

аудиторий в социальной сети таким образом, что люди из разных контекстов становятся частью единой группы получателей сообщений» [15, р. 451]. Он происходит, когда встречаются люди, информация и социальные нормы, принадлежащие разным контекстам. Это может создавать «потенциально неудобные ситуации, когда пользователи транслируют сообщения в общей для всех социальной сети с разными нормами уместности для разных групп» [12, р. 138]. Потенциально возможный коллапс контекста часто затрудняет стратегию самопрезентации, поскольку побуждает пользователей воздержаться от раскрытия личной информации.

Коллапс контекста может случиться и в реальном общении. Как отмечают Дж. Дэвис и Н. Юргенсон, коллапс контекста – достаточно распространенное явление, которое происходит не только в онлайн-среде: «...свадьбы, похороны и различные общественные площадки долгое время были местами слияния разных социальных контекстов и противоречивых ожиданий аудитории» [10, р. 4]. Телефонные звонки из дома в рабочее время также могут вызывать ролевой конфликт и неловкость, поскольку в этот момент индивиду приходится обращаться с двумя аудиториями одновременно и пытаться управлять двумя разными идентичностями: личной и профессиональной.

Коллапс контекста в социальных сетях проявляется в том, что представители разных социальных групп сливаются в единую массу, предполагая одновременное взаимодействие пользователя с семьей, коллегами и друзьями, каждый из которых придерживается разных взглядов на то, кем является актер. Например, фотография с дружеской вечеринки, выставленная на личной странице в социальной сети, будет видна начальнику и коллегам. Таким образом, объединенные в сеть люди не только управляют своими выступлениями перед широкой и разнообразной аудиторией, но и выступают перед членами аудитории, каждый из которых имеет свои ожидания относительно пользователя. Порой эти разные ожидания конфликтуют друг с другом. Аудитории в социальных сетях «по умолчанию охватывают несколько арен социального мира актора; в результате происходит разрушение контекстов, которые ранее были сегментированы» [10, р. 3].

Последствия коллапса контекста могут иметь и положительные, и отрицательные последствия. С одной стороны, в результате большей открытости пользователь может устанавливать взаимодействие с представителями

различных социальных групп, создавая новые профессиональные и личные связи. С другой стороны, в некоторых случаях утечка личной информации может привести к скандалу и неприятностям для пользователя.

Озабоченность по поводу безопасности в социальных сетях способствует тому, что люди разрабатывают различные стратегии преодоления негативных для своего имиджа последствий коллапса контекста. В качестве примеров данных стратегий можно выделить следующие:

– разделение аудитории на несколько сегментов с помощью настроек приватности и демонстрация той части личности, которая подходит для определенной аудитории. Таким образом можно заблокировать просмотр определенных фрагментов собственного контента широкой аудитории и попытаться скрыть личную информацию, если мы не желаем, чтобы она попала к нашим недоброжелателям;

– самоцензура, заключающаяся в стремлении пользователя избегать обсуждения острых и чреватых конфликтами тем в социальных сетях. Поскольку потенциально любой человек может прочитать сообщение, оставленное пользователем, данная стратегия предполагает размещение в своем профиле только той информации, которая подойдет для любого представителя потенциальной аудитории. Самоцензура может быть «полезной техникой перед лицом воображаемой аудитории, в которую входят родители, работодатели и другие значимые лица» [9, р. 125];

– адаптация языкового стиля. Мы по-разному разговариваем с членом своей или чужой группы, родителями, коллегами, друзьями, потому что разные люди имеют разные нормы и ожидания, что имеет значение для использования языка. То же самое происходит и в социальных сетях. «Проблемы уместности со стороны нескольких разрозненных групп накладывают ограничения на использование языка» [12, р. 131].

Таким образом, приходим к выводу, что в сетевом обществе контроль над границами между публичным и приватным может быть затруднен, поскольку технологии усложняют способность людей контролировать доступ других к собственной информации. Явление коллапса контекста затрудняет возможность варьировать самопрезентацию в зависимости от аудитории. Коллапс контекста и слияние нескольких аудиторий в одну может привести к неловким и опасным ситуациям, поскольку раз-

мывает границы между публичным и частным, профессиональным и личным. Поэтому пользователи используют различные стратегии самопрезентации в социальных сетях для того, чтобы смягчить негативные последствия коллапса контекста.

Список литературы

1. Аудитория социальных сетей и мессенджеров. URL: <https://www.levada.ru/2023/04/18/auditoriya-sotsialnyh-setej-i-messendzherov/> (дата обращения: 18.04.2023).
2. Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications // *A Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites* / ed. by Z. Papacharissi. New York : Routledge, 2010. P. 39–58.
3. Карпова М. К., Моница М. А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // *Наука. Общество. Государство* 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 158–167. EDN: XYBUNB
4. Дроздова А. В. Трансформация повседневных практик в цифровой реальности // *Вестник Гуманитарного университета*. 2022. № 1 (36). С. 56–62. EDN: CMSKZE
5. Гримов О. А. Самопрезентация личности в социальных сетях // *Социология*. 2013. № 2. С. 59–66. EDN: RCFOND
6. Гоффман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. Н. Н. Богомоловой. М. : Смысл, 2009, 319 с.
7. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
8. Schirmmeister C. Geheimnisse. Über die Ambivalenz von Wissen und Nicht-Wissen. Wiesbaden : DUV, 2004. 156 S.
9. Marwick A., Boyd D. “I tweet honestly, I tweet passionately”: Twitter users, context collapse, and the imagined audience // *New Media & Society*. 2010. Vol. 13, iss. 1. P. 114–133. <https://doi.org/10.1177/1461444810365313>
10. Davis J., Jurgenson N. Context collapse: Theorizing context collisions and collisions // *Information, Communication & Society*. 2014. Vol. 17, iss. 4. P. 476–485. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.888458>
11. Чеснокова Л. В. Утрата информационной приватности в социальных сетях и проблема коллапса контекста // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2022. Т. 8, № 2. С. 94–105. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-2-0-7>, EDN: QQRDQZ
12. Gil-Lopez T., Shen C., Benfield G., Palomares N. One Size Fits All: Context Collapse, Self-Presentation Strategies and Language Styles on Facebook // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2018. Vol. 23, iss. 3. P. 127–145. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy006>
13. Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin : Suhrkamp, 2018. 443 S.
14. Brandtzaeg P., Lüders M. Time collapse in social media: Extending the context collapse // *Social Media + Society*. 2018. January-March. Vol. 4. P. 1–10. <https://doi.org/10.1177/2056305118763349>
15. Vitak J. The impact of context collapse and privacy on social network site disclosures // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2012. Vol. 56, iss. 4. P. 451–470. <https://doi.org/10.1080/08838151.2012.732140>
16. Чеснокова Л. В. Коллапс контекста и размывание публичности и приватности в социальных сетях // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2021. Т. 4, № 4. С. 51–68. EDN: PKTKLH
17. Kini S., Pathak-Shelat M., Jain V. Conceptualizing “filtering”: Affordances, context collapse, and the social self online // *International Journal of Communication*. 2022. № 16. P. 1573–1593.
18. Кронгауз М. А. Публичная интимность // *Знамя*. 2009. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/kr10.html> (дата обращения: 18.08.2023).
19. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М. : Ад Маргинем, 2003. 256 с.

Поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 29.11.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 154–162

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 154–162

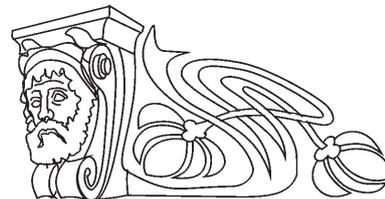
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHNKE

Научная статья

УДК 316.6

Историческая память немцев о плене в СССР: опыт качественного анализа немецких интернет-ресурсов

И. А. Юрасов^{1,2,3}✉, В. А. Юдина¹, М. А. Танина¹, О. А. Зябликова¹, О. Н. Юрасова²

¹Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б

²Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

³Институт регионального развития Пензенской области, Россия, 440046, г. Пенза, ул. Попова, д. 40

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, доцент, ¹профессор кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук; ²профессор кафедры «Менеджмент и государственное управление»; ³директор Центра мониторинга социальных процессов, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Юдина Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, vayudina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук, margo10@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Зябликова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента информатики и общегуманитарных наук, has18068881@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

Юрасова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры «Английский язык», ol.iurasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>

Аннотация. Историческая память народа играет большую роль в его осмыслении прошлого и настоящего, напрямую влияет на рецепцию современных событий. Российская Федерация, весь российский народ, столкнувшись с небывалым шквалом открытой русофобии на Западе, с попытками отменить во всем мире русскую культуру, недоумевают, как это стало возможным в начале XXI в., в демократических странах, которые на протяжении многих лет гордились своей толерантностью, терпимостью к другому мнению, демократическим управлением. Ответить на этот вопрос поможет качественный социологический анализ исторической памяти современных жителей Германии, Австрии, специфика которой показывает, что подобные русофобские идеи были свойственны большинству немцев. В работе использована методика качественного социологического исследования, контент-анализа немецких комментариев к фильмам производства ФРГ, Австрии, посвященных анализу положения и судьбы немецких военнопленных, возвратившихся обратно на Родину в 1955–1956 гг. Авторы приходят к выводу, что немецкой исторической памяти свойственны полное игнорирование причинно-следственных связей, высокий эмоциональный накал воспоминаний, выразившийся в негативных эмоциях: сожалении, сочувствии немецким военнопленным независимо от степени их виновности, игнорировании ошибок и просчетов немецко-фашистского руководства во время войны, особенно во время Сталинградской битвы. В комментариях немецкие пользователи сети Интернет подчеркивали страдания военнопленных, их моральные, личные травмы, трудности адаптации в обществе ФРГ. Советский плен немецкое историческое сознание однозначно рассматривает как крупную катастрофу, принесшую горе и страдание невинным людям, оказавшимся в зависимости от жестоких, мстительных варваров. Перед Российским государством и гражданским обществом встает задача возможной корректировки немецкой исторической памяти, перевода на немецкий язык советских документальных фильмов, обнаружение исторических источников, доказывающих геноцид советского народа в годы Второй мировой войны, размещения их в доступных немецкому населению социальных сетях и видео-хостингах. На основании социологических данных авторского анализа немецкой исторической памяти необходимо корректировать российскую внешнюю политику, а также вносить изменения в российскую политику образования и воспитания российского подрастающего поколения.

Ключевые слова: историческая память, качественный социологический анализ, контент-анализ, тематический анализ, нарративный анализ, социальный контекст

Для цитирования: Юрасов И. А., Юдина В. А., Танина М. А., Зябликова О. А., Юрасова О. Н. Историческая память немцев о плене в СССР: опыт качественного анализа немецких интернет-ресурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 154–162. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHNKE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Germans' historical memory on the captivity in the USSR: Experience of qualitative analysis of German Internet resources

I. A. Yurasov^{1,2,3}✉, V. A. Yudina¹, M. A. Tanina¹, O. A. Zyablikova¹, O. N. Yurasova²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Penza branch, 33B Kalinina St., Penza 440052, Russia

²Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

³Institute for Regional Development of the Penza Region, 40 Popova St., Penza 440046, Russia

Igor A. Yurasov, jurassow@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Vera A. Yudina, vayudina@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>

Maria A. Tanina, margo10@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Olga A. Zyablikova, has18068881@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

Olga N. Yurasova, ol.iurasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>

Abstract. The historical memory of a people plays a big role in their understanding of the past and present, and directly affects their perception of modern events. The Russian Federation, the entire Russian people, faced with an unprecedented barrage of open Russophobia in the West, with the attempts to abolish Russian culture throughout the world, are perplexed as to how this became possible at the beginning of the 21st century, in democratic countries that for many years were proud of their tolerance to other opinions and democratic governance. A qualitative sociological analysis of the historical memory of modern residents of Germany and Austria will help to answer this question, the specifics of which show that such Russophobic ideas were characteristic of the majority of Germans. The work uses the methodology of qualitative sociological research, content analysis of German comments to the films produced in Germany and Austria which are devoted to the analysis of the situation and fate of German prisoners of war who returned to their homeland in 1955–1956. The authors come to the conclusion that German historical memory is characterized by a complete disregard for cause-and-effect relationships, a high emotional intensity of memories, expressed in negative emotions: regret, sympathy for German prisoners of war, regardless of the degree of their guilt, ignoring the mistakes and miscalculations of the Nazi leadership during the war, especially during the Battle of Stalingrad. In the comments, German Internet users emphasized the sufferings of the prisoners of war, their moral and personal trauma and the difficulties of adapting to German society. The German historical consciousness clearly views Soviet captivity as a major catastrophe that brought grief and suffering to innocent people who found themselves dependent on cruel, vengeful barbarians. The Russian state and civil society are faced with the task of possibly correcting German historical memory, translating Soviet documentaries into German, publishing historical sources proving the genocide of the Soviet people during World War II, posting them on social networks and video hosting sites accessible to the Germans. The sociological data of the author's analysis of German historical memory proves that it is necessary to adjust Russian foreign policy, education and upbringing of the Russian younger generation to this reality, as well as to make changes in the Russian foreign policy.

Keywords: historical memory, qualitative sociological analysis, content analysis, thematic analysis, narrative analysis, social context

For citation: Yurasov I. A., Yudina V. A., Tanina M. A., Zyablikova O. A., Yurasova O. N. Germans' historical memory on the captivity in the USSR: Experience of qualitative analysis of German Internet resources. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 154–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-154-162>, EDN: XGHKZE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

19 ноября 2017 г., российский старшеклассник Николай Десятниченко из Нового Уренгоя с трибуны Бундестага публично рассказал о страданиях немецких военнопленных в советском плену, окруженных в так называемом Сталинградском котле, дав этому факту эмоциональную оценку как о страданиях невинных и несчастных людей, которые хотели жить мирно и не хотели воевать. После этого возникла дискуссия в интернете. Небольшое количество пользователей были с ним солидарны. Большинство обвинили его в односторонней и предвзятой интерпретации события, в незнании истории и причинно-следственных связей в истории. Российских социологов, философов, культурологов тема исторической памяти наших противников во Второй мировой войне практически или полностью не интересовала.

Лишь некоторые публицисты, журналисты осторожно намекали на то, что немцы не благодарны советскому народу за освобождение их от национал-социализма, что в немецком обществе начинается осторожная реабилитация нацизма, осторожный призыв к пересмотру результатов Второй мировой войны, ренессанс тем «изгнанных», «беженцев», обеление действий немецкой армии на восточном фронте, протаскивание в мировое информационное пространство мифа о «миллионах изнасилованных немцев» и т.п.

С особой силой это стало эксплуатироваться после начала Российской Федерацией специальной военной операции на Украине. Русскоязычные граждане Германии, Австрии столкнулись со шквалом русофобии и ненависти к русским, к русскому языку и русской

культуре. Но все ведущие и глубинные социокультурные мировые процессы не начинаются случайно и внезапно. Особенно важен в анализе мировых процессов во внешней политике социологический анализ исторической памяти различных реперных социальных групп, наций и этносов. Исследование и анализ исторической памяти немцев, их информационной политики в области оценки результатов Второй мировой войны, качественный социологический анализ исторических травм немецкого народа поможет Российской Федерации по-новому и на более высоком уровне и эффективнее строить свою внешнюю политику, формировать информационную повестку дня в мире. С учетом общих особенностей формирования и функционирования исторической памяти необходимо сформировать новые мероприятия и шаги в национальной образовательной и воспитательной политике.

Анализ и управление исторической памятью конкретного народа становятся важными аспектами государственного строительства, развития в современном мире и важным моментом разработки исторической политики современных государств. С помощью управления исторической памяти возможно менять вектор развития стран, мировую политику, создавая государственно ориентированные или диссидентско-оппозиционные типы личностей в стране.

Социальные технологии управления исторической памятью помогают избежать политической радикализации общества, эффективно манипулировать общественным мнением, направлять информационные ресурсы государства на формирование позитивной государственно ориентированной личности. Основой формирования этого типа личности должно стать исследование и управление исторической памятью. Анализируя модели исторической памяти конкретного народа, социальной группы, любое государство формирует позитивную символическую политику с опорой на позитивные смыслы национальной истории, выявляет «политическое зло» и «политическое добро», на основании чего возможно создавать непрерывную позитивную историю, базирующуюся на объективных исторических оценках и обеспечивающую исторический суверенитет любого государства.

В современной зарубежной и отечественной гуманитаристике нет четкого определения

понятия «историческая память». Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, определения. Например, С. Ю. Анисимова четко разводит историческое знание и память, определяя при этом историческую память как то, что «запомнилось, помнится...» [1, с. 11].

М. Ф. Румянцева, отождествляя историю и историческую память, подчеркивает, что память – это объективное и точное отражение прошлого [2, с. 43]. По мнению В. В. Касьянова, «историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании...» [3, с. 55]. С точки зрения И. В. Купцова, «историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [4, с. 161].

Е. П. Белинская и Д. К. Франтова пишут: «...историческая память означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях и событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы» [5, с. 25].

Вышеперечисленные определения исторической памяти представлены в методологическом поле парадигм классического знания.

Концепт исторической памяти стал разрабатываться в трудах М. Хальбвакса в 20-е гг. XX в. [6, с. 34]. В русле его идей проходил анализ исторической памяти в работах В. А. Ачкасова [7, с. 115], В. Болибера [8], О. Ю. Малиновой [9, с. 12], М. Найдорф [10, с. 11], М. А. Таниной [11, с. 25] и др.

Согласно современным социально-философским, социологическим, социально-психологическим, семиотическим, политологическим трактовкам историческая память представляет собой общепринятые представления о прошлом, разделяемые большинством населения. Являясь основой формирования идентичностей социальных и политических сообществ, она организует современные социальные представления о прошлом, социально разделяемые знания об истории страны, рода, семейного клана. Согласно современным теоретико-методологическим воззрениям на историческую память, прошлое служит строительным материалом для конструирования разных

типов социальных, политических идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций.

Историческая память – это особый способ конструирования социумами своего прошлого, основанного на субъективно интерпретируемых и ценностно маркируемых рефлексиях ключевых для данного социума событий прошлого. Историческая память представляет собой набор передаваемых из поколения в поколение исторических нарративов, субъективно переломленных рефлексией о событиях прошлого. Она складывается из отдельных образов индивидуальной памяти, разделяемых всеми или большинством членов сообщества. И существуют такие моменты, когда индивидуальная человеческая память может органично вписываться в коллективную историческую память, а может ей противоречить. Примерами этого служат различные семантические виды моделей исторической памяти о 90-х гг. XX в. в истории Российской Федерации, когда один и тот же период трактуется как «лихие 90-е» и «святые, благословенные 90-е», а также историческая память немцев о советском плене, депортациях их в Польшу, Чехословакию, Калининградскую область (бывшую Восточную Пруссию).

Историческая коллективная память народа представляет собой языковые репрезентации и интерпретации образов прошлого. Коллективная историческая память метафорична [12, с. 591]. Для формирования и существования моделей исторической памяти каждого конкретного общества важен социальный контекст бытования воспоминаний, коллективно разделяемые языковые репрезентации прошлого [13, с. 94].

Важным аспектом формирования моделей исторической памяти в социумах является историзация событий прошлого. Историзация – это переход исторической вещи, события, личности из актуального реального состояния в исторический образ. Исторический образ подвергается изменениям во времени. Он складывается из-за трансформации восприятия и интерпретации конкретных исторических предметов, личностей или явлений [14, с. 67]. Историзация прошлого зависит от специфики концептосферы общества и социальной группы (семьи), которая является формой существования менталитета. Лингвистическая концептосфера каждого конкретного общества формируется в лингвистических концеп-

тах типа: «свой/чужой», «семья», «богатство», «любовь», «истина», «труд» и т. д. И различная их интерпретация создает конкретный фокус восприятия, оценки и интериоризации конкретных исторических событий, личностей.

Особенно семантически сильна историческая память об антропогенных катастрофах, потрясающих общество. Память об исторических катастрофах вызывает специфический социальный процесс, травматизацию общества. Историческую травму в этом случае испытывают и жертвы, и палачи. В ходе возникновения исторической травмы возникают коллективная вина и коллективная ответственность социума, или же историческая память народа игнорирует некоторые травматические моменты национальной истории [6, 11, 13].

Эти антропогенные катастрофы, исторические травмы вызывают проблемы идентификации, межпоколенческие конфликты. Травматическая реальность и травматический нарратив вызывают страх и архаизацию в обществе, социальную беспомощность, когда люди, испытывая влияние исторической травмы, часто отказываются от социальной конкуренции, борьбы или же не желают видеть четкие причинно-следственные связи между историческими событиями. При факте исторической травмы, как это случилось с немецким народом, происходит нарушение способности видеть причинно-следственные связи в истории, возникает желание сфальсифицировать реальное положение дел, формируется отказ реалистически интерпретировать исторические факты. Историческая травма изменяет правдивость воспоминания, когда в памяти сохраняются ключевые моменты, а другие отфильтровываются. Затем воспоминание снова реконструируется. После реконструкции всплывают чувства и эмоции, которые возникли позже, и они наслаиваются на историческую память. Пробелы в памяти заполняются нарративно, с помощью рассказов, и порождают смысл, соответствующий актуальной ситуации [6, 10, 12, 14].

На формирование исторической памяти оказывают влияние: феномен ложных воспоминаний, который представляет собой избирательную форму воспоминания и забывания; феномен сверхобобщения; феномен волюнтаристского устранения неясностей и противоречий в памяти.

С ложными воспоминаниями коррелирует феномен «повышенной плотности» воспомин-

наний детства и молодости, который объясняет наличие наибольшего объема воспоминаний из самого комфортного времени жизни человека. Так как в этом возрасте многие события переживаются впервые, данная фаза совпадает с фазой развития автобиографической памяти, а переживания определяют будущую жизнь субъекта. Художественная визуальная и аудиальная репрезентации конкретных исторических моментов этих событий только семантически их укрепляет в языковых моделях исторической памяти [6, 11,13].

В настоящем исследовании использована методика качественного социологического исследования, контент-анализа немецких комментариев к фильмам производства ФРГ, Австрии, посвященных анализу положения и судьбы немецких военнопленных, возвратившихся на Родину в 1955–1956 гг. Качественному социологическому исследованию и контент-анализу комментариев было подвергнуто шесть фильмов, представленных на видео-хостинге www.youtube.com, общим количеством просмотров 1 512 046 и 3522 комментариев к ним. Конкретно были проанализированы содержание фильмов и комментарии к ним: «Когда отцы вернулись домой» (опубликован 13 мая 2022 г., 617 977 просмотров и 1361 комментарий), «1955 – Возвращение десятков тысяч» (опубликован 10 декабря 2018 г., 700 553 просмотров и 2136 комментариев), «1955 – возвращение с войны» (опубликован 2 марта 2017 г., 203 963 просмотров, комментарии отключены), «Военнопленные возвращаются домой из Москвы, недельное обозрение, октябрь 1955 г.» (опубликован 27 февраля 2017 г., 1891 просмотр, комментарии отключены), «История на ЦДФ (второй немецкий федеральный канал). Возвращение домой десятков тысяч» (опубликован 12 октября 2015 г., 45 020 просмотров и 47 комментариев), «Жизнь беженцев после Второй мировой войны» (опубликован 7 января 2012 г., 420 122 просмотров и 788 комментариев).

В ходе качественного исследования был проведен контент-анализ содержания фильмов и комментариев. Были маркированы и выделены основные темы, проведен тематический анализ путем разбивки информации на группировки, путем объединения обособленных суждений и цитат в единое тематическое смысловое целое [15, с. 65]. В результате были выявлены описательные, кратко пересказывающие содержание, и интерпретационные коды, основанные

на трактовке содержания, и сделано аналитическое описание на основе анализа нарративов, личностного критического суждения. В качестве единицы анализа были выбраны ключевые слова, фразы с денотативной и коннотативной семантикой, выделен социальный контекст – возвращение немецких военнопленных из СССР осенью 1955 и 1956 гг. Произведены осевое кодирование путем отбора идей и ключевых понятий и выборочное – путем определения тем и подтем; выявлены основные денотативные и коннотативные символы: «русские варвары», «русское ярмо», «русский гнет», «катастрофа», «страдания», «лишение», «горе» «печаль по погибшим и невернувшимся», «эмоциональные и моральные травмы военнопленных» и др.

Для анализа результатов исследования была использована теория взаимодействия СМИ и общества. Исследователи остановились на позиции, что существует три точки зрения в изучении влияния средств массовой информации на аудиторию:

1) СМИ обладают неограниченным потенциалом воздействия на аудиторию, транслируемые образы не критически принимаются индивидами;

2) воздействие СМИ на аудиторию опосредовано референтными группами и биографически детерминированной ситуацией индивида, роль СМИ в определении реальности слабо поддается изучению;

3) СМИ определяют значимость повседневных событий – не столько что думать, сколько о чем, т.е. СМИ задают «вектор» интерпретаций, а не сами интерпретации.

Выводы из исследования делались на основе второй точки зрения, согласно которой воздействие на аудиторию опосредовано социокультурными особенностями референтной группы.

Для немцев поражение во Второй мировой войне, оккупация и плен военнослужащих, без сомнения, стали крупной исторической травмой, которую они не смогли преодолеть и пережить до сих пор.

Объективной исторической канвой исследования исторической памяти о возвращении немецких военнопленных из советского плена являются следующие факты: большинство немецких граждан Третьего рейха были вынуждены уехать с территорий современной Калининградской области, территорий Польши, Чехии, Словакии, что ими крайне травматично

переживалось; большинство немецких мужчин оказались в советском плену и плену союзников; американцы, англичане, французы не проводили фильтрационных мероприятий, что позволило многочисленным военным преступникам избежать наказания; союзники начали отпускать немецких военнопленных начиная с лета 1946 г.; для большинства немецких военнослужащих было большой удачей попасть в американский, английский, французский плен; в 1955–1956 гг. после переговоров с федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром были возвращены все остальные пленные, замешанные в военных преступлениях; последними в 1956 г. были отпущены служащие в войсках СС.

Основными семантическими маркерами исторической памяти граждан Германии и Австрии о советском плене стали следующие темы: страдания немецкого народа, требования сочувствия к страданиям военнопленных; моральные травмы, выразившиеся в распаде семей (многие женщины не дождалась своих мужей, вышли замуж еще раз); моральные травмы, которые привели к алкоголизму бывших военнопленных; нежелание бывших военнопленных говорить и вспоминать о годах плена; напрасные ожидания погибших на поле боя и в плену; восхищение немецким духом, стойкостью; горе от потерь близких, материальные проблемы (бедность, голод, лишения немецкого народа); страдание родственников и близких от военных травм военнопленных; счастье пребывания в американском плену; жестокость русского плена и русских; благодарность русским (крайне мало), откровенная ненависть к русским; рухнувшие надежды семей погибших и невернувшихся; историческая вина немцев перед русскими (крайне мало); заслуги Аденауэра, сравнение с ним современных слабых немецких политиков.

Типичные комментарии по теме страдания немецкого народа.

«И многие до сих пор ждут. Мой дедушка пропал без вести. Мой отец начинал всегда плакать, когда говорили о моем дедушке. Я сейчас числюсь родственником в реестре пропавших без вести в Берлине. Я в надежде что-нибудь узнать о его судьбе».

«Действительно отличное видео. Я могу вспомнить многое. Мой отец тоже был в плену и вернулся только после окончания войны. Мы долго страдали от военного опыта моих родителей. Иногда мои родители вели себя странно,

и я не мог с этим справиться. Катастрофа, которая продолжала оказывать влияние в течение длительного времени».

Типичные комментарии, отражающие тему сочувствия к страданиям военнопленных.

«Да, мы, немцы, тоже пострадали, никто не должен забывать об этом».

«Никто и не радуется. Хотя надо бы иметь чуточку сочувствия. Если ты сам попадешь в плен, с пытками, лишением пищи, тогда вдруг весь мир станет несправедливым. И откуда? До плена? Если бы Германия выиграла войну? Но если ты сам попадешь в плен...»

Типичные комментарии, выражающие гордость своими предками, их поведением на фронте и в плену.

«Трогательно и грустно одновременно, если учесть, что из примерно 300 000 военнопленных вернулось только 10 000. Вызывает восхищение сплоченность, дух товарищества и любовь, которые существовали в семьях в то время. Пусть никогда больше не будет войны!»

«Я встретил ветерана Сталинграда, когда был солдатом в Западной Германии того времени в 1981 г., он был очень гордым человеком с большим достоинством, он также был военнопленным и вернулся в 1953 г. Я был очень впечатлен этим. Храбрец».

«Уважение ко всем солдатам, сражавшимся за отечество и погибшим, все они легенды в моих глазах. Этих людей нужно уважать за их действия, а не называть “нацистами” или оскорблять».

Типичные комментарии на тему бедности, лишений и вредных привычек.

«Когда смотришь на эти кадры, многое вспоминаешь. Мой дедушка тоже поздно вернулся. Бабушка была одна с детьми до начала 50-х гг. Каждый день был борьбой за выживание для заключенных и тех, кто был здесь. В моей памяти он был действительно сломленным человеком, к тому же пристрастившимся к алкоголю, чтобы иметь возможность спать. Он страдал манией преследования и несколько раз подряд находился в психиатрических учреждениях. Тем не менее, он был любящим и веселым дедушкой, а потом еще и прадедом, и я вспоминаю его с любовью. Он был не очень старым, когда умер в 71 год».

«Мой тесть тоже был одним из тех, кто вернулся в 1955 г. Жена ждала его 10 лет, и тогда он впервые увидел свою дочь. Моя свекровь рассказывала мне, до войны и плена он был очень

веселым человеком, который не курил и не пил. Вернувшись, он стал заядлым курильщиком и алкоголиком, избивал жену и детей, которые родились позже. Он был сломленным человеком. Он также никогда не рассказывал о времени в плену. Должно быть, это было ужасно.

Типичные русофобские комментарии, подтема – немотивированная жестокость русских.

«Моему дедушке повезло. Вернулся домой в 1948 г. Вплоть до своей смерти в 2003 г. он ни слова хорошего не сказал о русских».

«Никогда не забывайте, что сделали наши “освободители”. Советский плен был бесчеловечнее всей войны!»

«В память о моей тете Сали, которой приходилось многие годы загружать подводы углем в русских шахтах. Для нее плен не закончился до самой смерти, потому что она перенесла от него тяжелые физические страдания».

Типичные комментарии с благодарностью русским за поддержку в плену.

«Моему дедушке пришлось уйти на восточный фронт, когда ему было 17 лет, а потом он попал в плен. Я был слишком молод, чтобы по-настоящему понимать эти истории. Мой дедушка был алкоголиком всю свою жизнь, и я думаю, что он выпивал только потому, что так и не оправился от этого. Мой отец рассказывал мне, что дед всегда хорошо говорил о русских гражданских лицах, которые тайно подсовывали им еду, когда у них самих было немного. По материнской линии моя прабабушка говорила то же самое об американцах. В то время ей было 8 лет, со своей бабушкой (прадедушка пропал на западном фронте во время войны) они тайно спрятали в лесу козу, чтобы у них было молоко. Американские солдаты намеренно игнорировали козу. Еще мне тайком подсовывали продуктовые посылки. Я очень благодарен, что моим бабушке и дедушке помог “враг”. Моей семье помогли там, где они больше всего нуждались, и я очень благодарен за это».

«Благодаря русскому великодушию мой прадед вернулся с Урала. Мы до сих пор очень благодарны русским за это».

Типичные комментарии с признанием ошибок Германии, четким видением причин плена.

«Моему дедушке посчастливилось вернуться домой из СССР на несколько лет раньше. К счастью, вскоре после этого он записал свои переживания. И меня радует, что он понял, что служил преступному режиму».

«Многие снова забывают, почему эти убийцы оказались в лагере».

«Не следует забывать, почему эти люди были заключенными. Но я знаю, почему этот пост появится именно сейчас. Очевидно сейчас стоит задача снова настроить против русских».

«Но у этого ужаса есть причина. Сколько русских женщин погибло на немецких принудительных работах и в условиях принудительного труда на заводах Флик, Крупп и Феникс и других промышленных предприятиях?»

Рамки статьи не позволяют подробно привести все смысловые нюансы, отражающие специфику немецкой исторической памяти. Сводные данные контент-анализа приведены в таблице.

Проведенные качественные социологические исследования позволяют сделать вывод о том, что советский плен действительно стал серьезной исторической травмой для немецкого народа. Травматичность усугубилась типичной европейской русофобией, которую можно сформулировать следующим образом: «Странно и непонятно, как мы, представители “высшей расы” оказались в плену у отсталых варваров». Плен у американских, английских союзников немецким историческим сознанием не воспринимался как трагедия, более того, многочисленные комментарии и исторические факты говорят о том, что в конце войны многие немецкие военные предпочитали сдаваться в плен именно западным союзникам. Историческая память о советском плене содержательно избирательна в плане «воспоминания» и «забывания». Немцы предпочитают забывать тяжелые, эмоционально травматичные моменты пребывания своих близких в плену, таким образом, происходит почти полное стирание причинно-следственных связей. Некоторые граждане в своих комментариях гордятся мужеством и стойкостью солдат и офицеров вермахта и СС как на фронте, так и в советском плену. Немцы ставят исключительно в заслугу К. Аденауэру освобождение своих военнопленных в 1955–1956 гг., не видя и не замечая миротворческих усилий со стороны СССР, не реагируя на само исходное содержание фильмов, в которых вскользь упоминается исторический факт, что освобождение немецких военнопленных было уже решенным делом с советской стороны и что не требовалось особых усилий со стороны ФРГ. Кроме того, в немецких комментариях крайне ограничено представлена объективная точка зрения,

Сводный смысловой контент-анализ по темам и подтемам

Единицы анализа	Индикаторы оценки	Всего
Количество нарративов		3522
Характер сообщения	1. Эмоционально негативно окрашенное высказывание. Базовые эмоции: грусть, сострадание военнопленным и их семьям, сочувствие, катастрофа немецкого народа. 2. Отрицательная оценка денотативного и коннотативного содержания нарратива. 3. Гордость за немецких военнопленных. 4. Неопределенный	3489 7 12 14
Упоминания о причинах плена немецких солдат в СССР	Нет четких причинно-следственных связей. Судьба, рок. Фашистская идеология, жестокость самих немецких военных, воздаяние за содеянное на территории бывшего СССР	3515
Упоминания о страданиях немецких военнопленных в СССР	Тяжелый труд, голод	3489
Качественная оценка условий содержания военнопленных в СССР	1. Положительная: всем было тяжело материально, лишения советского народа, но на этом фоне сильная помощь немецким военнопленным. 2. Отрицательная с оттенком русофобии. Бездоказательное обвинения русских в жестокости	6 11
Верность немецких женщин, которые дождались своих мужей. Описание оригинальных семейных историй	Гордость, восхищение, сочувствие	54
Качественная оценка деятельности федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра по возвращению немецких военнопленных в 1955–1956 гг.	Высокое признание заслуг. Восхищение, гордость. Негативное сравнение с сегодняшними немецким политиками	89
Качественная оценка деятельности советского руководства по его участию в возвращении немецких военнопленных	Не видят роли СССР и заслуг советского руководства	0
Качественная оценка отношения советского народа к немецким военнопленным	Продуктовая помощь граждан СССР немецким военнопленным, несмотря на то, что самим есть было практически нечего	8
Качественная оценка современными немцами потерь в советском плену	Очень многие погибли, не вернулись	3487
Качественная оценка религиозного контекста в деле возвращении немецких военнопленных	Благодарность Богу за жизнь, за возвращение	988
Качественная оценка немцами деятельности США, Англии, Франции в области содержания немецких военнопленных на оккупированных территориях	Плен у союзников СССР был короче и легче	37
Моральные травмы немецких военнопленных, вернувшихся домой	Потеря профессии, алкоголизм, курение, болезни, потеря семьи, предательство жены, невозможность адаптироваться в современных социально-экономических условиях	2387
Нежелание бывших военнопленных, их родственников говорить о войне и временах плена	Замалчивание из-за того, что воспоминания связаны с тяжелыми эмоциональными переживаниями и потрясениями	2837

что освобождение из плена началось с конца 40-х гг. XX в. Анализируемая историческая память о советском плене сильно эмоционально окрашена в негативные тона. Современные немцы не видят никакой причинно-следственной связи с пленом и воздаяниями за военные преступления.

Список литературы

1. Анисимова С. Ю. Еще раз о проблеме концептуализации исторической памяти // Аспирантский вестник Поволжья. 2022. Т. 22, № 3. С. 11–16. <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16>, EDN: AHDASY
2. Румянцев М. Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 41–54. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30830>
3. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 4 (269). С. 54–61.
4. Купцова И. В., Сидоров А. В., Фоменко М. В. Историческая память о войнах XX века в структуре государственной политики памяти // КЛИО. 2023. № 11 (203). С. 159–165. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2023_11_159
5. Белинская Е. П., Франтова Д. К. Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 3. С. 22–27.
6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
7. Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4 (69). С. 106–123.
8. Болибер В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача // Журнал практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/vospominanie-i-istorizaciya-transformaciya-individualnoy-i-kollektivnoy-travmy-i-ee> (дата обращения: 27.02.2024)
9. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
10. Найдорф М. Историзация, или Производство прошлого (к культурологии времени) // Вопросы культурологии. 2012. № 3. С. 11–15. EDN: PDXWTH
11. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А. Теоретико-методологические аспекты анализа исторической памяти // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 7 (87). С. 24–27. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.7.3>
12. Капитонова Т. А., Белокрылова В. А., Никитина Ю. Ф. Исследование исторической памяти: динамика индивидуального и коллективного начал // Материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 17–18 мая 2016 г.) : в 2 ч. Ч. 2. Минск : БГУ, 2016. С. 591–594.
13. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А., Юрасова О. Н., Пензина Д. П. Историческая память молодежи в России. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. 132 с.
14. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт Петербурге, 2019. 220 с.
15. Леонов А. К. Анализ социологических данных (качественная парадигма) : учеб. пособие. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2019. 137 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 07.03.2024
The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 07.03.2024

Научная статья

УДК [316.7](316.72)

Особенности культурной интеграции китайских студентов музыкантов-исполнителей в российскую образовательную среду

И. В. Бабаян¹ ✉, Е. И. Пашинина², Чжан Фаншуо³

¹Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, пр-кт им. Петра Столыпина, д. 1

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

³Университет Шандонг, Китай, 264209, г. Вэйхай, Вэньхуа Вест Роуд, д. 180

Бабаян Инна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Пашинина Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Производственный менеджмент», pashininaei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-4954>

Чжан Фаншуо, преподаватель, концертмейстер, 461078702@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-8522-1178>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социокультурных факторов, оказывающих влияние на процесс интеграции и особенностей формирования профессиональной идентичности китайских студентов музыкантов-исполнителей в системе российского музыкального образования. Становление профессиональной музыкальной системы в Китае отмечается к началу XX века. Это время связано с формированием музыкального исполнительства, которое становится возможным под влиянием европейских музыкальных традиций концертной деятельности. Открытие и функционирование высших музыкальных учреждений в Китае – Шанхайской государственной консерватории (1927 г.) и Центральной консерватории музыки в Пекине (1949 г.) – способствует развитию профессионального музыкального образования. Важным периодом в развитии профессиональной музыки Китая является эмиграция русских музыкантов, творчество которых оказало существенное влияние на музыкальную жизнь в Китае в первой половине XX в. Вместе с тем сегодня наблюдается рост интереса к российскому музыкальному образованию у китайских студентов, который усиливается в условиях укрепления российско-китайского сотрудничества. В статье анализируются эмпирические данные качественного интервью с китайскими студентами Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова (N = 20). На основе проанализированных эмпирических данных авторы приходят к выводам о востребованности российского музыкального образования у китайских студентов и придании ими высокой ценностной оценки музыкальных традиций русской национальной музыкально-исполнительской школы, что, несомненно, является привлекательным в выборе страны для учебы. Вместе с тем рассматриваются факторы, влияющие на успешную культурную интеграцию китайских студентов в образовательную среду.

Ключевые слова: культурная интеграция, профессиональная идентичность, музыканты-исполнители, российское музыкальное образование, китайские студенты

Для цитирования: Бабаян И. В., Пашинина Е. И., Чжан Фаншуо. Особенности культурной интеграции китайских студентов музыкантов-исполнителей в российскую образовательную среду // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 163–171. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-163-171>, EDN: UWZNDP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The specifics of cultural integration of Chinese students-performing musicians in the Russian educational environment

I. V. Babayan¹ ✉, E. I. Pashinina², Zhang Fangshuo³

¹Saratov State Conservatoire, 1 Petra Stolypina Ave., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

³Shandong University, 180 Wenhua Xilu, Weihai 264209, P.R. China

Inna V. Babayan, innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Ekaterina I. Pashinina, pashininaei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-4954>

Zhang Fangshuo, 461078702@qq.com, <https://orcid.org/0009-0003-8522-1178>

Abstract. The article is devoted to the consideration of socio-cultural factors that influence the process of integration and specifics of the formation of the professional identity of Chinese students - performing musicians in the system of Russian music education. The formation of a

professional music system in China is marked by the beginning of the 20th century. This time is associated with the formation of musical performance, which becomes possible under the influence of European musical traditions of concert activity. The opening and functioning of higher musical institutions in China – the Shanghai State Conservatory (1927) and the Central Conservatory of Music in Beijing (1949) – contribute to the development of professional music education. The important period in the development of professional music in China is the emigration of Russian musicians, whose work had a significant impact on musical life in China in the first half of the 20th century. At the same time, today there is a growing interest in Russian music education among Chinese students, which is growing in the context of strengthening Russian-Chinese cooperation. The article analyzes the empirical data of the qualitative interview with Chinese students (N = 20) of Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov. On the basis of the analyzed empirical data the demand for Russian music education among Chinese students and their high value of assessment of the musical traditions of the Russian national music and performing school, which is undoubtedly attractive in choosing a country for education were confirmed. At the same time, the factors influencing the successful cultural integration of Chinese students into the educational environment are considered.

Keywords: cultural integration, professional identity, performing musicians, Russian musical education, Chinese students

For citation: Babayan I. V., Pashinina E. I., Zhang Fangshuo. The specifics of cultural integration of Chinese students-performing musicians in the Russian educational environment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 163–171 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-163-171>, EDN: UWZNDP

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Влияние русской музыкальной культуры и деятельности российских (советских) музыкантов на становление академического музыкального искусства отмечается еще со времен русской эмиграции в Китае. Гуманитарные связи России и Китая формировались на протяжении десятилетий. В условиях многополярного мира эти отношения укрепляются в рамках дипломатических контактов, экономических отношений, а также «мягкой силы», направленной на продвижение имиджа России с устойчивыми традициями в сфере образования, культуры и искусства как привлекательной страны для учебы и культурного обмена. Результаты социологических исследований свидетельствуют о возросшем интересе китайской молодежи к российскому образованию [1]. На сегодняшний день в российских вузах, в том числе в их зарубежных филиалах, обучаются 32,6 тыс. граждан Китая [2]. Согласно статистическим данным, по сравнению с 2020/2021 уч. г. их число увеличилось почти на 3 тыс. студентов. Эффективность обучения китайских студентов в российских вузах во многом зависит от того, насколько успешно на первом этапе состоится процесс социально-психологической адаптации к новой языковой, социально-культурной и образовательной среде [3]. Вместе с тем в новой культурной среде формируется и профессиональная идентичность иностранного студента.

В данной статье рассматриваются особенности формирования профессиональной идентичности китайских студентов музыкантов-исполнителей саратовского музыкального вуза в контексте интеграционного культурного процесса. Гипотезой исследования выступает предположение, что вместе с получением профессии музыканта у китайских студентов российских

музыкальных вузов постепенно формируются не только профессиональная идентичность, но также культурная идентичность, связанная с восприятием и отношением к российской культуре, осознанием себя частью культуры принимающего сообщества. Статья основывается на эмпирических данных – качественных интервью с китайскими ассистентами-стажерами Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, собранных в период с марта по апрель 2023 г. Основным эмпирическим методом выступает стандартизированное «открытое» интервью, которое состоит из набора вопросов, тщательно сформулированных и организованных с таким расчетом, чтобы предъявлять их респондентам в одной и той же последовательности, спрашивая их об одном и том же одними и теми же словами [4]. Данный тип интервью выбран с целью структурировать ответы иностранных студентов, преодолевая языковой барьер. Структурированное «открытое» интервью позволяет «минимизировать эффект интервьюера», структурировать ответы информантов.

В ходе сбора эмпирических данных было собрано 20 структурированных «открытых» интервью, каждое продолжительностью от часа до полутора часов. Основными языками интервью, на котором велось общение, были русский и английский. Сценарий интервью представлен тремя тематическими блоками, направленными на рассмотрение таких аспектов, как приобщение к музыке, выбор творческой профессии, межкультурная коммуникация и обучение в консерватории. Первый блок включает в себя вопросы, посвященные началу творческого пути, первым занятиям музыкой и профессиональному выбору. Вопросы из второго блока раскрывают уче-

бу в Саратовской консерватории. Третий блок направлен на анализ особенностей межкультурной коммуникации, культурного капитала музыкантов, профессиональной траектории. Записи интервью транскрибировались, эмпирический материал анализировался с помощью метода обоснованной теории (Grounded Theory) А. Страусса и Дж. Корбина [5].

При взаимодействии российской и китайской культур возникают специфические отношения и связи, порождающие влияния и взаимные изменения как в культурах в целом, так и в культурных идентичностях их носителей. Такие изменения носят длительный характер и зависят в целом от направленности политики и характера влияния. Например, в последние годы в российско-китайских отношениях можно отметить усиление установок на социокультурное, экономическое и геополитическое сотрудничество, что влияет на характер контактов и взаимодействий представителей разных культур. Одним из процессов, проявляющих аспект межкультурного взаимодействия, можно считать нарастание интенсивности студенческих обменов и получения образования иностранными студентами. При этом происходит межкультурное взаимодействие на разных уровнях – этническом, национальном, цивилизационном. Одновременно в процессе обучения обучающая сторона может позиционироваться как представитель культуры-донора, а обучающиеся – как реципиенты, получающие в образовательном процессе элементы донорского культурного кода.

Культурная интеграция является важной частью формирования профессиональной идентичности иностранных студентов. Освоение им музыкальной профессии должно сопровождаться процессом интеграции в культурную среду посредством приобщения к традициям, истории российской культуры. Таким образом, выпускники российских вузов получают возможность интегрироваться в мировое культурное пространство, усвоить основные музыкально-педагогические идеи, эстетические принципы и установки русской музыкальной школы.

Профессиональное становление китайских студентов в условиях российского высшего музыкального образования складывается из бэкграунда начального музыкального образования, полученного в Китае, где в частных музыкальных школах качественное длительное системное обучение оказывается очень дорогим по стоимости, поэтому чаще выбираются частные уроки с педагогами. Это нередко от-

ражается на содержании и объеме знаний и исполнительских навыков китайских учеников, что вносит особые требования к выравниванию готовности приступить к обучению в системе высшего музыкального образования в России. С этой целью на примере Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, работает подготовительный факультет, где китайские студенты учат русский язык и осваивают необходимый уровень профессиональных компетенций для поступления на основные программы обучения по программам бакалавриата, магистратуры, ассистентуры.

История развития профессионального музыкального образования в Китае началась в XX в., и в настоящее время формируется новое поколение музыкантов. О значимости музыкального образования было сказано на XVIII и XIX съездах Коммунистической партии Китая, в рамках которых прозвучали идеи стратегии подготовки педагогов и исполнителей в контексте глобальных интеграционных культурных, экономических и политических процессов развития. Руководство на всех уровнях, от центрального правительства до местных органов власти, увеличило финансирование образования и приняло меры по улучшению социального положения педагогов, их работы и условий жизни [6]. На сегодняшний день в Китае функционируют образовательные учреждения, в которых ведется обучение специалистов в сфере музыкальной педагогики и исполнительского искусства: консерватории, музыкальные институты, музыкальные факультеты в университетах.

Система профессионального музыкального образования в Китае находится в стадии развития и не представлена трехуровневой системой по аналогии с российской системой образования, которая имеет разветвленную сеть музыкальных школ, учреждений среднего профессионального и высшего уровней. Музыкальные школы в России являются государственными или муниципальными, обучение ведется преимущественно бесплатно для учеников. В таких школах выстроена системная педагогическая работа, которая позволяет учителю сформировать необходимые компетенции у учащихся для получения ими профессии музыканта.

В Китае музыкальное образование является частным делом семьи, и решение отдать ребенка учиться музыке остается исключительной прерогативой родителей, которые не в последнюю очередь в вопросах обучения руководствуются своими материальными возможностями. Обучение музыке в Китае доступно

не всем семьям из-за высокой стоимости. Информанты, принявшие участие в социологическом исследовании, не имеют систематического образования. Как правило, дети начинают заниматься музыкой в 10-летнем возрасте или значительно позже, в подростковом возрасте. В семьях информантов нет потомственных музыкантов, профессиональная деятельность родителей не связана со сферой культуры или образования. Интерес к музыке у ребенка появляется под влиянием ближнего круга друзей, которые занимаются музыкой профессионально или музыка является для них увлечением, либо они меломаны и интересуются творчеством известных музыкантов-исполнителей:

Когда я услышал, как играет мой друг на кларнете, мне тогда было 10 лет, я тоже захотел научиться играть на этом инструменте. Спустя два года мой папа нанял репетитора кларнетиста из нашей филармонии, и я начал учиться играть на кларнете (инф. 1, муж., ассистент-стажер).

Образовательная инфраструктура в сфере музыкального искусства развита не во всех китайских городах, во многих отсутствуют музыкальные школы и даже учреждения культуры. Если имеются музыкальные школы, то, как отмечают информанты, обучение в таких учебных заведениях не вызывает интереса, чаще всего они не обеспечивают учеников в полном объеме нужным уровнем знаний.

Когда я была ребенком, мне нравилась скрипка. Но фортепиано в Китае более популярный инструмент и мне родители купили фортепиано. Родители отдали меня в частную музыкальную школу. Я проучилась 2 года, а потом бросила, так как мне было неинтересно там учиться, и родители наняли мне частного учителя музыки (инф. 2, жен., магистрант).

Свой первый музыкальный образовательный опыт дети получают в процессе занятий с частным репетитором. Это могут быть как музыканты, аффилированные с местными филармониями, так и преподаватели музыкальных факультетов институтов или университетов. Услуги репетитора являются дорогостоящими, по этой причине занятия по специальности почти сведены к минимуму и в среднем могут составлять одно или два занятия в неделю продолжительностью от 45 до 60 минут. На частных занятиях преподаватель обучает технике игры на инструменте, в случае вокала – навыкам и умению вокальной техники. Если принимается решение продолжить обучение и сделан профессиональный выбор в

пользу музыки, то ученики дополнительно берут занятия по сольфеджио и истории музыки. Теоретические дисциплины необходимы для поступления в высшее образовательное учреждение. Для обучения сольфеджио или истории музыки абитуриенты обращаются к преподавателям из высших музыкальных учреждений, в которые планируют свое поступление. Таким образом, знания, полученные до вступительных экзаменов в колледжи, педагогические вузы или университеты, являются неполными, что влияет на общий уровень подготовки абитуриентов:

Перед поступлением в консерваторию в Шанхае я начал брать уроки сольфеджио у частного учителя, мне было 16 лет. Я два года учил сольфеджио у педагога с музыкального факультета, на который думал поступать (инф. 8, муж., ассистент-стажер).

В случае если абитуриент не выдерживает вступительные испытания в одну из консерваторий Китая, в качестве альтернативы он выбирает музыкальные факультеты при университетах или институтах, на которых ведется подготовка по направлениям музыкальной педагогики и исполнительского искусства. Как отмечают информанты, обучение на педагога значительно сложнее, чем на исполнителя, поскольку требует изучение нового музыкального инструмента и владения навыками игры на фортепиано, если данный инструмент не является основным для студента. Введение дополнительного инструмента в процесс освоения профессии педагога является своего рода барьером, который с определенными сложностями преодолевается. Информанты подчеркивают, что в более зрелом возрасте занятия на новом инструменте даются им непросто, поэтому чаще всего делается профессиональный выбор в пользу музыкально-инструментального искусства.

Я выбрал исполнительство, потому что учился на кларнете, а если бы пошел учиться на педагога, то нужно было бы учиться играть еще на фортепиано, а мне было уже 18 лет и это сделать сложно. И еще во время обучения на педагога мне нужно было бы петь в хоре, что мне не очень нравится (инф. 1, муж., ассистент-стажер);

Об уровне сложности обучения на музыкальных факультетах в Китае респонденты отмечают, что, с одной стороны, было непросто учиться, поскольку учебная программа предполагала разучивание и исполнение репертуара, состоящего из разноплановой музыки. С другой стороны, сравнивая учебу в китайском учебном

заведении и в Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, информанты подчеркивают, что в процессе обучения они «как бы заново учатся исполнительскому мастерству». Учеба в российском вузе сопровождается рядом трудностей.

Во-первых, во время обучения в Китае преподаватели обращают внимание преимущественно на развитие технических навыков студентов, в то время как в Саратовской консерватории студенты учатся единству технических и художественных навыков исполнения произведения, работают над художественным образом, и в этой практике не всегда удается достигнуть большого успеха. При этом информанты-пианисты говорят о том, что преподаватели Саратовской консерватории большое внимание уделяют развитию технических навыков обучающегося.

В студенческом симфоническом оркестре в консерватории наш дирижер всегда обращает наше внимание на то, как звучат другие инструменты, и учит держать в голове не только партию своего инструмента. На моем музыкальном факультете в университете в Китае, где я учился, дирижер об этом говорил мало, мы должны были знать только свою партию. Я думаю, что в китайской консерватории может быть так же, как в Саратовской (инф. 14, муж., ассистент-стажер).

Во-вторых, как отметили информанты, во время учебы в образовательном учреждении в Китае большинство музыкальных произведений исполнялось по нотам, и не так часто требовалось от студента воспроизведение сочинения по памяти.

Знакомство с русской академической, в целом европейской музыкой происходит до того, как китайские студенты принимают решение продолжить учиться музыке в российских высших учебных заведениях. Это становится возможным во время обучения на музыкальных факультетах в колледжах или вузах в Китае, а также на концертах в филармониях или в других концертных залах, которые они посещают в своих городах. Как отмечает один из информантов, в репертуаре филармонического оркестра в Сямень часто на концертах можно услышать исполнение произведений композиторов России.

Профессиональная идентичность предполагает обращение к общим вопросам конструирования музыкальной идентичности. Изучение музыкальной идентичности в социологии музыки находится на периферии интересов ученых, работающих в рамках данной дисциплины. Это связано с тем, что исследователи

фокусировались в большей степени на вопросах формирования предпочтений и потребительской культуры различных социальных слоев, накоплении культурного капитала, анализе появления музыкальных жанров в контексте социальных и экономических, культурных трансформаций. Яркий представитель франкфуртской школы Теодор Адорно дифференцировал музыку на высокую, среднюю и низкую (highbrow, middlebrow и lowbrow), при этом отмечал методологические сложности изучения «социального смысла музыки» посредством анализа и определения музыкальных предпочтений социальных классов и музыки и формирование их потребности и отношения к музыкальным жанрам, стилям. Вместе с тем идентичность в социологии рассматривалась как социальная категория в аспекте национальности, этничности, социального класса, гендера, гражданственности. Музыкальную идентичность, согласно классификации Д. В. Ткачук, необходимо анализировать в следующих аспектах:

- 1) музыка как элемент саморефлексии;
- 2) музыкальная идентичность как разнообразность культурной или социальной идентичности, коллективности;
- 3) музыкальная идентичность в контексте музыкальных вкусов и предпочтений, выступающих в качестве оснований для ее формирования [7].

Первый аспект предполагает, что конструирование идентичности происходит в процессе музыкальных практик, в то время как второй аспект раскрывает особенности формирования идентичности внутри коллектива, сообщества, социально-профессиональной группы, при этом музыкальная идентичность выступает как производная от этнической, гендерной, классовой, гражданской идентичности. Третий аспект связан с анализом музыкальных предпочтений индивидуума или коллектива.

Во время учебы в образовательных учреждениях в Китае студенты изучают историю русской музыки, в частности, упоминается обращение к фольклорному творчеству, к творчеству русских и советских композиторов. Китайские студенты описывают музыку русских композиторов как «вдохновляющую», «чувственную», «широкую, как река Волга», «романтическую», «свободную».

Когда мне грустно, я всегда слушаю 5 и 7 симфонии Д. Д. Шостаковича, люблю слушать цикл «Времена года» П. И. Чайковского. Я слушаю русскую музыку и представляю природу (инф. 1, муж., ассистент-стажер).

Решение продолжить учиться исполнительскому искусству в России связано с различными факторами, один из которых – стремительное распространение европейской музыки в Китае. Изучение мирового культурного опыта европейских стран, многочисленные культурные обмены, приглашение известных музыкантов со всего мира для преподавания и проведения мастер-классов для учащихся музыкальных школ, колледжей и вузов подчеркивают значимость академического образования с его традициями для развития профессиональной культуры и системы музыкального образования. На важность накопления китайскими музыкантами культурного капитала и поиск своего уникального стиля с учетом китайских многовековых традиций в образовании и культуре указал директор специальной музыкальной школы для одаренных детей при Центральной Пекинской консерватории На Мула во время визита российской делегации в Китай в рамках образовательного проекта «Звезды России молодым талантам Китая», поддержанного Министерством культуры РФ и Газпромом в 2012 г.: «...наше образование включает в себя традиции многих музыкальных культур, хотя ближе всего нам русская школа, с которой мы не прерываем связь. Но наша задача – искать свой китайский стиль, иметь китайское развитие» [8].

Для того чтобы выдержать конкуренцию среди музыкантов у себя в стране, китайские музыканты продолжают совершенствоваться в других странах, в частности в России, что придает им значительное преимущество на рынке труда. Как отмечают информанты, обучение в Саратовской консерватории связано с необходимостью получить недостающие знания и навыки, а также как будущим исполнителям лучше «понять музыкальное искусство», «выражать эмоции». Российское музыкальное образование привлекательно для китайских студентов, поскольку, как артикулируют информанты, «у России есть музыкальная история».

Во многих случаях выбор российского музыкального вуза продиктован рекомендациями друзей музыкантов и преподавателей, последние являются проводниками в российскую музыкальную культуру:

Как сказал мой педагог по кларнету, если ты хочешь продолжить учиться профессии музыканта, то ты должен поехать в Россию (инф. 1, муж., ассистент-стажер).

Социальный капитал китайских преподавателей в виде профессиональных связей, ди-

пломатических контактов, формирующихся во время их учебы в российских вузах, гастролей, или установленные официальные партнерские отношения китайских образовательных учреждений с российскими учреждениями позволяют китайским студентам ориентироваться в высшем образовании в России. При этом важной составляющей для продвижения имиджа российского музыкального образования является профориентация вузов, которая является частью партнерских отношений учреждений обеих стран:

Я выбрал Саратовскую консерваторию, потому что к нам приезжали ее представители и пригласили учиться, а также мой педагог посоветовал выбрать именно эту консерваторию, и подруга у меня здесь училась (инф. 9, муж., магистрант).

Профессиональное становление музыканта и накопление им культурного капитала во многом зависит от культурной среды. Рассматривая влияние российской культуры на формирование китайских музыкантов, необходимо отметить и роль межкультурной коммуникации, и уровень интеграции в локальную культуру. Структурные подразделения, созданные на базе высших учебных заведений в виде управлений или отделов, проводят работу по культурной и социальной интеграции иностранных студентов. В Саратовской консерватории успешно реализуется программа подготовительного курса «Интеграция в образовательную среду музыкального вуза России» [9]. Данная программа направлена на обучение иностранных абитуриентов русскому языку, сольфеджио и специальности (вокал или сольное исполнительство на инструменте). Вместе с тем специалистами отдела международной деятельности консерватории ведется плодотворная работа по культурной интеграции иностранных студентов в период их обучения. В рамках внеучебного времени иностранные студенты знакомятся с деятельностью культурных институций г. Саратова, посещают мероприятия, в числе которых выставки, театральные спектакли, концерты, являются участниками городских культурных событий и исполнителями на различных творческих мероприятиях.

Чаще всего в российских вузах китайских студентов из-за их многочисленности формируют в мононациональные группы, что служит поводом для применения в таких группах национально ориентированного обучения [10], получившего в отечественной методике широкое освещение и признание (И. А. Пугачев,

Т. М. Балыхина, Т. И. Капитонова, Н. М. Румянцева и др.). Системный подход в вопросах культурной интеграции иностранных студентов предполагает сочетание учебных и внеучебных мероприятий, конечная цель которых связана с формированием профессиональной идентичности будущих музыкантов. Социокультурная коммуникация выступает одним из базовых механизмов и неотъемлемой составляющей социокультурного развития, обеспечивающей возможность формирования культурных связей внутри отдельных культур и между культурами [11].

Информанты отмечают, что освоение русского языка является одним из самых сложных навыков в учебном процессе. Эффективность обучения китайских студентов в российских вузах во многом зависит от того, насколько успешно на первом этапе состоится процесс социально-психологической адаптации к новой языковой, социально-культурной и образовательной среде. Основная проблема, с которой сталкиваются китайские студенты, – русский язык, являющийся барьером на пути к эффективному обучению иностранной молодежи. По мнению исследователей, большинство китайских учащихся не знакомы с коммуникативной методикой изучения иностранного языка, активно используемой в российской практике преподавания иностранных языков [10]. По этой причине китайские студенты испытывают определенные трудности в выполнении коммуникативных заданий. Как отмечает Тань Яньцзе, в Китае главной задачей учащегося является запоминание огромного количества материала и его воспроизведение, не предусматривающее ни его анализа, ни выражения своего отношения к нему [12].

Этнокультурные особенности китайских студентов являются важным фактором, влияющим не только на усвоение ими теоретических знаний и практических навыков, но и на успешность в дальнейшем сохранении и передаче традиций русской музыкальной школы. Выпускники консерватории представляют интерес с точки зрения носителей ценностей и культуры русской музыкальной школы. Это, в свою очередь, определяет их как амбассадоров русской культуры, что означает возможность донести до широкого круга слушателей КНР все самое лучшее, которое накапливалось десятилетиями в процессе развития российского музыкального образования.

Музыкальная культура является значимой частью духовной жизни общества, формирует

вкусы, мировоззрение и установки человека. Обучение китайских студентов в российском музыкальном вузе – это время их приобщения к традициям духовной культуры, осознания своей принадлежности к российской музыкальной школе и профессии музыканта, становления музыканта – эстетических вкусов, взглядов на профессиональную деятельность и творчество. Музыкальное образование является частью культуры общества, поэтому исследуется с позиций культурологического подхода с применением педагогических методов, позволяющих выявить и проанализировать противоречия между культурно-образовательными потребностями общества и реальными возможностями системы музыкального образования, выявить факторы преемственности в процессе исторической смены музыкально-образовательных парадигм [13].

Помимо изучения музыкальной культуры и истории русской музыки, элементом культурной интеграции и формирования профессиональной идентичности китайских студентов является накопление ими культурного капитала, представленного в виде полученного культурного опыта – начитанности, «насмотренности» и «наслушанности». В китайских школах русская художественная литература включена в курс школьной программы, и в списке литературы обязательного к прочтению значатся произведения «Как закалялась сталь» Н. А. Островского и «Поднятая целина» М. А. Шолохова. Наиболее полное представление у образованных жителей современного Китая, как отмечает Татьяна Тэн, имеется об А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове, М. Горьком и Н. А. Островском. В цитированной ранее литературе о России авторами также упомянуты Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, М. Ю. Лермонтов, К. Ф. Рылеев, И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, А. Белый, А. Ахматова, Б. Л. Пастернак, А. А. Фадеев, А. Н. Толстой и другие авторы [14, с. 201–230].

Среди информантов, принявших участие в исследовании, только один указал на то, что знаком с романами Н. А. Островского и М. А. Шолохова, остальные отметили, что до поступления в российский вуз не читали русскую литературу. Среди российских кинофильмов, просмотренных китайскими студентами были названы полнометражный художественный фильм «Битва за Севастополь» (реж. С. Е. Мокрицкий), мелодрама «Он – Дракон» (реж. И. Джэндубаев), «Я же-

лаю тебе себя» (реж. С. Мареев). Туризм также является одним из не менее важных элементов культурной интеграции. Во время проживания и учебы в России многим китайским студентам удастся посетить российские регионы с целью туризма. В списке городов, в которых побывали информанты, – Москва, Санкт-Петербург, Мурманск, Калининград, Казань, Сочи.

Интерес к получению музыкального образования в России среди граждан КНР возрастает, поскольку российское образование повышает шансы выпускников российских вузов на трудоустройство в своей стране. Информанты размышляют о своем профессиональном пути, который может быть успешным, если ты долго и системно учился в российском вузе. Для опрошенных иностранных студентов Саратовской консерватории профессия музыканта является «жизнью», «работой», «способом заработать деньги».

Таким образом, успех в профессии, как полагают информанты, измеряется: 1) уровнем мастерства, что означает хорошее владение инструментом; 2) непрерывным обучением, которое продолжается, даже если музыкант уже начал трудовую деятельность; 3) передачей знаний своим ученикам – преемственность поколений; 4) материальным благополучием, «когда ты можешь получить хорошие деньги за свою работу».

Необходимо отметить особую структуру взаимодействия культур при обучении иностранных студентов, включающую предусмотренные учебным планом содержательные направления и конкретные формы взаимного обмена при учебном процессе и вне его, при бытовом, адапционном, ознакомительном погружении в повседневные и социокультурные практики. За непродолжительный период обучения (на подготовительном факультете – 1 год, в магистратуре или ассистентуре – 2 года) студентам удастся освоить основы навигации в месте проживания, наладить базовые контакты с преподавателями и учебно-вспомогательным персоналом, получить профессиональные навыки по специальности. Однако барьеры на пути к освоению русского языка чаще всего оказываются сложно преодолимыми, несмотря на то, что занятия происходят преимущественно на русском языке. При этом студенты часто используют для облегчения коммуникации технические средства с программами-переводчиками. Налаживание контактов и связей с российскими студентами и профессиональными сообществами также не

всегда дается легко, но в процессе обучения такие контакты все же происходят в рамках творческих проектов, концертов и выступлений.

Среди факторов, влияющих на процесс формирования профессиональной идентичности китайских студентов музыкантов-исполнителей в организационно-педагогических условиях российской высшей школы, следует отметить приоритет освоения исполнительских навыков, влияние довольно длительного адаптационного периода, включающего сложности освоения русского языка и бытового ориентирования, включение в новую социокультурную среду, изучение российской музыкальной культуры, композиторов и произведений, установление профессиональных контактов.

Таким образом, необходимо отметить потенциал и перспективы взаимодействия музыкальной культуры России и Китая, межкультурной коммуникации в системе музыкального образования, взаимовлияния традиций китайской и российской систем подготовки музыкальных исполнителей, что отражается на профессиональной идентичности и профессиональном развитии иностранных студентов-китайцев в системе российского высшего музыкального образования. Проведенное авторское эмпирическое исследование позволило увидеть основополагающие мотивы освоения профессиональной деятельности студентами-китайцами на базе российского музыкального образования, а также сложности и перспективы развития российско-китайских образовательных процессов.

Список литературы

1. *Вашкявичус В. Ю., Кондракова Ю. Н., Кузьмина Е. С., Сметанников И. Б.* Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213–237. <https://doi.org/10.17223/1998863X/65/19>
2. Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество в сфере науки и образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53743/?sphrase_id=4320592 (дата обращения: 15.04.2023).
3. *Ван Сяо, Петанова Е. И.* Личностные адаптационные ресурсы китайских студентов-первокурсников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 3. С. 75–85.
4. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Анализ и интерпретация качественных данных //

- Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И. Штейнберга. СПб. : Алетей, 2009. С. 255–319.
5. *Страус А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
  6. *Дин И.* «Остров фортепиано» – Гуланьюй // *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой.* 2019. № 2 (61). С. 141–148.
  7. *Ткачук Д. А.* В поисках музыкальной идентичности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2018. Т. 11, вып. 2. С. 241–248. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.207>
  8. *Муравьева И.* Российские музыканты провели мастер-классы в китайских консерваториях // *Российская газета – Федеральный выпуск № 151 (5824).* URL: <https://rg.ru/2012/07/05/piano-kitay.html> (дата обращения: 23.02.2023).
  9. Программа подготовительного курса «Интеграция в образовательную среду музыкального вуза России». URL: https://sarcons.ru/foreign_student/program/piano/ (дата обращения: 01.03.2023).
  10. *Туана Е. Н., Губарева С. А., Краснова И. А., Смелкова И. Ю., Погодин С. Н., Богданова Н. В.* Обучение китайских студентов говорению на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях российского вуза // *Современные проблемы науки и образования.* 2022. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31761> (дата обращения: 18.02.2023).
  11. *Чикишев Е. М., Чикишева А. А.* Оценка роли учреждения высшего образования в социальной адаптации и интеграции иностранных обучающихся в российскую среду // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) / Modern Research of Social Problems.* 2015. № 8 (52). С. 408–427.
  12. *Тань Яньцзе.* Этнопсихологические особенности обучения китайских учащихся // *Молодой ученый.* 2017. № 17 (151). С. 288–291. URL: <https://moluch.ru/archive/151/42833/> (дата обращения: 03.03.2023).
  13. *Немыкина И. Н., Козьменко О. П.* Культурные традиции и музыкальное образование России на рубеже веков // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 1, ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18127> (дата обращения: 18.03.2023).
  14. *Тен Н.* От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М. : Новое литературное обозрение, 2016. 296 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 29.11.2023
The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 29.11.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 172–177

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 172–177

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-172-177>, EDN: VXGZTY

Научная статья

УДК 316.4

Эвристический потенциал искусственного интеллекта в анализе социальных сетей

М. С. Горемыко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Горемыко Максим Сергеевич, аспирант кафедры социальной информатики, Gmdrem@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4570-6623>

Аннотация. Искусственный интеллект – важная часть современной жизни. ИИ существует для того, чтобы улучшать жизнь и высвобождать время и ресурсы для задач, которые требуют продуманных усилий со стороны человека. Появление искусственного интеллекта (ИИ) создало новые возможности для анализа данных такого современного феномена, как социальные сети, предлагая анализ и понимание динамики онлайн-сообществ и настроений пользователей. Социальные сети – это область, в которой ИИ процветает. Интернет-пользователи используют социальные сети для общения, поиска информации, покупок и даже работы. Соцсети также предоставляют огромный объем данных, который может быть использован для анализа социальных процессов и поведения людей. Однако объем данных так велик, что его обработка и анализ становится трудоемким и затратным процессом. Искусственный интеллект может помочь в решении этой проблемы. Статья посвящена исследованию роли искусственного интеллекта в анализе социальных сетей, освещаются возможности ИИ и проблемы, рассматриваются различные методы анализа и сбора данных, такие как социальное прослушивание, обработка естественного языка, а также система автоматической классификации контента. Использование эвристического подхода к данной проблематике, основанного на ИИ, помогает существенно ускорить процесс обработки данных и снизить затраты на анализ, который выполнялся бы ручным трудом. В результате установлено, что искусственный интеллект имеет большой эвристический потенциал в анализе социальных сетей. Его способность анализировать огромные объемы данных, распознавать паттерны и выявлять тенденции в данных, а также автоматизировать задачи управления социальными медиа делает его ценным инструментом для понимания тенденций и поведения пользователей в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, машинное обучение, сетевой анализ, социальное прослушивание, НЛП, система автоматической классификации контента

Для цитирования: Горемыко М. С. Эвристический потенциал искусственного интеллекта в анализе социальных сетей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 172–177. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-172-177>, EDN: VXGZTY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Heuristic potential artificial intelligence in the analysis of social networks

M. S. Goremyko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maksim S. Goremyko, Gmdrem@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-4570-6623>

Abstract. Artificial intelligence is an important part of modern life. AI exists to improve lives and free up time and resources for the tasks that require thoughtful human action. The advent of artificial intelligence (AI) created new data analyzing the capabilities of the modern phenomenon of social networking, accurately analyzing and understanding the dynamics of online communities and users' sentiments. AI succeeds in such area as social media. Internet users use social media to communicate, search for information, buy things and even work. Social networks also have a high amount of data that can be used to analyze social processes and people's behavior. However, the amount of data is so large that so its processing and analysis can be a time-consuming process. Artificial intelligence can help to solve this problem. The article is devoted to the study of the role of artificial intelligence in the analysis of social networks, highlights the possibilities of AI and problems, considers various methods of analysis and data collection, such as social listening, natural language processing, as well as an automatic content classification system. The use of a heuristic approach to this issue based on AI helps to significantly speed up the process of data processing and reduce the cost of analysis that would be performed by manual labor. As a result, it was established that artificial

intelligence has a great heuristic potential in the analysis of social networks. Its ability to analyze large amount of data, recognize patterns and identify data trends and also automate management tasks makes it a valuable tool for understanding social media trends and users' behavior.

Keywords: scientific networks, machine learning, network analysis, social listening, NLP, export detection system

For citation: Goremyko M. S. Heuristic potential of artificial intelligence in the analysis of social networks. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 172–177 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-172-177>, EDN: VXGZTY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Впервые термин «искусственный интеллект» появился в 1956 г., но свою популярность он обрел не так давно, в начале XXI в. В связи с ростом объема данных появилась проблема их обработки. Для выполнения такого рода задач необходимы мощная вычислительная техника и быстрая скорость обработки информации. В этом помогает ИИ, или искусственный интеллект. ИИ охватывает огромное количество сфер: банки, образование, медицину сельское хозяйство и, конечно же, социальные сети. ИИ умеет распознавать образы и тексты, собирать статистику, анализировать данные, составлять прогнозы и т.д. При использовании социальных сетей можно обратить внимание на подборки разного рода контента. В соцсетях это не случайность, а результат тщательного анализа поведения, интересов и времени, проведенного за просмотром контента [1].

Например, социальные сети анализируют, что смотрит пользователь, что «лайкает», чем интересуется, какие страницы посещает, вместе с пользователем также анализу подвергаются миллионы, и среди них находятся те, с кем их интересы будут совпадать. Искусственный интеллект благодаря записанным внутри системы программным алгоритмам составляет рекомендации. Эти рекомендации как раз помогают строить социальные отношения между людьми, а они уже формируют так называемые социальные сети с точки зрения социологии. Именно благодаря новому подходу организовываются социальные сети будущего.

Социальные сети являются важным источником информации в современном мире. С миллионами пользователей, которые публикуют множество постов, комментариев и «лайков», сети генерируют огромное количество данных, которые могут быть использованы для анализа поведения пользователей, выявления тенденций и прогнозирования будущих событий. Платформы социальных сетей стали неотъемлемой частью современного общества, генерируя огромные объемы данных, которые представляют значительные проблемы для исследователей и аналитиков. Искусственный интеллект превратился в мощный инструмент для анализа данных социальных сетей, обла-

дающий способностью обрабатывать огромные объемы данных, выявлять закономерности и прогнозировать результаты. Появление ИИ создало новые возможности для анализа данных, предлагая аналитику и понимание динамики онлайн-сообществ и настроений пользователей. В статье исследуется эвристический потенциал искусственного интеллекта применительно к анализу социальных сетей, освещаются его возможности и проблемы, а также различные методы сбора и анализа данных [2].

Искусственный интеллект – это область компьютерной науки, которая занимается разработкой компьютерных систем, способных выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта. Эти системы используют алгоритмы машинного обучения, которые позволяют им учиться на основе опыта и данных и принимать решения на основе логических выводов. Примерами применения ИИ являются голосовые помощники, системы автоматического перевода, системы распознавания лиц и голоса, роботы и автономные транспортные средства. Искусственный интеллект используется в сотнях отраслей по всему миру в разных формах. Искусственный интеллект относится к способности машин выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, такие как распознавание закономерностей, составление прогнозов и понимание естественного языка. В контексте анализа социальных сетей алгоритмы искусственного интеллекта предназначены для анализа огромных объемов данных, генерируемых платформами социальных сетей, включая текст, изображения и видео [3].

Искусственный интеллект может помочь исследователям и аналитикам выявлять тенденции, настроения и закономерности в данных социальных сетей, предоставляя ценную информацию о поведении и мнениях в Интернете. Одним из главных преимуществ ИИ при анализе соцсетей является его способность работать с неструктурированными данными, такими как текстовые сообщения, фотографии и видео, что позволяет анализировать контент, который трудно классифицировать и интерпретировать вручную. Кроме того, искусственный интел-

лект имеет возможность быстро обрабатывать данные в режиме реального времени, позволяя компаниям и организациям вовремя реагировать на изменения в поведении пользователей и взаимодействовать с ними более эффективно. В целом, эвристический потенциал ИИ при анализе социальных сетей огромен, и его использование может привести к более точному и эффективному принятию решений в различных областях бизнеса и маркетинга [4].

Рассмотрим несколько способов использования искусственного интеллекта при анализе социальных сетей. Одной из его наиболее значительных возможностей является анализ настроений. Алгоритмы ИИ могут анализировать данные социальных сетей, чтобы определить отношение пользователей к определенным темам или брендам, предоставляя ценную информацию об отношении и предпочтениях клиентов. Эта информация помогает предприятиям и организациям адаптировать свои предложения в соответствии с потребностями и ожиданиями клиентов. Алгоритмы искусственного интеллекта определяют тенденции в данных социальных сетей, таких как популярные «хэштеги» или темы. Эта информация может помочь предприятиям и организациям быть на шаг впереди и адаптироваться к меняющимся потребительским предпочтениям [5, с. 33–73].

Анализ тенденций также помогает исследователям и аналитикам выявить возникающие проблемы или темы, давая информацию о социальных и политических событиях. Также алгоритмы искусственного интеллекта могут анализировать изображения и видео, которыми делятся в социальных сетях, для идентификации объектов, людей и местоположений, что позволяет компаниям понять, в чем заинтересованы их клиенты, и создавать целевые маркетинговые кампании. Сетевой анализ – это еще один метод, который используется для анализа социальных сетей с помощью искусственного интеллекта.

Алгоритмы искусственного интеллекта позволяют анализировать структуру социальных сетей, выявлять влиятельных личностей, определять группы пользователей и паттерны взаимодействия между пользователями. Используя сетевой анализ, ИИ помогает в выявлении групп пользователей, склонных к распространению «фейковых» новостей, а также в выявлении личностей, которые могут влиять на поведение пользователей. Такая информация дает возможность компаниям понять, как информация распространяется в со-

циальных сетях, и соответствующим образом ориентировать свои маркетинговые усилия.

Мониторинг в режиме реального времени: алгоритмы искусственного интеллекта отслеживают активность в социальных сетях в режиме реального времени и предупреждают компании о потенциальных проблемах или возможностях. Это помогает различным компаниям быстро реагировать на изменения в поведении пользователей и более эффективно взаимодействовать со своими клиентами. Наконец, ИИ используется для создания персонализированных рекомендаций и предложений на основе данных об активности пользователей в соцсетях, что позволяет компаниям улучшить качество обслуживания и повысить лояльность клиентов. Эта информация дает возможность предприятиям и организациям адаптировать свои предложения к потребностям и предпочтениям отдельных пользователей, повышая удовлетворенность и лояльность клиентов. Алгоритмы искусственного интеллекта отслеживают данные социальных сетей на предмет признаков кризиса, таких как негативные настроения или всплеск упоминаний определенной темы, и эта информация позволяет предприятиям и организациям быстро и эффективно реагировать на последствия кризиса [6].

Несмотря на имеющиеся возможности, ИИ в анализе социальных сетей также сталкивается с рядом проблем, одной из которых является оценка качества данных. Часто данные соцсетей зашумлены и неструктурированы, что затрудняет эффективный анализ алгоритмами искусственного интеллекта. А поскольку неточные или неполные данные могут привести к неверным выводам, их качество является критическим вопросом при анализе социальных сетей. Впрочем, искусственный интеллект не идеален, поскольку данные, которые он использует, поступают от людей, и если во вводимых данных есть какая-то предвзятость, то и в выводе ее не избежать.

Алгоритмы искусственного интеллекта могут быть предвзяты по отношению к определенным группам или перспективам, что приводит к неточным или вводящим в заблуждение результатам. Предвзятость может возникать из различных источников, таких как данные, используемые для обучения алгоритма, или дизайн алгоритма. Так как алгоритмы искусственного интеллекта могут собирать и анализировать личную информацию пользователей социальных сетей, возникают опасения по поводу конфиденциальности и защиты данных.

Конфиденциальность является критической проблемой при анализе социальных сетей, поскольку пользователи могут не знать, что их данные собираются или используются в исследовательских целях [7].

Использование искусственного интеллекта в анализе социальных сетей поднимает этические вопросы об ответственности исследователей и аналитиков за то, чтобы их методы были прозрачными и не причиняли вреда отдельным лицам или сообществам. Этика очень важна при анализе социальных сетей, поэтому исследователи и аналитики должны сбалансировать потенциальную пользу от своей работы с потенциальными рисками и вредом [8].

Рассмотрим некоторые элементы социальных сетей, на который ИИ оказывает большое влияние при анализе различного рода информации в интернете или отдельно в цифровой социальной сети. Один из таких элементов – социальное прослушивание. Проще говоря, социальное прослушивание – это метод, который используется для мониторинга каналов социальных сетей бизнеса, собирая любые упоминания о бренде, связанные обсуждения или отзывы клиентов, это то, что доступно во всех социальных сетях. С помощью инструментов прослушивания соцсетей организации могут эффективно анализировать миллионы разговоров и эффективно выявлять любые закономерности в данных. Затем они могут использовать эти идеи для информирования о своих усилиях по обслуживанию клиентов, разработке продукта и общей маркетинговой стратегии. Данный эффективный способ получения этой информации заменяет такие традиционные методы, как интервью и опросы. В связи с этим ИИ может измерять социальные настроения [9].

Одним из самых мощных способов применения искусственного интеллекта в анализе социальных сетей является обработка естественного языка (Natural Language Processing). NLP – это раздел искусственного интеллекта, который занимается взаимодействием между компьютерами и людьми с использованием естественного языка. NLP позволяет ИИ анализировать содержание постов и комментариев в социальных сетях и выявлять закономерности и тенденции в данных [10].

Например, анализ настроений очень часто используют для понимания эмоционального тона сообщений и комментариев в социальных сетях, а это свою очередь помогает в идентификации пользователей, испытывающих положительные или отрицательные эмоции, что может

быть полезно предприятиям и организациям, которые хотят отслеживать удовлетворенность клиентов. NLP также часто применяют для выявления влиятельных лиц в социальных сетях. Влиятельные люди – это люди, которые имеют большое количество подписчиков и могут влиять на мнения и поведение своих подписчиков. Анализируя данные социальных сетей, искусственный интеллект идентифицирует людей, которые наиболее влиятельны в определенной нише или отрасли, их еще называют «лидерами мнений» [11]. Предприятия и организации, которые хотят ориентировать свои маркетинговые усилия на людей, оказывающих наибольшее влияние на их целевую аудиторию, могут использовать этот метод.

Еще одно применение NLP заключается в обнаружении фальшивых новостей. Поддельные новости стали серьезной проблемой в социальных сетях, и искусственный интеллект используют для выявления и пометки потенциально ложной или вводящей в заблуждение информации. Это можно сделать, проанализировав язык, используемый в сообщениях и комментариях в социальных сетях, и сравнив его с известными моделями фальшивых новостей.

Сеть пользовательских подключений обеспечивает дополнительную информацию о социальной структуре для механизма искусственного интеллекта. Пользовательская среда представлена в виде структур графа для связей между пользователями, чтобы понять социальные модели и связи. Система распознавания лиц идентифицирует лица на цифровых фотографиях или видеокдрах для классификации содержимого изображений на платформе социальной сети. Результаты можно использовать для аннотаций, персонализированной рекламы и выявления тенденций. Агенты ИИ, или роботы-пользователи, общаются и взаимодействуют с другими пользователями, распознавая вопросы и давая ответы. Агенты ИИ имитируют пользователей-людей для обслуживания клиентов и целевого сбора данных; они также могут предоставлять индивидуальный пользовательский интерфейс, адаптированный к уникальному профилю данных пользователя. ИИ способен давать рекомендации по контенту и связям пользователей, а также делает социальные сети более безопасными. Его применяют для выявления и сокращения неприемлемого контента, автоматической модерации публикуемых материалов и с целью обхитрить вредоносных ботов, которые могут пытаться использовать пользователей в своих интересах. Даже без рас-

познавания лиц и связанных с этим проблем с конфиденциальностью безопасности в социальных сетях также можно достичь с помощью решений ИИ, таких как глубокое обнаружение «фейков» и анализ поведения. В таком случае конфиденциальность и этика являются основополагающими приоритетами для таких систем искусственного интеллекта, как FaceTrace от AlgoFace, которые не поддерживают распознавание лиц, а вместо этого фокусируются на искусственном интеллекте лица с конфиденциальностью по умолчанию [12].

Другой пример – системы автоматической классификации контента. Они используют алгоритмы машинного обучения для автоматического определения типа контента (например, фото, видео, текст) и его содержания (например, новости, развлечения, спорт). Это позволяет быстро обрабатывать большие объемы контента и классифицировать его для дальнейшего анализа. Машинное обучение использует распознавание образов и вычислительную статистику для обработки набора обучающих данных [13]. Данные представлены различными графическими и сетевыми структурами. Например, искусственная нейронная сеть, или нейронная сеть, – это система, предназначенная для обработки информации путем имитации структуры биологического мозга. Человеческая обратная связь или аннотация облегчают этот процесс обучения. Компьютер может предсказывать или «угадывать» значение новых данных на основе набора данных для обучения, структур графа и сети, а также обратной связи. Машинное обучение адаптирует свои программы на основе новых данных, результатов и отзывов, обнаруживает шаблоны в визуальном контенте, таком как фотографии и видеокдры, например, для распознавания объектов, аудио и лиц. Обработка естественного языка определяет значение, контекст или тональность текстовых данных с помощью грамматик и структур графов. Алгоритмы машинного обучения можно научить распознавать закономерности и прогнозировать результаты на основе полученных данных. Например, машинное обучение очень часто используют для прогнозирования вероятности того, что пост станет вирусным, или для выявления пользователей, которые, скорее всего, заинтересуются определенными типами контента. Машинное обучение также используется для выявления потенциальных угроз или возможностей в социальных сетях. Например, алгоритмы машинного обучения используют для выявления пользователей, которые с наи-

большей вероятностью будут вести себя негативно, например заниматься «троллингом» или «киберзапугиванием». Это помогает предприятиям и организациям принять упреждающие меры по предотвращению негативного поведения до того, как оно произойдет [14].

Искусственный интеллект также очень часто применяется для автоматизации задач управления социальными сетями. Например, чат-боты применяются для взаимодействия с пользователями и ответов на распространенные вопросы. Это помогает сэкономить время и ресурсы предприятиям и организациям.

Согласно исследованию, проведенному компанией Gartner, в 2022 г. уже около 30% всех компаний используют искусственный интеллект для управления социальными медиа-аккаунтами. Это означает, что ИИ будет играть все более важную роль в управлении социальными сетями, включая анализ контента, управление сообществами и автоматизацию задач [15].

В заключение можно отметить, что искусственный интеллект обладает значительным эвристическим потенциалом в анализе социальных сетей, поскольку он может быстро и эффективно обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые связи и тенденции, которые могут быть незамечены при ручном анализе, предлагая возможности для анализа настроений, анализа тенденций, персонализации и т.д. Способность ИИ анализировать огромные объемы данных, распознавать закономерности и прогнозировать результаты делает его ценным инструментом для понимания тенденций и поведения в социальных сетях. Однако необходимо решить проблемы качества данных, предвзятости, конфиденциальности и этики, чтобы гарантировать ответственное и этичное использование искусственного интеллекта.

Алгоритмы NLP и машинного обучения являются мощными приложениями искусственного интеллекта для анализа социальных сетей, и их можно использовать для выявления лидеров мнений, обнаружения фальшивых новостей и прогнозирования результатов. Задачи по управлению соцсетями также могут быть автоматизированы с помощью ИИ, что экономит время и ресурсы предприятий и организаций. Поскольку значение социальных сетей продолжает расти, искусственный интеллект будет становиться все более важным инструментом для анализа и понимания данных соцсетей. Социальные сети постоянно

развиваются, поэтому важно, чтобы исследователи и аналитики продолжали изучать новые способы использования искусственного интеллекта для понимания динамики онлайн-сообществ и настроений пользователей. Будущее анализа социальных сетей заключается в ответственном и этичном использовании искусственного интеллекта для получения ценной информации о постоянно меняющемся ландшафте онлайн-общения.

Список литературы

1. *Смолин Д. В.* Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М. : Физматлит, 2004. 208 с.
2. *Бруссард М.* Искусственный интеллект. Пределы возможного. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. 362 с.
3. *Эндрю М.* Реальная жизнь и искусственный интеллект // *Новости искусственного интеллекта.* 2000. № 1–2. С. 93–101. EDN: CXIQTP
4. *Девятков В. В.* Системы искусственного интеллекта : учеб. пособие для вузов. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2001. 352 с.
5. *Рассел С., Норвинг П.* Искусственный интеллект. Современный подход / пер. с англ. и ред. К. А. Птицына. М. : ИД «Вильямс», 2006. 1408 с.
6. *Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С.* Анализ социальных сетей: методы и приложения // *Труды Института системного программирования РАН.* 2014. Т. 26, №. 1. С. 439–456. [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26\(1\)-19](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26(1)-19)
7. *Большие данные в социальных и гуманитарных науках : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Е. Г. Гребенщикова.* М. : ИНИОН РАН, 2019. 194 с. (Наука, образование, технологии). EDN: OLVKKQ
8. *Маркус Г., Дэвис Э.* Искусственный интеллект: Перегрузка. Как создать машинный разум, которому действительно можно доверять : пер. с англ. М. : Интеллектуальная Литература, 2021. 304 с.
9. *Шадрин Л. Ю.* Социологический мониторинг как средство информационного сопровождения оценки эффективности социальных технологий // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* 2010. № 126. С. 319–325. EDN: NDAMGP
10. *Стельмах М. А., Миснянкин В. Г., Кунац А. Ю., Костина А. В.* Использование промежуточных языков представления для упрощения процесса перевода естественного языка в запросы к базе данных // *IV Научно-техническая конференция с междунар. участием «Наука настоящего и будущего» для студентов, аспирантов и молодых ученых (Санкт-Петербург, 17–18 марта 2017 г.) : сб. материалов конф.* СПб., 2017. С. 114–116.
11. *Юргель В. Ю.* Сложности моделирования естественного языка // *Вестник науки и образования.* 2019. № 23 (77), ч. 1. С. 12–14.
12. *Емельянов В. В., Курейчик В. В., Курейчик В. М.* Теория и практика эволюционного моделирования. М. : Физматлит, 2003. 432 с.
13. *Хотилин М. И., Благоев А. В.* Визуальное представление и кластерный анализ социальных сетей // *Информационные технологии и нанотехнологии (ИТНТ-2016) : материалы Междунар. конф. и молод. школы (Самара, 17–19 мая 2016 г.).* Самара : Самарский гос. аэрокосмический ун-т, 2016. С. 1067–1072. EDN: WMPYYR
14. *Флах П.* Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных : пер. с англ. М. : ДМК «Пресс», 2015. 400 с.
15. *Baker M.* AI shows value and gains traction in HR // *Gartner.* URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/ai-showsvalue-and-gains-traction-in-hr/> (дата обращения: 12.04.2020).

Поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 16.12.2023; принята к публикации 07.02.2024
 The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 16.12.2023; accepted for publication 07.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 178–184

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 178–184

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-178-184>, EDN: WRYP RB

Научная статья

УДК 316.4

Опыт участия молодежи в дистанционных образовательных курсах на онлайн-платформах: результаты эмпирического исследования

А. В. Богомолова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Богомолова Анастасия Васильевна, аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, преподаватель кафедры социологии политических и региональных процессов, anastasia-mir@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1708-2718>

Аннотация. Онлайн-курсы являются трендом сегодняшнего времени. Благодаря дистанционному образованию человек может повысить квалификацию, расширить свой кругозор или вовсе сменить профессию. В современной России институционализация дистанционного образования на онлайн-платформах реализуется достаточно интенсивно, и многие шаги уже сделаны в этой сфере. В дальнейшем эта тенденция будет только усиливаться, так как динамичные процессы требуют постоянного обучения и повышения квалификации, что, безусловно, способно реализовать дистанционное образование. Цель данной статьи – описать опыт участия молодежи в дистанционных образовательных курсах на коммерческих онлайн-платформах. Результаты эмпирического исследования показали основные мотивы к обучению на образовательных онлайн-платформах: улучшение финансового положения, «поиск себя», смена профессии и др. Подтверждена теория П. Бергера и Т. Лукмана о том, что процессу институционализации предшествует «опривычивание» какой-либо из социальных практик, в нашем случае – это дистанционное обучение на образовательных онлайн-платформах. Также выяснено, что мотивы обучения коррелируют с целями. Описаны важные аспекты дистанционного обучения, которые напрямую влияют на процесс его институционализации.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-образование, опыт обучения, мотивы обучения, смена профессии, онлайн-курс, институционализация

Для цитирования: Богомолова А. В. Опыт участия молодежи в дистанционных образовательных курсах на онлайн-платформах: результаты эмпирического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 178–184. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-178-184>, EDN: WRYP RB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The experience of youth participation in distance learning courses on online platforms: The results of the empirical study

A. V. Bogomolova

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Anastasia V. Bogomolova, anastasia-mir@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1708-2718>

Abstract. Online courses are a trend of today. Thanks to distance education, people can improve their skills, broaden their horizons or completely change their professions. In modern Russia, the institutionalization of distance education on online platforms is being implemented quite intensively, and many steps have already been taken in this area. In future, this trend will only intensify, as dynamic processes require constant training and advanced training which is certainly capable of implementing distance education. The purpose of this article is to describe the experience of youth participation in distance learning courses on commercial online platforms. The results of an empirical study showed the main motives for learning on online educational platforms: improving the financial situation, "finding yourself", changing one's profession, etc. The theory of P. Berger and T. Lukman that the process of institutionalization is preceded by the "familiarization" of any social practice, in our case, it is distance learning on online educational platforms, is also confirmed. It was also revealed that the learning motives correlate with the goals. The important aspects of distance learning that directly affect the process of institutionalization are described.

Keywords: distance learning, online education, learning experience, learning motives, profession change, online course, institutionalization

For citation: Bogomolova A. V. The experience of youth participation in distance learning courses on online platforms: The results of the empirical study. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 178–184 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-178-184>, EDN: WRYP RB

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Прародителем дистанционного образования является «корреспондентское обучение», которое зародилось в Европе еще в начале XVIII в. Ученики получали лекции по почте, аналогичным способом отправляли свои вопросы и задания педагогам. Данная практика была доступна лишь элитарным слоям общества. С течением времени и развитием технологий дистанционное обучение стало более доступно различным социальным группам, это произошло благодаря повсеместному распространению сети Интернет. В настоящее время дистанционно можно обучаться интерактивно любому направлению и с быстрой обратной связью.

Все возрастающая популярность дистанционного образования, которое предложено в формате онлайн-курсов на различных коммерческих площадках, активно интегрируется во все профессиональные отрасли.

Мы наблюдаем динамику относительно роста выручки Edtech-рынка, по итогам 2022 г. она возросла на 17,9% по сравнению с предыдущим периодом, а в 2023 г. рост составил 38,2%. Интерес к продуктам онлайн-школ обусловлен рядом причин: доступность, разнообразность контента, возможность в кратчайшие сроки освоить актуальную профессию.

По мнению экспертов, а именно руководителя и основателя онлайн-школы программирования Георгия Бабаяна, текущая ситуация с резким оттоком профессиональных кадров способствует развитию дополнительного профессионального образования. Рынок труда нуждается в новых специалистах, особенно в сфере IT-технологий, согласно материалам сообщения сетевого издания РБК. В связи с этим возникает вопрос, какую роль играет дистанционное образование в формировании профессиональных стратегий самого активного населения трудоспособного возраста – молодежи.

По мнению М. В. Макаровой, онлайн-образование – это инструмент получения дополнительных компетенций и переквалификации специалистов. Для образовательных организаций – дополнительный источник дохода и инструмент развития [1].

Р. Рист отмечает, что дистанционные онлайн-курсы способствуют формированию навыков тайм-менеджмента, которые сегодня очень нужны профессиональному специалисту [2]. Д. Сиененс указывает на интеграционную функцию онлайн-курсов – с активным развитием рынка онлайн-образования люди по всему земному шару могут обмениваться опытом и знаниями, невзирая на расстояния [3].

Однако стоит тщательно подойти к данной теме и всесторонне изучить опыт обращения к подобным образовательным продуктам, дабы найти ответы на интересующие вопросы, которые сформулированы в ходе исследования. Опыт участия молодежи в онлайн-курсах рассматривается в контексте институализации дистанционного образования, что позволяет оценить его современное состояние.

Динамика общественного развития ведет к тому, что и образование как неотъемлемая часть социальной жизни также должно отвечать духу времени. Интерес здесь представляет документ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», где в качестве приоритетных направлений развития государства обозначается ее научное и экономическое развитие [4]. Это отражается и на изменениях в классической образовательной системе, направленных на ее технологическое развитие и трансформацию самих способов циркуляции наличествующих в ней знаний, что является также одним из факторов, способствующих процессу институционализации онлайн-образования в России. Обратимся к теоретикам институционализации. Н. В. Попазов утверждает, что институционализация представляет собой формализацию и упорядочение социальных отношений, выраженных в прояснении и официальном закреплении связанных с релевантными вопросами социальных норм [5]. Институционализация каких-либо социальных феноменов позволяет более эффективно удовлетворять социальные потребности, формируя соответствующие социальные институты как устойчивого механизма, подлежащего нормативному регулированию.

Другой важный аспект институционализации был сформулирован Т. Лукманом и П. Бергером, утверждавшими, что процессу институционализации предшествует другой процесс – хабиитуализации, или «опривычивания» какой-либо социальной практики [6]. Безусловно, онлайн-образование пусть еще не приобрело должного институционального оформления, но значительно интегрировалось в повседневную образовательную практику, сформировав соответствующую привычку – непрерывное обучение. Если еще десять лет назад дистанционные формы образования казались чем-то экстраординарным, что не позволяло сформировать необходимые условия для их институционализации, то Бергер и Лукман отмечают, что «хабиитуализация» как процесс, предшествующий институционализации, нормализует ту или

иную социальную практику, что мы и наблюдаем сегодня относительно онлайн-образования. То есть онлайн-образование сегодня настолько тесно интегрируется в социальную реальность, что стало его неотъемлемой частью. Некоторые авторы утверждают, что наличие соответствующей социальной структуры (в нашем случае онлайн-образования) должно быть возведено в ранг социальной ценности, и тогда она станет неотъемлемым условием институционализации этой структуры.

Пандемия COVID-19 дала мощнейший толчок процессам институционализации онлайн-образования частного и государственного секторов, тем самым сформировав в обществе соответствующую привычку и продемонстрировав ценность онлайн-образования. Общество и по сей день продолжает привыкать к дистанционному формату. Мнения относительно его эффективности разнородны. Одни исследователи утверждают, что оно уступает по качеству классическому очному образованию, поскольку не позволяет выстроить тесную коммуникацию между преподавателем и обучающимся. Кроме того, имеют место проблемы и материально-технического характера. Не каждый обучающийся может позволить себе достаточные для эффективного дистанционного обучения технические средства в силу своего экономического положения. А даже если может, техника имеет свойство ломаться и периодически работать не так, как мы от нее ожидаем. Также в качестве отдельной проблемы можно отметить недостаточную концентрацию обучающегося во время дистанционного обучения. С другой стороны, онлайн-образование позволяет обучающемуся экономить время, не тратить его на дорогу до образовательного учреждения, использовать цифровые учебные и дидактические материалы и т.д.

Процесс институционализации онлайн-образования реализуется неоднозначно, встречая на своем пути со стороны общества определенную долю критики и неприятия. Однако надо понимать, что такие процессы весьма естественны для всякого рода социальных инноваций. Сам характер институционализации онлайн-образования трансформируется от сугубо декларированного аспекта к его реальной и полноценной институционализации.

В качестве критерия состоявшейся институционализации онлайн-образования может выступать его полное принятие со стороны общества, как среди людей в целом, так и среди участников образовательного процесса. Кроме

того, важную роль играет и правовая основа, легитимизирующая институционализацию онлайн-образования.

Важно понимать, что институционализация онлайн-образования – процесс, который не может полностью контролироваться обществом, он имеет объективный характер, связан с его технологическим развитием, конъюнктурой рынка образования и с растущими общественными потребностями. Правовое обеспечение институционализации онлайн-образования – один из существенных компонентов этого процесса, но не исчерпывающий.

Институционализация онлайн-образования сказывается и на самом качестве образовательного процесса, трансформируя его относительно формальных требований законодательства в сфере образования и актуальных потребностей его участников, в первую очередь обучающихся и педагогов.

В современной России институционализация онлайн-образования реализуется достаточно интенсивно, и многие шаги уже сделаны в этой сфере. В дальнейшем эта тенденция будет только усиливаться, так как динамичные процессы требуют постоянного обучения и повышения квалификации, что, безусловно, способно реализовать дистанционное образование.

Целью данной статьи является изучение опыта участия молодежи в дистанционных образовательных курсах на российских онлайн-платформах. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

- 1) что мотивирует информантов к участию в дистанционных образовательных курсах на онлайн-платформах?
- 2) какие факторы влияют на выбор образовательной онлайн-платформы?
- 3) какие цели обучения преследуют информанты?
- 4) какие особенности дистанционного образования отмечались во время обучения?
- 5) какой получают результат после обучения?

В рамках качественного социологического исследования были проведены глубинные интервью при помощи платформы для аудио- и видеоконференций ZOOM.

Объектом эмпирического исследования стали представители молодежи в возрасте 24–35 лет. Отбор информантов происходил при помощи целевых критериев, а именно: наличие профессионального образования; участие в дистанционных образовательных курсах на российских коммерческих онлайн-платформах.

По результату в исследовании приняли участие 12 женщин и 8 мужчин. Все информанты имеют высшее профессиональное образование, география проживания – города Самара, Казань, Москва.

Предметом исследования выступает опыт участия актантов в дистанционных образовательных курсах.

Анализ транскриптов (цитаты не подвергались редакции) глубинных интервью позволил сформулировать мотивы к участию в дистанционных образовательных курсах на онлайн-платформах.

Отвечая на первый исследовательский вопрос, можно сказать, что ведущим мотивом к обучению является финансовый, в первую очередь, информанты указывают на возможность увеличения заработка после обучения на текущем месте работы, получив новые знания и компетенции: *Учиться я пошла для того чтобы больше зарабатывать, хотелось увеличить свой доход, оклада не хватает, з.п. не покроешь расходы, вот и возникла идея поучиться, руководство доплачивает, можно по крі больше получать* (инф. 1, жен., 29 лет, Казань).

Однако в ходе исследования наблюдались тенденции к проявлению финансового мотива в формировании дополнительного заработка, т.е. параллельно с основной работой освоить новую профессию, которая позволит не оставлять базовое место работы: *Я работаю маркетологом, у нас гипердинамичная сфера, постоянно что-то новое, вот я и пошла на курсы по оформлению лендинга сайта, работу я не оставила основную, но теперь беру заказы на дом* (инф. 3, жен., 27 лет, Самара).

Второй мотив, который был отмечен во время исследования, – это «поиск себя». Получив базовое образование, направление которого было выбрано исключительно в соответствии с тенденциями и запросами рынка труда, одна из информанток отметила, что семь лет трудилась на нелюбимой работе, которая истощала морально и физически, при этом не было прецедентов, которые способствовали бы карьерному и профессиональному росту, трудовая деятельность осуществлялась по наитию, женщины не ощущала себя на своем месте: *Тогда модно было на бухгалтера учиться, говорили, без куса хлеба не останешься, проработала около семи лет на заводе бухгалтером по заработной плате, всегда знала, не моё, просто ходила на работу, хмм, решила... долго искала себя, много курсов прошла (длительная пауза), теперь я веб-дизайнер* (инф. 7, жен., 32 года, Москва).

Третий мотив, который указывает на проактивную жизненную позицию информантов, – смена профессии. Трудно отрицать, что за последние годы рынок труда претерпел значительные изменения под влиянием таких факторов, как геополитическая ситуация, научно-технический прогресс, цифровизация всех сфер человеческой жизни. В этой связи мы наблюдаем формирование новых индивидуальных действий субъектов социальных процессов, которые выражаются в проявлении агентной позиции относительно своей профессиональной стратегии: *Онлайн-курсы это возможность, большая возможность сейчас, я проработал четыре года на должности младшего сотрудника музея, ну мир меняется, все меняется, мне обещали повышение, но я решил сменить профессию, учиться официально долго, пошел на курсы, сам... в своей сфере я не вижу перспектив* (инф. 5, муж., 28 лет, Самара). Стоит учитывать, что каждый из информантов в той или иной степени говорил о дальнейшей перспективе смены профессии благодаря дистанционному образованию, отмечая возможность стать востребованным специалистом на рынке труда.

Четвертый мотив связан с примерами выстраивания успешных профессиональных стратегий после прохождения дистанционных образовательных курсов на онлайн-платформах знакомыми, коллегами, родственниками, который условно обозначен как мотив «подражания»: *Коллега проходил онлайн-курс, поделился, что получается, собрал портфолио, успешно трудоустроился, мне тоже захотелось попробовать* (инф. 4, жен., 27 лет, Самара). Четко прослеживается копирование паттернов, а именно отображение точных действий других в поведении своего окружения, в данном случае осознанное, согласно теории подражания Г. Тарда [7].

Пятый мотив – это расширение кругозора. Желание личности учиться снова и снова еще в 60-е гг. прошлого столетия сформировано в концепцию «life-long learning», которая прижилась в России последние десятилетия. Необязательно получать второе высшее образование в вузе, чтобы сменить профессию или овладеть современными навыками. Данная концепция говорит о том, что учиться можно когда угодно, где угодно и чему угодно всю жизнь. Вот и информанты говорят о постоянном расширении кругозора, изучении чего-то нового. Благодаря онлайн-курсам образовательная среда стала более доступна и привлекательна: *Я часто учусь на онлайн-курсах, расширяю свой кругозор...*

это удобно, что-то новое появляется в сфере, это можно быстро освоить дистанционно, да и вообще я люблю учиться (инф. 2, жен., 28 лет, Самара).

Заключительным мотивом, который был выделен несколькими информантами, стала «свобода выбора». Благодаря обучению на онлайн-курсах появляется возможность работать удаленно, из любой точки мира, необязательно ходить в офис, можно самостоятельно выстраивать свой рабочий график, формировать занятость, это позволяет чувствовать себя свободным, быть «субъектом решающим», а не «исполняющим»: *На курсах я освоила новую профессию, могу теперь работать онлайн, это такая свобода, строю планы, живу, не боюсь больше потерять работу, да и на себя времени больше стало...* (инф. 10, жен., 25 лет, Москва). Онлайн-курсы предоставляют широкий выбор направлений обучения, после которых возможно трудоустроиться на дистанционную работу или же оформить статус самозанятого.

Важным аспектом исследования было обнаружить, какие факторы влияют на выбор образовательной онлайн-платформы. Современные реалии показывают, что на отечественном рынке дистанционного онлайн-образования мы наблюдаем следующих игроков, которые демонстрируют стабильный рост и ведущие позиции по показателю «выручка» (данные опубликованы агентством Smart Ranking): «skyeng», «skillbox», like-Центр, «Университет Синергия», «Яндекс. Практикум», «GetCourse»¹.

Интересная тенденция наблюдалась в ходе глубинных интервью, вышеуказанные образовательные онлайн-платформы были озвучены информантами как самые надежные и популярные, хотя стоит отметить еще одну – «Нетология», которая также была отмечена в ходе бесед. В связи с этим был сформулирован фактор «популярности» онлайн-платформы: *Я выбирал уже известную и популярную онлайн-платформу, мне была важна история бренда* (инф. 13, муж., 26 лет, Самара). Широкая известность и узнаваемость онлайн-платформы способствует активному привлечению потенциальной аудитории. Как пишет С. С. Соковиков, популярность не что иное, как «обостренный», повышенный интерес к явлению, отражающему актуальные, значимые для данной общности коллизии социальной жизни [8, с. 74].

Второй фактор – это преподавательский состав. Информанты с особым энтузиазмом го-

ворили о курсах, в преподавательских составах которых присутствовали именитые спикеры и лекторы. Онлайн-площадки используют известных лекторов в качестве инструмента для привлечения и последующей мотивации обучающихся, они делятся не только теоретическими знаниями, но и практическим опытом, который затруднительно получить из научной и учебной литературы. Реальные примеры жизненных и профессиональных стратегий способствуют личностному росту и вдохновляют на реализацию намеченных планов, стоит заметить, что под профессиональной стратегией мы понимаем определенный структурный элемент жизненной стратегии личности [9]: *При выборе курса я руководствовался наличием звездных спикеров, с реальными кейсами, чтобы практики побольше было... это вдохновляет, когда видишь результаты, которых добился человек* (инф. 17, муж., 26 лет, Самара).

Третий фактор – наличие отзывов и реальных «кейсов». Перед решением начать учиться на онлайн-платформе информанты активно изучали отзывы, по которым можно определить репутацию, историю взаимодействия с клиентами, убедиться в результативности выбранного курса: *Я долго выбирала где учиться, читала отзывы, смотрела «кейсы», сейчас столько мошенников, перепроверяла на разных сайтах* (инф. 3, жен., 27 лет, Самара). Данный фактор указывает на то, что выбор онлайн-курса – это не импульсивный поступок, который продиктован сиюминутными чувствами и эмоциями, а рациональное и взвешенное решение в пользу изменения личной профессиональной стратегии.

Четвертый фактор – стоимость курса и условия оплаты. Наряду с такими факторами, как популярность онлайн-платформы, преподавательский состав и отзывы, информантов беспокоил вопрос цены, а также наличия рассрочки: *Я смотрел на цену, это тоже важно, если слишком дешевый, значит ничего интересного, слишком дорогой пока не могу позволить. А если есть рассрочка, то вообще хорошо* (инф. 13, муж., 26 лет, Самара).

Говоря о целях обучения, которые перед собой ставили информанты, однозначно можно сказать, что они коррелируются с мотивами и выглядят следующим образом:

- улучшить финансовое благосостояние;
- «найти себя», т.е. сферу, в которой возможна реализация;
- кардинально сменить профессию;
- расширить свой кругозор;

¹ Исследование аналитического агентства Smart Ranking. URL: <https://edtechs.ru/> (дата обращения: 01.12.2023).

– получить актуальные профессиональные навыки;

– перенять опыт «мастодонтов» в своей сфере.

Дистанционное образование на онлайн-платформах имеет отличительные черты, которые выражают положительные и отрицательные его стороны. В качестве особенности информанты выделяли модульность обучения, т.е. невозможность перейти к следующему разделу курса, если не пройдена контрольная точка: *Мне вот что нравится, очень организует меня, я не смогла перейти к следующему модулю, пока не отчитаюсь по текущему, ну задание какое-нибудь или видео все надо просмотреть* (инф. 9, жен., 24 года, г. Самара).

Гибкая система обучения реализуется в том, что знакомиться с материалом можно в удобное время и с любого устройства, безусловно, это не относится к синхронным онлайн-лекциям, которые транслируют в определенное время.

Следующей особенностью онлайн-обучения можно назвать разнородность аудитории. На курсах встречаются люди из разных сфер, которые готовы поделиться своим опытом и с удовольствием почерпнуть чужой, так как цели у всех разные, соответственно, и бэкграунд неоднороден: *Очень здорово, что на курсах люди разные, если онлайн лекции проходят, то есть возможность мнениями обменяться, мы чатики создаем, общаемся* (инф. 4, жен., 27 лет, Самара).

Продолжительный доступ к онлайн-курсу влечет за собой увеличение срока обучения, возможна потеря мотивации, эта тенденция замечена на многих платформах: *Вот что можно сказать негативного так это сроки, курс, например, рассчитан на 3 месяца, а изучать ты можешь его год, вот тут надо очень себя организовать, иначе можно забыть* (инф. 13, муж., 26 лет, Самара). Данная особенность является негативным аспектом в дистанционном образовании. По итогу, участие в курсе становится формальным и не влечет за собой достижение поставленной цели.

Геймификация – еще одна особенность онлайн-курсов. Познавать новое можно в интерактивной форме, обучающийся включен в игровой процесс, в котором есть сценарий, этапы, награды и, безусловно, результат. Возможности ограничены лишь фантазией авторов курсов. Используя цифровые инструменты, возможно обучиться профессии web-дизайнера с помощью викторин, онлайн-тренажеров и по-

знавательных квестов. Звучит несерьезно, но, по мнению информантов, это способствует активному включению в процесс обучения: *Мне лично было очень интересно, так здорово все организовано, мы тренировались на онлайн-тренажерах, даже квесты были, заработала баллы, их можно использовать на скидку курсов* (инф. 7, жен., 32 года, Москва).

Что касается трудоустройства, то некоторые онлайн-школы заверяют, что во время обучения возможно сформировать портфолио и получить рекомендации, которые способствуют успешной реализации учеников на рынке труда: *На курсе можно было делать портфолио из своих работ, там даже рекомендации могли написать, но я не делала, кстати многие ребята сделали, мы чате видели, тьютор кидала образцы* (инф. 4, жен., 27 лет, Самара). Одна из информанток рассказала о том, что после курса ее пригласили на бесплатную стажировку в компанию, что привело ее к дальнейшему сотрудничеству, в настоящее время она работает в должности методиста онлайн-курсов: *Меня очень вдохновило обучение онлайн, я прям вытянулась, хотя до этого работала всегда очно, после обучения меня пригласили на стажировку и я осталась* (инф. 18, жен., 27 лет, Самара).

Финальная особенность, которую хотелось бы отметить, – это обратная связь, как во время курса, так и после него. Наличие чатов, службы поддержки, тьютора позволяет дистанционному обучению нивелировать слово «дистанция», порой в очном формате куда сложнее получить обратную связь от образовательного учреждения, чем на онлайн-платформах. Отметим, что после многих онлайн-курсов успешных выпускников приобщают к профессиональным и отраслевым комьюнити, это положительно влияет на адаптацию в новой сфере и стимулирует к повторному обращению к дистанционному образованию: *Много вопросов возникало, для меня это был первый опыт, я проходил переобучение на диджитал-маркетолога, спасали чаты, куратор, я успешно защитил проект, меня добавили в чат выпускников, там прям очень мощно, интересно, столько пруфов* (инф. 6, муж. 31 год, Самара).

Что касается исследовательского вопроса о результатах обучения, логично предположить, что они должны соответствовать поставленным целям, однако эмпирический материал показал другую картину.

Парадоксально, но не все информанты смогли реализовать те навыки, которые получили на курсе, при всех положительных осо-

бенностях дистанционного образования на онлайн-площадках, которые отмечены в ходе исследования: *Я не использовал знания, совсем, получил удостоверение, но это связано с личным, я сам долго тянул, потом как-то набегом все* (инф. 13, муж., 26 лет, Самара). Данный факт указывает на то, что онлайн-курсы рассчитаны на людей, которые имеют сильную внутреннюю мотивацию, навыки тайм-менеджмента и четкие цели, иначе это может перерасти в формальное участие ради получения «документа». Это идет вразрез с устоявшимся мнением, что онлайн-образование способствует формированию этих навыков.

Говоря о смене профессии, единственный информант отметил, что дистанционное образование, предложенное онлайн-платформой, способствовало смене профессии.

Также замечено, что онлайн-курс является катализатором для установления новых социальных связей в профессиональной среде, которые тоже способствуют формированию профессиональной стратегии молодежи.

Онлайн-курсы дают возможность саморазвития, расширения кругозора, учиться в любом возрасте абсолютно разным направлениям, но мы видим на данный момент достаточно нечеткие результаты после обучения. Безусловно, участие в подобных курсах благоприятно влияет на профессиональную стратегию молодежи, но в какой степени, это предстоит еще выяснить.

Список литературы

1. Макарова М. В. Перспективы онлайн-образования в России // Современное образование. 2020. № 2. С. 59–70. <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2020.2.29088>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29088 (дата обращения: 02.11.2023).
2. Руст П. Образование: будущее. М. : АСТ, 2015. 45 с.
3. Siemens G. What is the theory that underpins our MOOCs? 3 June, 2012. URL: <http://www.elearnspace.org/blog/2012/06/03/what-is-the-theory-that-underpins-our-moocs/> (дата обращения: 20.11.2023).
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Попазов Н. В. Институционализация отношений между бизнесом и образованием // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2012. № 5. С. 105–108.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Московский философский фонд, 1995. 322 с.
7. Тард Г. Социальные законы : пер. с фр. Изд. 2-е. М. : Либроком, 2009. 64 с.
8. Сокоиков С. С. Популярная культура: аспекты исследования // Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2014. 206 с.
9. Егорычев А. М., Ростовская Т. К. Перспективы развития профессионального образования в условиях глобализации мирового сообщества // ЦИТИСЭ. 2021. № 1. С. 55–64. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.1.05>

Поступила в редакцию 21.12.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 07.02.2024
The article was submitted 21.12.2023; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 07.02.2024

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 185–195
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 185–195
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>
EDN: CXEEMK

Научная статья
УДК 32.019.52

Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

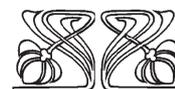
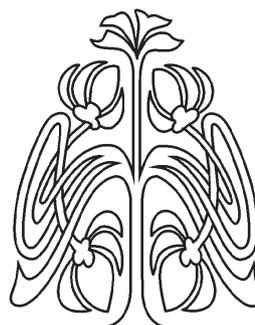
Аннотация. В статье представлены результаты исследования отношения молодежи к специальной военной операции. Проанализированы данные ежемесячных замеров, осуществлявшихся с марта 2022 г. по январь 2024 г. «Левада-Центром» (признан в России иноагентом), а также двух онлайн-анкетирований ($n = 2872$) и серии фокус-групповых интервью с участием молодежи ($n = 74$), проведенных в ноябре 2022 и ноябре 2023 гг. сотрудниками кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Выяснилось, что молодые люди оценивают происходящее более сдержанно, чем общество в целом. При этом большая часть молодежи все же поддерживает саму СВО, однако уровень этой поддержки ощутимо ниже, чем у представителей более старших возрастов. Степень одобрения решений о проведении частичной мобилизации и о включении в состав России четырех новых субъектов оказалась ниже 50%. В отношении предпочитаемых вариантов продолжения конфликта среди респондентов гораздо больше тех, кто является сторонниками начала мирных переговоров с Украиной. Сформулированы возможные причины более скептического восприятия СВО молодыми людьми: возрастные особенности представителей данной социальной группы; специфика условий, в которых проходила их политическая социализация (идеологический вакуум на определенном этапе был заполнен западными ценностями, часть их не соответствует национальной культуре, традициям и менталитету жителей России); особенности медиапотребления современной молодежи, а также несовершенство информационного сопровождения спецоперации со стороны лояльных государству медийных ресурсов. Обоснован один из способов исправления сложившейся ситуации.

Ключевые слова: специальная военная операция, СВО, молодежь, Россия, Украина, онлайн-анкетирование, медиапрактики, медиапотребление

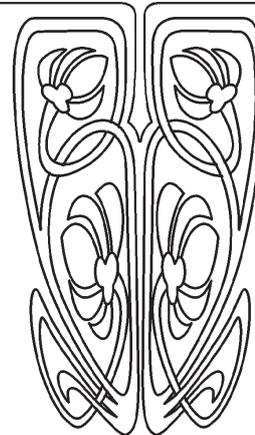
Благодарности: Статья подготовлена в рамках госзадания № 124011800068-5 по теме «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции».

Для цитирования: Казаков А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 185–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>, EDN: CXEEMK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>

Abstract. The article presents results of a study of young people's attitude towards the Special Military Operation (hereinafter – the SMO). Data from monthly measurements carried out from March 2022 to January 2024 by Levada Center (recognized as a foreign agent in Russia), as well as the results of two online surveys ($n = 2872$) and a series of focus group interviews of young people ($n = 74$) conducted in November 2022 and November 2023 by employees of the Department of Political Science of Saratov State University are analyzed. It turned out that young people assess what is happening more moderately than society as a whole. At the same time, the majority of young people still support the SMO itself, but the level of this support is significantly lower than that of representatives of older ages. The degree of approval of decisions to carry out partial mobilization and to include four new regions in Russia turned out to be below 50%. Regarding the preferred options for continuing the conflict, there are more young people who are in favor of starting peace negotiations with Ukraine. Possible reasons for more skeptical attitude of young people towards the SMO are formulated, i.e. age features of representatives of this social group; specificity of the conditions in which their political socialization took place (ideological vacuum at a certain stage was filled with Western values, some of which do not correspond to the national culture, traditions and mentality of Russians); features of media consumption by modern youth and imperfections in information support for the SMO by media resources loyal to the state government. One of the ways to improve the current situation is substantiated.

Keywords: Special Military Operation, the SMO, youth, Russia, Ukraine, online survey, media practices, media consumption

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of state assignment No. 124011800068-5 "The influence of media practices on the political consciousness of Russian youth: features, trends, possibilities for correction".

For citation: Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 185–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195>, EDN: CXEEMK
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С момента своего начала специальная военная операция (далее – СВО) привлекала к себе внимание огромного количества людей как внутри России, так и за ее пределами. Боевые действия практически сразу же приобрели не только сугубо военное, но и важнейшее политическое, социальное, гуманитарное, экономическое и международное измерения. За первые два года проведения спецоперации стало очевидно, что ее окончание будет иметь очень серьезные последствия для нашей страны, Украины и, возможно, всего мирового сообщества.

В России отношение к СВО в целом было более или менее однородным: большинство населения так или иначе поддерживало то, что происходило в рамках данного противостояния. Однако при этом достаточно четко прослеживалась зависимость между уровнем одобрения действий власти и возрастом людей. По сравнению с представителями более старших поколений, молодежь воспринимала происходящее сдержаннее и в чем-то даже скептически. В этом плане целями данной статьи были анализ изменения отношения молодых людей к СВО с течением времени, выявление причин их весьма специфической реакции на связанные с этим события и поиск вариантов влияния на восприятие молодежью спецоперации.

Нужно отметить, что с самого начала боевых действий российские ученые пытались анализировать происходившие события и их значение для жизни социума. Научному осмыслению подвергались геополитические, экономические, юридические, социальные, медийные, исторические и сугубо военные аспекты СВО. На этом фоне реакции молодежи на спецоперацию было посвящено не так много исследований. По большому счету, данный сюжет рассматривался лишь в считанном количестве работ.

Так, например, отдельного упоминания заслуживают информационно-аналитические материалы «Социальное самочувствие студенческой молодежи приграничных регионов России в событийном контексте СВО» [1], авторы которых среди прочего определили основные источники информации обучающихся о СВО [2], международную и внутреннюю обстановку, их отношение к распространению «культуры отмены» русской цивилизации и русского мира. С. В. Устинкин и А. В. Никитин в контексте спецоперации затронули проблему доверия молодежи Нижегородской области к общественным и государственным институтам [3]. Сложностям патриотического воспитания студентов университетов в период СВО посвящено исследование К. В. Маркова, Е. В. Шевченко и В. А. Левищева [4]. Вариант интерпретации от-

ношения молодых людей к действиям России на Украине представлен в статье Е. В. Зарубиной [5]. Кроме этого, изучаются также способы распознавания приемов языкового манипулирования в процессе информирования обучающихся о ходе спецоперации [6], состояние и перспективы гражданского общества в современной России [7], особенности поляризации взглядов сторонников и противников СВО [8].

Весьма показательно, что социологические опросы относительно реакции жителей страны на СВО проводятся регулярно, однако не всегда в открытый доступ выкладываются результаты с разбивкой по возрастным группам. Так, например, ВЦИОМ периодически проводит соответствующие исследования, но на своем официальном сайте публикует лишь обобщенные данные – по всем респондентам, вне зависимости от их возраста [9]. Кроме того, в конце 2022 г. специалисты Центра провели опрос, в котором попросили респондентов оценить значимость и сформулировать свое отношение не к СВО в целом, а к отдельным событиям в ее рамках [10].

Фонд «Общественное мнение» четырежды измерял отношение россиян к СВО, однако делал это до 20 марта 2022 г. [11], после чего выяснял отношение россиян лишь к отдельным событиям в ходе спецоперации [12]. И только Аналитический центр Юрия Левады (далее – «Левада-Центр», признан в России иностранным агентом) проводит опросы на эту тему каждый месяц и выкладывает подробные результаты, упорядоченные в том числе по возрастному критерию. Именно поэтому далее будут приводиться результаты замеров, проведенных сотрудниками «Левада-Центра» в период с марта 2022 г. по январь 2024 г. (на момент написания статьи это были самые свежие данные).

Кроме этого, эмпирическую базу нашего исследования составили также результаты самостоятельно проведенных онлайн-анкетирований и фокус-групповых интервью, в ходе которых среди прочего уточнялись отдельные моменты, оставшиеся за рамками внимания специалистов «Левада-Центра». В ноябре 2022 и ноябре 2023 гг. сотрудниками кафедры политических наук СГУ имени Н. Г. Чернышевского в общей сложности были опрошены 2872 человека в возрасте от 14 до 35 лет, проживающих в 63 субъектах Российской Федерации. Онлайн-анкеты включали в себя по 30 вопросов. При формировании выборочной совокупности использовались квоты по полу, возрасту и месту проживания респондентов. В результате среди опрошенных оказались 54,2% женщин и 45,8%

мужчин; 51,8% из них проживали в центрах субъектов Российской Федерации, 39,3% – в районных центрах, 8,9% – в сельской местности.

Статистическая погрешность при нашей выборке (с доверительным интервалом 0,95) не превышает: 3,4% для показателей, близких к 50%; 2,9% для показателей, близких к 25/75%; 2,0% для показателей, близких к 10/90%; 1,5% для показателей, близких к 5/95%.

После того, как результаты онлайн-анкетирования были количественно обработаны в программе SPSS, возникла потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого в декабре 2022 и 2023 гг. были организованы и проведены по три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 74 молодых человека (36 в 2022 г. и 38 в 2023 г.). Формируя состав участников фокус-групповых интервью, мы также ориентировались на половозрастные характеристики российской молодежи. На фокус-группах респондентам задавались вопросы о мотивах использования ими отдельных информационных источников, а также о причинах присущего им отношения к СВО. Отдельно выяснялись причины, по которым молодые люди являются сторонниками или противниками определенных сценариев развития России.

Полагаем, что в целом проведенное таким образом исследование дало нам возможность выявить общие особенности отношения молодых людей к спецоперации. Более того, учитывая тот факт, что по своим демографическим, социально-экономическим и политическим характеристикам Саратовская область (жители которой составили порядка 57% всех респондентов, принявших участие в онлайн-анкетированиях) считается типичной российской провинцией, можно говорить о том, что характеристики, присущие проживающей в ней молодежи, могут быть характерны для основной массы молодых людей большинства других регионов страны.

В качестве отправной точки наших рассуждений обратимся к результатам опросов «Левада-Центра» относительно внимания, уделяемого СВО. Ранее [13] мы уже писали о выявленной социологами закономерности, согласно которой, чем старше человек, тем больше вероятность того, что он будет активнее интересоваться происходящим в рамках спецоперации. Молодежь в этом плане уделяет данной теме наименьшее внимание. Так, например, в январе 2024 г. очень внимательно за СВО следили лишь 13% 18–24-летних и 35% респон-

дентов в возрасте старше 65 лет, довольно внимательно – 21 и 38% соответственно [14].

В этой связи любопытно посмотреть на то, каким образом интерес молодых людей изме-

нялся с течением времени. На рис. 1 приведены средние арифметические значений, выявленных «Левада-Центром» для возрастных групп 18–24 и 25–34 года.

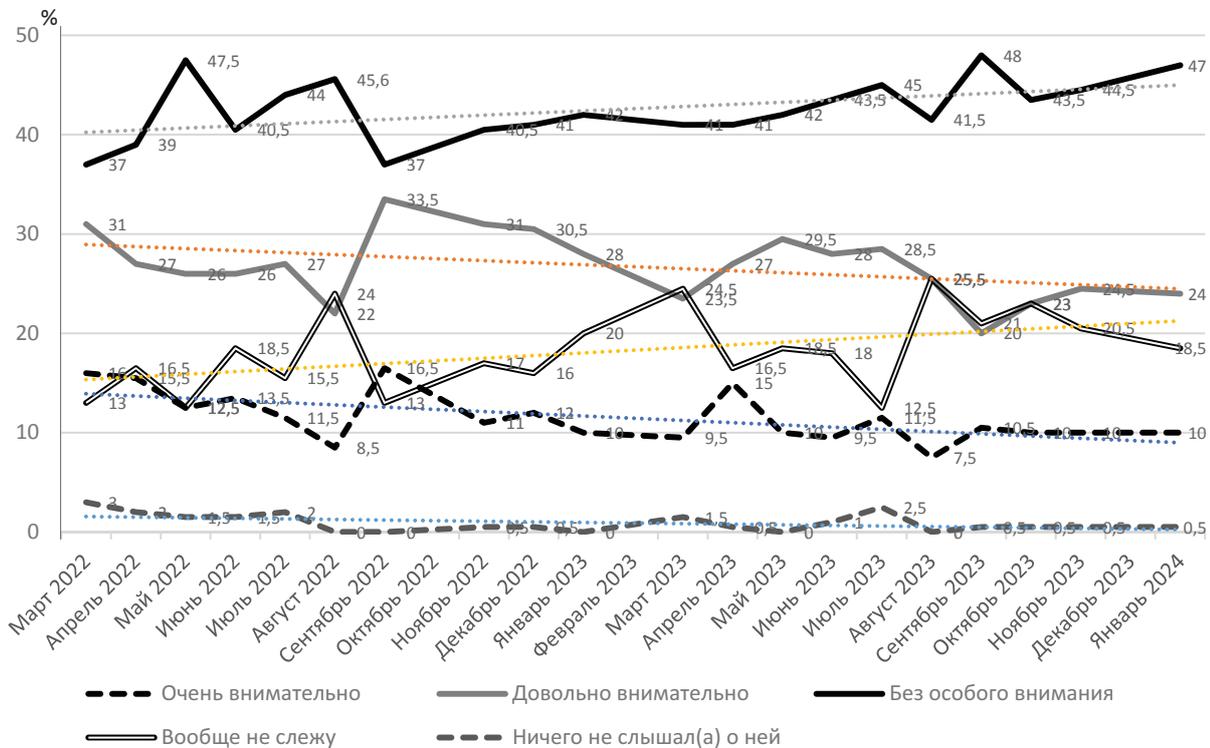

Рис. 1. «Следите ли Вы за ситуацией вокруг Украины?», % опрошенных (цвет онлайн)

Как видим, среди молодежи преобладают те, для кого тема СВО не представляет особого значения: число вообще не следящих за происходящим в этой сфере или делающих это без особого внимания стабильно больше наблюдающих за спецоперацией довольно или очень внимательно. Более того, представленные на рис. 1 линии тренда (показывают совокупную динамику изменения показателя; здесь, а также на рис. 2 и 3 выделены цветным пунктиром) свидетельствуют о том, что доли «равнодушных» к этой теме респондентов увеличиваются, а «заинтересованных», напротив, уменьшаются.

Естественно, имеет место эффект привыкания к данной теме и определенная усталость от ежедневных весьма однообразных сводок о ходе боевых действий. Вместе с тем очевидна и зависимость степени внимания от конкретных событий, происходящих в рамках СВО. Скажем, проведение во второй половине сентября 2022 г. референдумов о вхождении в состав России Донецкой и Луганской народных республик, а также Запорожской и Херсонской

областей вызвало вполне объяснимый всплеск внимания молодежи к этой теме.

Отмеченная выше зависимость от возраста респондентов четко прослеживается и в отношении уровня поддержки действий России на Украине: чем старше человек, тем чаще он одобряет действия властей в этом вопросе. Молодежь в этом смысле настроена более скептически: в начале 2024 г. действия России определенно поддерживали 27% 18–24-летних, 34% 25–39-летних, 44% 40–54-летних граждан и 49% людей старше 55 лет [14] (рис. 2).

Представленные на рис. 2 графики свидетельствуют о том, что, во-первых, число поддерживающих действия властей в рамках спецоперации ощутимо больше даже среди молодежи, и, во-вторых, с течением времени колебания уровня одобрения очень незначительны. Как и в случае с вниманием к происходящему, взлеты и падения кривых поддержки зачастую обусловлены конкретными событиями. Резкое падение данного показателя в апреле 2022 г., скорее всего, было вызвано тем, что именно тог-

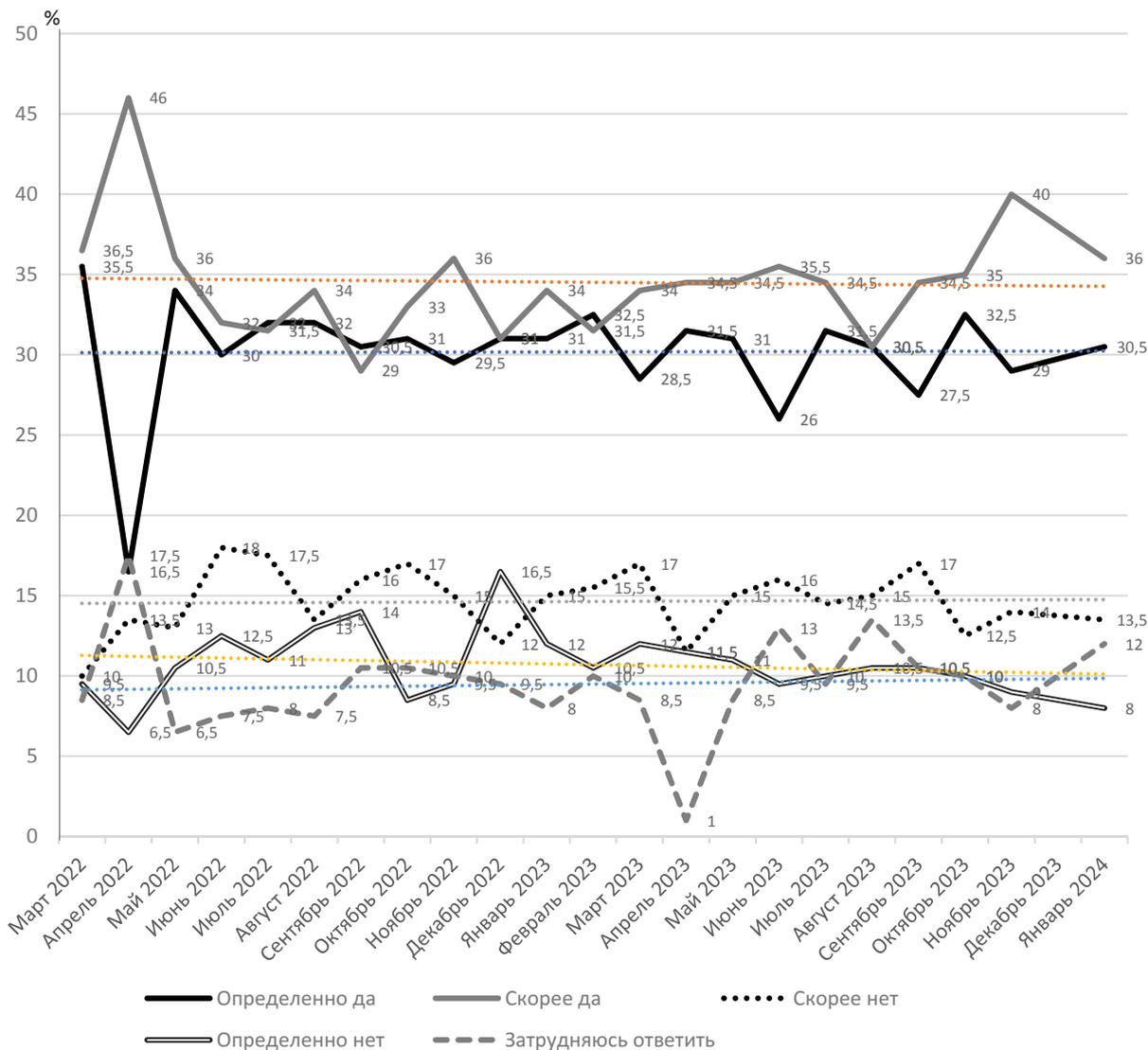

Рис. 2. «Вы лично поддерживаете или нет действия российских вооруженных сил на Украине?», % опрошенных (цвет онлайн)

да пришло осознание того, что быстрой победы в СВО не будет. А небольшой рост в октябре и ноябре 2023 г., очевидно, был связан с окончанием активной фазы украинского контрнаступления, по итогам которого противнику не удалось добиться существенных результатов.

Еще один показатель, по которому хорошо видны различия во мнениях людей разного возраста, – это представления о том, что делать дальше (рис. 3). В январе 2024 г. варианты «определенно продолжать боевые действия» и «скорее продолжать боевые действия» выбрали соответственно 12 и 15% респондентов в группе 18–24 года, 32 и 16% – в категории 55 лет и старше. Соответственно, опции «скорее начать мирные переговоры» и «определенно начать мирные переговоры» предпочли 35 и 25% самых молодых и 28 и 17% самых возрастных граждан [14].

Представленные на рис. 3 данные свидетельствуют о том, что сторонников мирного разрешения конфликта среди молодежи ощутимо больше, чем тех, кто выступает за выяснение отношений на поле боя. Справедливости ради нужно отметить, что это характерно и для всего российского общества в целом. Разница лишь в доле миролюбиво настроенных: по всем возрастным группам в начале 2024 г. «скорее» или «определенно» за мирные переговоры ратовали 21 и 31% опрошенных, а среди молодежи (среднее арифметическое значений, зафиксированных для категорий 18–24 и 25–39 лет) – 35,5 и 24,0% [14]. При этом заметно, что явно выраженный возрастающий характер имеет лишь линия тренда кривой, иллюстрирующей динамику количества сторонников «скорее начать мирные переговоры». Иными словами, неуклонно растет число тех моло-

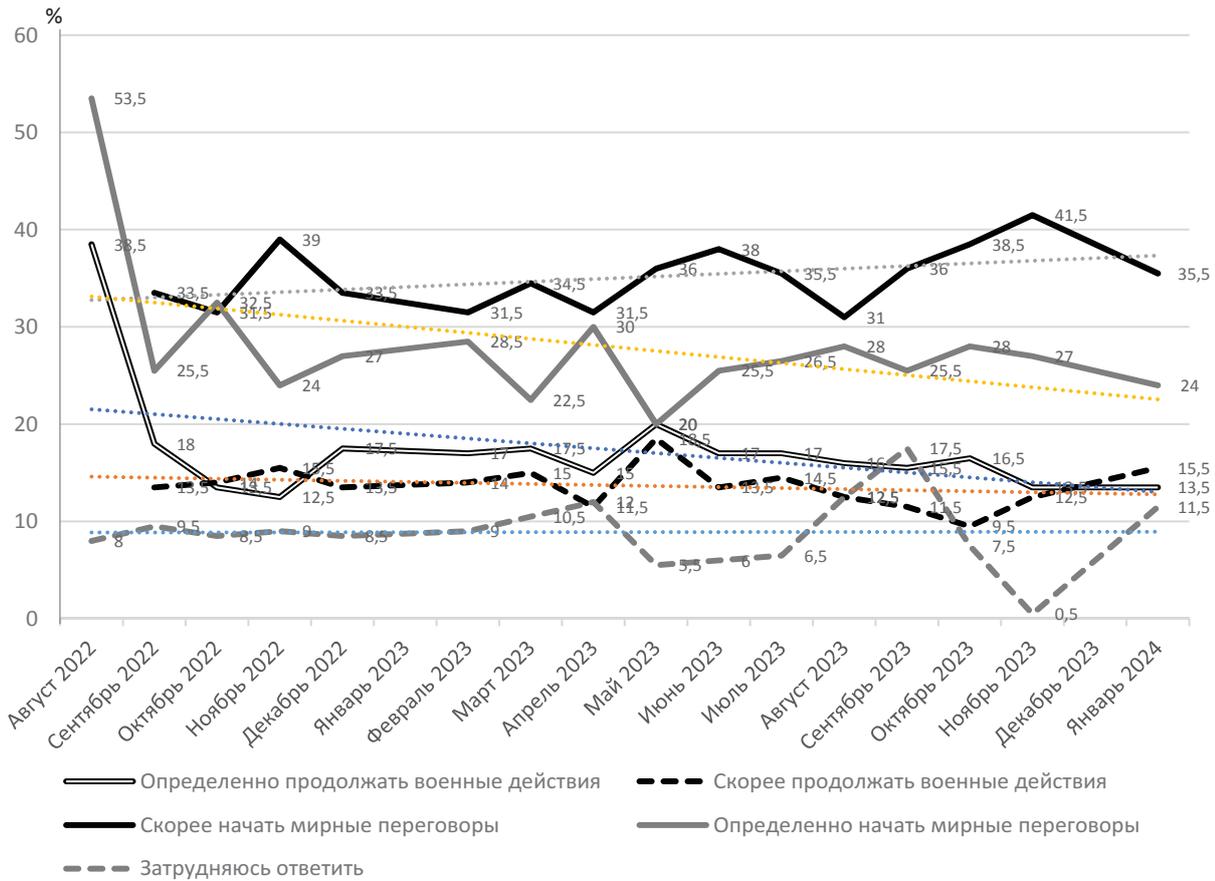

Рис. 3. «Как Вы считаете, сейчас следует продолжать военные действия или начать мирные переговоры?», % опрошенных (цвет онлайн)

дых людей, которые предпочитают «умеренное» мирное разрешение текущего конфликта.

Обратимся теперь к результатам проведенных нами опросов. Их целью, повторимся, было выявление мнения молодых людей по более кон-

кретным сюжетам СВО, не затрагиваемым федеральными социологическими структурами.

Так, весьма интересные результаты были получены после обработки ответов респондентов на вопрос о причинах СВО (табл. 1).

Таблица 1

«Как Вы считаете, каковы основные причины начала специальной военной операции на Украине?» (можно было выбрать не более трех вариантов ответа, %)

Основные причины	2022 г.	2023 г.
Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ	52,6	52,1
Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру	45,2	39,2
Украина представляла реальную угрозу для безопасности Российской Федерации, они хотели напасть на РФ, а также получить ядерное оружие	19,8	22,9
Изменение политического курса Украины, денацификация	19,0	13,0
Стремление присоединить некоторые территории Украины или тотальное присоединение Украины к территории РФ	16,6	11,7
Установление марионеточного (зависимого) правительства на территории Украины	14,2	9,0
Повышение рейтингов государственной власти, в частности Президента РФ, в результате маленькой победоносной войны	13,6	8,6
Иные корыстные политические и экономические мотивы государственной власти РФ	12,8	9,6
Затрудняюсь ответить	20,1	24,9

Как видно из данных табл. 1, и в 2022, и в 2023 гг. наиболее популярными ответами с большим отрывом от остальных стали «Защита границ Российской Федерации от распространения влияния НАТО, размещения новых военных баз близ территории РФ» и «Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру». Несмотря на то, что молодежь гораздо реже использует традиционные СМИ, в которых позиция государства продвигается системно и последовательно, в данном случае можно говорить о том, что респонденты выбрали именно те причины, которые наиболее активно позиционируются на официальном уровне в качестве предпосылок начала СВО.

Любопытно также, что третьим по частоте вариантом стал ответ «Затрудняюсь ответить». В ходе проведения фокус-групп выяснилось, что это связано в том числе и с тем относительно низким уровнем интереса к происходящему, который мы уже отмечали выше. Не уделяя событиям вокруг Украины большого внимания, многие респонденты вполне

естественно затруднились назвать предпосылки и причины разразившегося конфликта.

Если же сравнивать результаты опроса в ноябре 2022 и ноябре 2023 гг., то более или менее значимые различия произошли лишь в отношении к таким причинам, как «Защита населения ЛДНР, прекращение войны и принуждение к миру», «Изменение политического курса Украины, денацификация» (в обоих случаях – минус 6,0% по сравнению с осенью 2022 г.) и «Стремление присоединить некоторые территории Украины или тотальное присоединение Украины к территории РФ» (минус 4,9%). Вообще, прирост был зафиксирован лишь применительно к одной причине – «Украина представляла реальную угрозу для безопасности Российской Федерации, они хотели напасть на РФ, а также получить ядерное оружие» (плюс 2,9%). Характерно также, что на 4,8% выросло число тех, кто затруднился ответить на данный вопрос.

С причинами конфликта достаточно четко коррелируют представления молодых людей о его виновниках (табл. 2).

Таблица 2

«Кто, по Вашему мнению, является ответственным за начало конфликта на Украине?»
(% опрошенных в ноябре 2022 и ноябре 2023 гг.)

Откуда получают информацию*	Вариант ответа на вопрос анкеты							
	США	Западные страны совместно с США (Блок НАТО)	Украина	РФ	ЛДНР	Все вышеперечисленное	Другое (вариант использовался в опросе 2022 г.)	Затрудняюсь ответить (вариант использовался в опросе 2023 г.)
Всего	15,3 / 14,0	46,4 / 27,7	11,3 / 13,3	21,1 / 7,3	0,6 / 1,0	4,4 / 1,6	0,9	36,0
Из Интернета (93,0)	15,0 / 13,1	46,1 / 27,9	11,6 / 12,8	21,2 / 7,8	0,6 / 0,1	4,6 / 1,8	0,9	36,5
Из ТВ-передач (31,9)	19,5 / 16,6	56,6 / 33,7	12,6 / 16,0	7,1 / 4,0	0,7 / 0	3,0 / 1,5	0,5	28,2
Из печатной прессы (4,8)	15,1 / 21,7	46,6 / 34,8	13,7 / 8,7	17,8 / 0	1,4 / 0	2,7 / 8,7	2,7	26,1
Слушаю радио (4,6)	20,0 / 13,8	46,7 / 58,6	9,3 / 13,8	20,0 / 3,4	1,3 / 0	2,7 / 3,5	0	6,9
От окружения (52,8)	15,9 / 15,9	47,4 / 27,0	14,1 / 13,5	17,9 / 5,7	0,4 / 0,2	3,5 / 1,4	0,7	36,3
От учителей и начальства (12,2)	14,2 / 12,2	52,3 / 27,7	14,2 / 14,4	14,8 / 4,8	0,6 / 0,5	2,6 / 1,6	1,3	38,8

Примечание. *В скобках указаны усредненные процентные доли респондентов, выбравших соответствующий вариант ответа на вопрос «Откуда Вы чаще всего узнаете о происходящих в стране событиях? (отметьте не более трех вариантов ответов)» в ноябре 2022 и ноябре 2023 гг.

Как видно из представленных в табл. 2 данных, в ноябре 2022 г. более 60,0% опрошенных винили в случившемся страны Запада, и

в частности США. Крайне любопытно, что в ноябре 2022 г. Россию виновницей конфликта считали почти вдвое больше молодых людей,

чем Украину (21,1 и 11,3% соответственно), а спустя год ситуация изменилась практически с точностью до наоборот (7,3% против 13,3%). По всей видимости, за это время часть молодых людей изменили свое мнение относительно виновников происходящего. Вместе с тем очевидно, что большая часть молодежи в целом солидаризируется с транслируемым властью объяснением причин и виновников конфликта, но при этом кто-то по-прежнему считает Россию ответственным за него. Ответы на другие вопросы анкеты и материалы фокус-групп показали, что такую позицию чаще всего занимают либерально ориентированные представители молодежи, которые возлагают ответственность за конфронтацию России с Западом и Украиной на сегодняшнее руководство страны.

Сразу 36% респондентов затруднились ответить на этот вопрос (в ноябре 2022 г. такого варианта ответа в анкете не было), и это, по нашему мнению, является очередным подтверждением того факта, что многим молодым людям очень непросто разобраться в причинах и специфике происходящих событий.

Если говорить о различиях во мнениях респондентов, предпочитающих разные источники информации, то здесь в глаза бросаются несколько весьма показательных, на наш взгляд, моментов. Вполне ожидаемо, телезрители больше других винят в происходящем США и Запад в целом. Они же стали единственной когортой, в которой в ноябре 2022 г. Украину считали виновницей чаще, чем Россию (примерно одинаково распределились мнения респондентов в связке

«Украина – Россия» среди тех, кто узнают новости от учителей, преподавателей и начальства). Среди поклонников Интернета расклад во многом противоположный: США и НАТО обвиняют чуть реже, а Россию – чаще. Те же, кто привык узнавать о событиях в стране и мире от учителей, преподавателей и начальства, по большому счету, считают примерно так же, как и смотрящие телевизор. Скорее всего, это связано с тем, что люди, от которых они слышат про события в рамках СВО, в свою очередь, чаще получают информацию из ТВ-передач.

Отдельно нас интересовало отношение молодежи к объявленной в России частичной мобилизации и к тем, кто от нее уклоняется. Анализ ответов на посвященные этому сюжету вопросы представлен в одной из наших предыдущих публикаций [15]. Отметим лишь, что, в отличие от оценок СВО в целом, к мобилизации молодежь относится значительно более скептически – более половины опрошенных ее в той или иной степени не поддерживают. При этом если в отношении частичной мобилизации свое мнение затруднились сформулировать около трети опрошенных, то применительно к уклонистам таковых набралось почти 45%. Скорее всего, здесь имеет место определенное внутреннее противоречие: многие поддерживают СВО, но при этом опасаются, что они сами или их близкие окажутся в числе мобилизованных.

Отдельный вопрос наших анкет был посвящен отношению молодежи к вхождению в состав России четырех новых регионов (рис. 4).

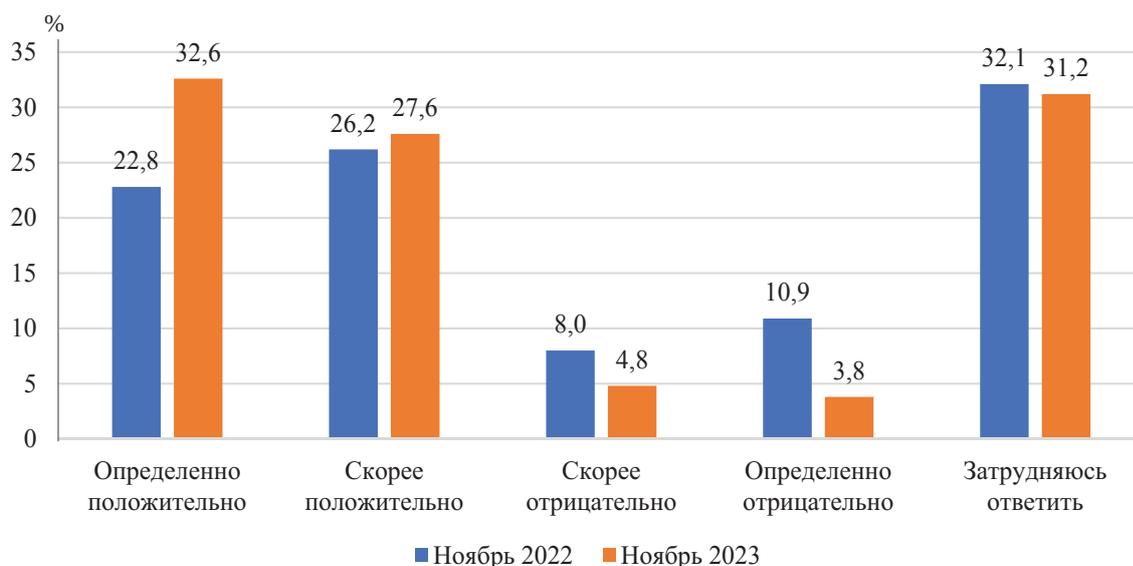

Рис. 4. «Как Вы относитесь к вхождению новых субъектов в состав Российской Федерации (ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей)?» (% опрошенных в ноябре 2022 и ноябре 2023 гг.) (цвет онлайн)

На рис. 4 снова можно видеть достаточно большую долю затруднившихся с ответом. Полагаем, что это может свидетельствовать как минимум о двух вещах. Во-первых, о сложности процессов, в отношении которых респондентов просили определить свою позицию. Во-вторых, о все том же недостатке внимания, уделяемого частью молодых людей происходящему вокруг Украины. Будучи «в теме», человек наверняка имел бы более или менее сформировавшееся мнение по данному поводу.

Показательно, что за год существенно увеличилась доля определенно положительно воспринявших территориальное расширение страны (с 22,8% в ноябре 2022 г. до 32,6% в ноябре 2023 г.) и примерно в 2–3 раза сократилось число тех, кто относится к этому отрицательно. По всей видимости, сказывается общая корректировка отношения молодежи к происходящему. К тому же многие участники фокус-групп говорили нам о том, что присоединение новых субъектов вкупе с последующими действиями властей по нормализации жизни в уже подконтрольных России территориях дало им основания испытывать гордость за свою страну. Осенью же 2022 г., когда присоединение только произошло, многие, видимо, не до конца были уверены в том, что наше государство пришло туда «всерьез и надолго».

Таковы основные результаты опросов молодежи, касающихся их отношения к СВО. Очевидно, что молодые люди оценивают происходящее значительно более сдержанно, чем общество в целом. В данном случае важно подчеркнуть, что большая часть интересующей нас социальной группы все же поддерживает саму СВО, однако уровень этой поддержки ощутимо ниже, чем у представителей более старших возрастов. Что касается отношения к частичной мобилизации и включения в состав России четырех новых субъектов, то здесь уровень поддержки даже меньше половины. Если же говорить о предпочитаемых вариантах продолжения конфликта, то среди молодых гораздо больше тех, кто является сторонниками начала мирных переговоров с Украиной.

Считаем, что причин такого специфического (по сравнению с характерным для общества в целом) отношения молодых людей к происходящему несколько.

Во-первых, это возрастные особенности данной социальной страты. Впервые сталкиваясь в осознанном возрасте с ситуацией, когда страна участвует в боевых действиях, молодежь невольно пугается происходящего и ис-

пытывает серьезные затруднения с определением собственного отношения к тому, что происходит (об этом косвенно свидетельствует количество респондентов, выбравших варианты ответа «Затрудняюсь ответить»). Не имея богатого жизненного опыта, относительно мало интересуясь политикой и историей (в том числе особенностями формирования, развития и распада СССР, истории Великой Отечественной войны и борьбы с бандеровцами как наиболее жестокими пособниками гитлеровской Германии), значительная часть респондентов полагают, что территории, на которых идут боевые действия, – это исконно украинские земли, и что любые конфликты можно было решить за столом переговоров.

Во-вторых, политическая социализация нынешней молодежи во многом проходила в условиях идеологического вакуума. Поэтому ей достаточно трудно понять идеи об общем историческом прошлом русских и украинцев, их культурном, религиозном и этническом родстве. «Русский мир», «братские народы», «общее историческое прошлое» – эти и подобные концепты понятны и близки далеко не каждому человеку, родившемуся в девяностые и позже. К тому же на определенном этапе нашего недавнего прошлого этот идеологический вакуум начал заполняться западными ценностями. Впитанные молодыми людьми идеи приоритета интересов личности над обществом, прав и свобод человека, ориентация на обеспечение в первую очередь материального благополучия вошли у молодежи в явный диссонанс с очевидными и неизбежными результатами СВО (большим количеством раненых и погибших, уничтожением инфраструктурных объектов, угрозами терактов и т.д.).

В-третьих, достаточно важную роль играют и распространенные в молодежной среде медийные практики. В ситуации, когда 93% молодых людей предпочитают узнавать о происходящем из Интернета, объективно расширяются возможности для информационной автономии человека. По большому счету, каждый формирует свою собственную эхо-камеру, пробиться в которую каким-либо «чуждым» ее владельцу информационным потокам чрезвычайно сложно. Во многом именно поэтому продуцируемые государством обоснования и трактовки происходящего в рамках СВО просто не достигают большей части молодежной аудитории. Подтверждением этому служит тот факт, что, согласно нашим замерам, те, кто по-прежнему смотрит телевизор (т. е. до кого го-

сударству легче «дотянуться»), заметно более лояльно настроены к тому, что связано с СВО.

Из этого логически вытекает и еще одна возможная причина – характер и особенности освещения СВО на официальном уровне. Мало того, что официоз представлен преимущественно в традиционных СМИ и практически не присутствует в пространстве гораздо более востребованных у молодежи новых медиа, большие вопросы (причем не только у молодых людей) возникают и в отношении качества, достоверности и оперативности транслируемой государством информации о ходе СВО (особенно часто это вызывало нарекания в первые восемь-девять месяцев, к концу 2022 г., по нашим наблюдениям, здесь наметились определенные изменения к лучшему). Запоздывание информации, крайне редкое озвучивание данных по потерям российских военнослужащих, использование эвфемизмов (например, «плановая перегруппировка», «передислокация» или «выравнивание линии фронта» вместо «отступление») – лишь самые явные из имеющихся в этой сфере проблем. В таких условиях и без того весьма скептически настроенная в отношении официоза молодежь в поисках актуальной и правдивой информации еще быстрее уходит в социальные сети и мессенджеры, подписываясь на самые различные (не всегда надежные и заслуживающие доверия) паблики и становясь тем самым практически не достижимой для медийного влияния со стороны государства.

Учитывая все это, можно предположить, что в дальнейшем – по мере продолжения СВО – улучшение отношения к ней молодежи очень маловероятно. Скорее, наоборот: будет накапливаться усталость и психологическое напряжение от ежедневных сводок о сопряженных с боевыми действиями трагедиях, потерях и проблемах. Радикально и быстро изменить формат и сферу распространения официального информационного сопровождения спецоперации тоже вряд ли возможно, так как это очень инерционный процесс. Стало быть, единственный вариант, при котором власти можно было бы рассчитывать на заметное улучшение отношения молодежи к СВО, – это глобальные (а не локальные) успехи России на фронтах. В таком случае даже находящиеся в своих собственных информационных коконах молодые люди наверняка станут более реалистично и конструктивно оценивать происходящее в России и мире.

В этих условиях возникает потребность в осмыслении той роли, которую потенциально могло бы сыграть в данном вопросе политиче-

ское просвещение. Очевидно, что повлиять на третью и четвертую из указанных выше причин оно объективно не в состоянии. Однако внести свой вклад в формирование более зрелого и патристичного мировоззрения молодых людей политическое просвещение, на наш взгляд, все-таки может.

Наиболее эффективным и одновременно доступным средством решения этой задачи считаем использование тех возможностей, которые появились у государства с введением в программы школьного и вузовского образования урока «Разговоры о важном» и учебной дисциплины «Основы российской государственности». Полагаем, что в рамках этих предметов существенное внимание должно уделяться не только историческим и теоретическим аспектам развития нашей страны, но и так называемому текущему моменту. Школьникам и студентам нужно на постоянной основе разяснять смысл и значение происходящих событий и процессов, рассказывать, чем и почему они важны, какие последствия могут иметь для будущего. При этом, говоря о том, что происходит в стране и за ее пределами, важно озвучивать подходы и позиции как минимум не идущие вразрез с основами государственной политики России. С другой стороны, транслируемая подобным образом политинформация не должна вызывать отторжения у обучающихся. В этом смысле очень важна способность педагога донести до аудитории объективный образ происходящего простым и доступным для нее языком. Убеждены, что в случае успешного внедрения в указанные предметы такой практики у Интернета как основного для молодежи источника информации о политике появится реальная альтернатива, а значит, можно будет рассчитывать на то, что отношение молодых людей к действиям государства (в том числе в рамках СВО) изменится на более лояльное.

Список литературы

1. Социальное самочувствие студенческой молодежи приграничных регионов России в событийном контексте СВО: Информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2023. 155 с. EDN: ORYSYE
2. Асланов Я. А., Магранов А. С., Костырин Е. Г. Основные источники информации студенческой молодежи о СВО // Социальное самочувствие студенческой молодежи приграничных регионов России в событийном контексте СВО: Информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2023. С. 82–100. EDN: QVIWNW

3. Устинкин С. В., Никитин А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 32–52. EDN: CFBXOY
4. Марков К. В., Шевченко Е. В., Левищев В. А. Проблематика патриотического воспитания студентов вузов в связи с проведением СВО // Мир педагогики и психологии. 2023. № 12 (89). С. 71–76. EDN: RXLNTW
5. Зарубина Е. В. Отношение молодежи к СВО: опыт социологического исследования // Социально-гуманитарное образование и современность : материалы Всерос. нац. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию профессора С. Н. Некрасова (Екатеринбург, 13 октября 2022 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. аграрного ун-та, 2022. С. 91–97. EDN: OGPGBX
6. Соболева Е. В. Обучение способам распознавания приемов языкового манипулирования в процессе информирования обучающихся о ходе СВО // Лингвистическое обеспечение военной деятельности. Теоретические и прикладные аспекты профессиональной деятельности военного переводчика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. по актуальным проблемам лингвистического обеспечения военной деятельности (Москва, 17 февраля 2023 г.) / под общ. ред. М. А. Смирновой. М. : Военный университет, 2023. С. 257–263. EDN: BSVCMQ
7. Шматов А. С. Гражданское общество в современной России в период СВО: состояние и перспективы // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : материалы Всерос. науч. конф. XVII Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 г.). СПб. : ИД «Сциентиа», 2023. С. 423–424. EDN: HZIUWF
8. Кулешова А. В. Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО // Социодиггер. 2022. Т. 3, № 7 (19). С. 30–34. EDN: YNTQDC
9. Специальная военная операция: полгода спустя (2022). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-polgoda-spustja> (дата обращения: 20.12.2023).
10. Десять месяцев СВО: оценка результатов. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov> (дата обращения: 20.12.2023).
11. Украина. Опрос 20 марта (2022). URL: <https://fom.ru/Politika/14706> (дата обращения: 20.12.2023).
12. Взятие российскими военными Артёмовска (Бахмута). URL: <https://fom.ru/Politika/14886> (дата обращения: 23.06.2023).
13. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI
14. Конфликт с Украиной: оценки конца 2023 – начала 2024 года. URL: <https://www.levada.ru/2024/02/06/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-2023-nachala-2024-goda/> (дата обращения: 05.02.2024).
15. Kazakov A. A., Vilkov A. A., Shestov N. I. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: Impact of media practices // Izvestia of Saratov University. Sociology. Politology. 2023. Vol. 23, iss. 3. P. 313–324. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-313-324>, EDN: GVTOGV

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 196–200

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 196–200

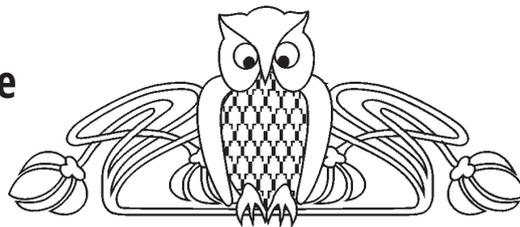
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-196-200>, EDN: АНQMKR

Научная статья

УДК 316.723

Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации

С. И. Белов , И. И. Кузнецов

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

²Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Белов Сергей Игоревич, доктор политических наук, ¹доцент кафедры российской политики; ²ведущий научный сотрудник, belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, ¹профессор кафедры истории и теории политики; ²ведущий научный сотрудник, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Аннотация. В статье анализируются возможности использования сферы массовой культуры в выстраивании стратегии политической социализации молодежи. Ставится вопрос о влиянии эффективного использования образов массовой культуры как ресурса коррекции жизненных стратегий молодежи. Сделан вывод о том, что образы, продуцируемые массовой культурой, потенциально способны значимым образом повлиять на выстраивание жизненных стратегий молодежи лишь при наличии определенного набора условий. Они должны соответствовать структуре общества и взаимоотношений между его слоями, которые формируют представления о престижности доминирующей в данный момент идентичности и связанных с нею моделей поведения, коррелировать со степенью устойчивости образа «сакрального прошлого» сообщества и степенью авторитетности институтов, выполняющих функцию контроля за соблюдением установленных норм. Так, в случае продвижения новых жизненных стратегий, существенным образом отличающихся от господствующей модели, их эффективное внедрение требует таких условий, как крупномасштабная рекомпозиция социальной структуры и кризис господствующей идентичности, способствующих росту поляризации мнений в обществе и синхронному увеличению внимания к избегаемым культурным фреймам. Сочетание этих условий дает возможность корректировать ценностно-поведенческие модели поколений, чей процесс социализации еще не был завершен.

Ключевые слова: массовая культура, образы, символы, молодежь, коррекция, жизненные стратегии

Благодарности: Проект № 123091200054-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Для цитирования: Белов С. И., Кузнецов И. И. Развлекательные и просветительские предпочтения молодежи как ресурс политической социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 196–200. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-196-200>, EDN: АНQMKR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Entertainment and educational preferences of youth as a resource of political socialization

S. I. Belov , I. I. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 51/21 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russia

Sergey I. Belov, belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Abstract. The presented research is built around the question of conditions for the effective use of images of mass culture as a resource for correcting the life strategies of young people. It is concluded that the images produced by mass culture are potentially able to significantly influence formation of life strategies of young people, only if there is a certain set of conditions. They should correspond to the structure of society and the relationships between its layers, which form ideas about prestige of the currently dominant identity and associated behaviors, correlate with the degree of stability of image of the “sacred past” of the community and the degree of authority of institutions that perform the function of monitoring compliance with established norms. Thus, in the case of the promotion of new life strategies that differ significantly from the prevailing model, their effective implementation requires such conditions as a large-scale recomposition of the

social structure and the crisis of the dominant identity, contributing to the growth of polarization of opinions in society and a synchronous increase in attention to the avoided cultural frames. Combination of these conditions makes it possible to adjust the value-behavioral models of generations whose socialization process has not yet been completed.

Keywords: mass culture, images, symbols, youth, correction, life strategies

Acknowledgements: Project No. 123091200054-7 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

For citation: Belov S. I., Kuznetsov I. I. Entertainment and educational preferences of youth as a resource of political socialization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 196–200 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-196-200>, EDN: AHQMKR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Возможности и перспективы использования образов массовой культуры как ресурса коррекции ценностей, смыслов и жизненных стратегий молодежи на сегодняшний день представляются одним из наиболее активно развивающихся направлений в рамках политической науки. Данную тему изучают в рамках как разработки теории и практики информационных войн, так и исследования политического восприятия и поведения.

Однако необходимо отметить, что для многих исследований характерен дескриптивный подход. Их авторы анализируют структуру и эволюцию соответствующих образов (а также движущие факторы этого процесса), систематизируют их в рамках различных вариантов классификации и выявляют универсальные и специфические черты моделей позиционирования. Однако в то же время в большинстве случаев нераскрытыми остаются вопросы относительно направленности и эффективности воздействия образов на целевую аудиторию [1–7]. Многие исследователи также фокусируют внимание исключительно на достоверности тех или иных образов и концентрируются на оценке масштабов стигматизации или глорификации их реальных прототипов [8–11]. Кроме того, имеет место тенденция роста интереса к кейсам конкретных направлений массовой культуры [12–17].

Следствием этого становится сохранение лакун в степени научной разработанности концептуально значимых аспектов темы, включая условия эффективности использования образов массовой культуры как ресурса коррекции жизненных стратегий молодежи. При этом широкое распространение получила точка зрения, согласно которой эффективность произведения массовой культуры как инструмента символической политики отождествляется со степенью его коммерческого успеха.

Целью представленного исследования является конкретизация на теоретическом уровне условий эффективного использования образов

массовой культуры как ресурса коррекции жизненных стратегий молодежи.

Советский семиотик и культуролог Ю. М. Лотман отмечал, что генерируемый произведениями культуры нарратив представляет собой разновидность ресурсов для реализации символической власти. Соответствующая функция осуществляется за счет актуализации символа путем приведения его в соответствие с моделью восприятия и системой ценностей, присущих данному обществу на текущем этапе его развития. В данном случае необходимо подчеркнуть, что в силу динамики культурных и социальных процессов система смыслов и ценностей, господствующих в обществе, неизбежным образом трансформируется, что неизбежно влечет за собой изменение представлений о нормах, а также заданных ими одобряемых и осуждаемых формах поведения. В результате акторы символической политики вынуждены подвергать содержание ключевых символов реструктуризации, придавая им характер, релевантный специфике господствующей ценностно-смысловой модели. Сам процесс трансформации символов осуществляется посредством расширения контекста через добавление комментариев к первоначальному нарративу [18, с. 201].

Исходя из этого, можно предположить, что символическое содержание культуры, в том числе массовой, детерминирована динамикой присущей обществу ценностно-смысловой модели. То есть символ, транслируемый произведением массовой культуры, представляет собой не столько инструмент изменения ценностной модели и коррелирующихся с ней форм поведения, сколько продукт этого процесса. Однако данный вариант интерпретации объяснительной модели Ю. М. Лотмана представляет собой, скорее, результат ее вульгаризации. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, культурный символ выступает именно в качестве ресурса для реализации символической власти. Семиотик объяснял наличие у символа соответствующей функции

следующим образом. Нарратив произведения культуры представляет собой кодовую систему, позволяющую при определенном стечении обстоятельств провоцировать у аудитории заранее заданную реакцию на демонстрацию определенных узнаваемых символов. Последнее предполагает не только осуществление контроля над интерпретацией определенных знаков, но и возможность при помощи гибридных языков транслировать определенную идеологию через замену либо трансформацию смыслов, сопряженных с конкретными символами [19, с. 8]. Особенно ярко это свойство проявляется в случае гибридных семиотических языков, к числу которых относятся, например, кинематограф, комиксы и видеоигры, объединяющие в рамках одного формата независимые и равноправные культурные знаки [20, с. 82].

Таким образом, символика произведения массовой культуры и заданные ею образы дуалистичны по своей природе. С одной стороны, им присуща изменчивость, проявляющаяся в виде актуализации в ответ на изменение господствующей ценностно-смысловой модели. С другой стороны, при обеспечении благоприятных условий образы, формируемые символами массовой культуры, весьма устойчивы.

Российский политолог О. Ю. Малинова конкретизировала условия, способствующие формированию когнитивных и аффективных предпосылок для отторжения обществом привычных образов и символов. Наиболее интенсивно этот процесс протекает в случаях, когда соответствующий образ позиционирует конкретное общество в негативном ключе за счет эксплуатации избегаемых культурных фреймов и смысловых рамок при освещении сюжетов, в отношении которых наблюдается четко выраженная поляризация мнений. Соответственно, именно при наличии данных обстоятельств образы массовой культуры выступают в качестве эффективного инструмента смены значения символов, наделения их новым смыслом и тем самым трансформации моделей поведения и жизненных стратегий представителей соответствующего общества [21, с. 142].

Однако изучение теоретической базы частных форм политики памяти и смежных концептов свидетельствует о том, что данная модель, вероятнее всего, содержит большее число переменных, значения которых определяют возможность реализации корректирующего потенциала образов массовой культуры.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на ряд парадигмальных элементов теории коллективной идентичности. Как было

отмечено Э. Дюркгеймом, культура представляет собой ресурс воспроизводства сообществ путем выработки модели массового сознания. Массовая культура в рамках данной концепции выступает в качестве инструмента регуляции поведения и жизненных стратегий членов общества через трансляцию набора универсальных смыслов, ценностей и норм поведения. Соблюдение последних гарантируется наличием инструмента стимуляции через осуждение либо одобрение со стороны общества. Лояльность универсальной системе ценностей и заданной ею модели (которую можно условно обозначить как ценностно-поведенческий конформизм) поведения гарантирует консолидацию общества, тем самым формируя базовое условие для выработки коллективного сознания и общей идентичности [22, 23].

При этом сохранение приверженности заданной культурой общества ценностно-смысловой модели обеспечивается не только страхом социальной дисквалификации. Как отмечают Г. Тэддфел и Дж. Тернер, любая идентичность выстраивается во многом за счет формирования двух установок восприятия – ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. Первая предполагает формирование системы представлений об априорном превосходстве носителей соответствующей идентичности над представителями других сообществ, вторая – выработку стереотипа о меньшей престижности любых иных идентичностей и неполноценности большинства их носителей в компаративном ключе. При этом сочетание ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации активно используется с целью выстраивания идентичности за счет противопоставления образу «значимого другого», в том числе образу врага. За счет этого мнимый или реальный отказ от собственной культуры либо признание ее превосходства воспринимается многими членами сообщества как акт враждебных действий, «измена» прочим членам данной социальной корпорации. Но, что особенно важно, отказ от претензий на «культурное превосходство» сопровождается разрушением собственной идентичности отрицающего, его временной либо постоянной маргинализацией, ослаблением либо разрывом связей с социальным окружением [24]. За счет этого ревизия восприятия ключевых с ценностно-смысловой точки зрения образов влечет за собой негативные последствия даже в случае отсутствия внешних санкций (например, если условный «ревизионист» скрывает свои взгляды от окружающих).

Также роль дополнительной гарантии устойчивости ценностно-поведенческого конформизма играет сакрализация определенных образов массовой культуры, особенно связанных с представлениями о прошлом (включая в том числе относительно недавние исторические события). Для социальной памяти широких слоев населения характерны такие свойства, как избирательность, схематичность, низкая степень детализации и подверженность структурной рекомпозиции на основе эмоционально насыщенной символики. При этом общество вырабатывает канон исторического нарратива в соответствии с мемориальными рамками, по отношению к которым каждый член общества обязан корректировать собственные взгляды на коллективное прошлое. При этом мемориальные рамки на практике представляют собой результат творчества, сочетающегося с переработкой личных воспоминаний под воздействием различных факторов. Последнее может касаться и не очень давних событий. Примером чего способно служить, например, наличие достаточно жесткого мемориального консенсуса относительно событий 11 сентября 2001 г. в США в американском обществе [25, с. 53–55]. Параллельно в обществе формируются представления о «долге памяти», который представляет собой внушенное представителям социальной корпорации представление о необходимости чтить героев и жертв из числа предков и мемориальных ритуалов, позволяющих за счет использования механизмов эмоционального заражения и подражания консолидировать массы и обеспечить воспроизводство макросоциальной идентичности [26, с. 57–61].

Приверженность общества доминирующей ценностно-поведенческой модели определяется во многом и устойчивостью его структуры: «окно возможностей» для трансформации ценностей, моделей поведения и жизненных стратегий открывает процесс изменения положения конкретных общественных страт и взаимоотношений между ними [27, с. 94].

В этой связи возможности сферы массовой культуры в трансформации ценностных и смысловых детерминант политического сознания молодежи крайне разнообразны и широки. Пользуясь возможностями приобщения к современному кино, музыке, литературе, гейм-индустрии, молодые люди выбирают обычно то, что позволяет получить максимальное эмоциональное или эстетическое впечатление, приобщиться к трендам моды, стиля сообщества, с которым они себя ассоциируют.

Таким образом, мы приходим к выводу, что само по себе присутствие в массовой культуре образов, потенциально способных выступить инструментом коррекции жизненных стратегий молодежи, не приводит к соответствующим изменениям. Этому должны предшествовать изменения в структуре общества и взаимоотношениях между его слоями, которые влекут за собой снижение престижности доминировавшей ранее идентичности и связанных с нею моделей поведения, деконструкцию образа «сакрального прошлого» сообщества и маргинализацию институтов, выполняющих функцию контроля за соблюдением установленных норм. Указанные процессы способствуют росту поляризации мнений в обществе и синхронному увеличению внимания к избегаемым культурным фреймам, что дает возможность корректировать ценностно-поведенческие модели поколений, чей процесс социализации еще не был завершен. Приоритетное значение при этом приобретает использование узнаваемых образов и символов в рамках произведений массовой культуры, созданных на основе гибридных семиотических языков.

Список литературы

1. *Бегларян Г. А.* Трансформация традиционных ценностей в современных видеоиграх // *Философские вопросы естествознания и технических наук : материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д : Южный федер. ун-т, 2014. С. 329–332. EDN: UAOFPF*
2. *Давыдов А. И.* Образ воина в западной массовой культуре как средство формирования психологии солдат НАТО // *Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 130–133. EDN: XOPCGB*
3. *Ефанова А. И.* Современная культура: массовое потребление рекламных образов // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12 (59), ч. 2. С. 35–37.*
4. *Жемчугова О. А.* Противоречивость образа супергероя в современной массовой культуре // *Философия и культура. 2016. № 11 (107). С. 1506–1510. EDN: XERUPF*
5. *Макаревич Э. Ф., Карпунин О. И.* Массовая культура как форма производства образов, идей и смыслов: художественность и пропаганда // *Ученый совет. 2022. № 5. С. 304–313.*
6. *Матюхина М. А., Ратомская В. С., Стрелка С. С., Абрамов Н. М.* Образы идеальной семьи в российской массовой культуре: история и современность // *Наука вчера, сегодня, завтра. 2017. № 11 (45). С. 23–27. EDN: YZIJKN*
7. *Чернолих К. В.* Эволюция образа западного мира в советской массовой культуре 1985–1991 годов // *Свободная мысль. 2023. № 3. С. 188–200.*

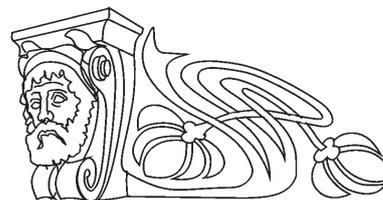
8. Верч Т. Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронт американских фильмов и видеоигр // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21). С. 25–41. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2019-4-25-41>, EDN: ABXVTZ
9. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117–123. <https://doi.org/10.31857/S013216250002791-3>
10. Глухова А. С., Шадрин Н. А. Образы средневекового рыцарства в современной массовой культуре // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. № 1. С. 103–112.
11. Федорченко С. Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 5. С. 427–438.
12. Иглин Д. А. Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10. С. 52–54. EDN: TRXMOI
13. Калмыков В. А. Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014. № 1 (123). С. 296–301.
14. Кирчанов М. В. Фантастический кинематограф как одна из форм локализации военных образов в американской массовой культуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 5. С. 77–86. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-77-86>
15. Кострова С. В., Маркухова Я. О. Русские персонажи в нарративах компьютерных игр [электронный текст] // Культура и технологии. 2019. Т. 4, вып. 4. С. 204–213. URL: <http://cat.itmo.ru/ru/2019/v4-i4/212>, <https://doi.org/10.17586/2587-800X-2019-4-4-204-213>, EDN: HOFBAC
16. Кун М. Образ позднесоветского пионерского лагеря в произведениях российской массовой культуры 2010-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 85–93. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93>
17. Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О. В. Рябова. М. : Аспект Пресс, 2023. 400 с.
18. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. С. 200–202.
19. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Эсти Раамат, 1973. 92 с.
20. Эко У. О членениях кинематографического кода // Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана : сб. ст. / сост. и авт. предисл. К. Разлогов ; коммент. М. Ямпольского.. М. : Радуга, 1984. С. 79–101.
21. Малинова О. Ю. Консерваторы и «инфраструктура» коллективной памяти: проблема репертуара политически пригодного прошлого // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 140–156. EDN: UDEQYH
22. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М. : Восточная литература, 1996. С. 55–124.
23. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Элементарные формы, 2018. 808 с.
24. Tajfel H., Turner, J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Political Psychology. San Francisco : Jossey-Bass Publishers, 1986. P. 276–393.
25. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. М. : Новое изд-во, 2007. 346 с.
26. Nora P. Present, nation, memoire. Paris : Gallimard, 2011. 432 p.
27. Bastide R. Mémoire collective et sociologie du bricolage // L'Année sociologique. 1970. Vol. 21. P. 65–108.

Поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Научная статья
УДК 324

Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире

В. И. Федоров

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

Федоров Владислав Иванович, кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Аннотация. Статья посвящена определению влияния явки избирателей на легитимность президентских выборов по материалам 20 наиболее крупных по числу избирателей государств, проводящих такие выборы. В марте 2024 г. президентские выборы состоялись в России, в ноябре выборы запланированы в США, исход которых окажет влияние на внутреннюю и внешнюю политику этих государств. Автором проверена гипотеза о том, что в большинстве случаев для существующего политического режима в странах, где широкое распространение получили подданническая и патриархальная политические культуры, высокая явка избирателей выступает донором легитимности, поэтому власти стремятся вовлечь в конвенциональное политическое участие на президентских выборах максимальное число избирателей и обеспечить победу лицу, занимающему должность президента (инкумбенту). В странах, где более широкое распространение получила политическая культура участия, конкуренция сильных кандидатов является источником легитимности для политических режимов, которые не стремятся мобилизовать всех избирателей к участию в президентских выборах и чаще всего не способны обеспечить переизбрание инкумбента. Электоральная активность в странах с преобладанием подданнической и патриархальной политических культур даже при условии отсутствия реальной конкуренции кандидатов, но при широком общественном признании существующего политического режима обеспечивает легитимность выборов; в странах, где более широкое распространение получила политическая культура участия, высокая явка является следствием интереса к выборам, а не результатом мобилизации электората со стороны политического режима. Примерами являются Турция и Франция, где последние президентские выборы прошли с высокой явкой и конкуренцией двух наиболее популярных кандидатов; низкая электоральная активность на президентских выборах – предпосылка к последующему политическому кризису и демонтажу политического режима (Афганистан, Нигерия); приемлемый уровень явки избирателей на президентских выборах, который может выступать индикатором их легитимности, составляет около 60–66%.

Ключевые слова: явка избирателей, легитимность, выборы, президент, выборы Президента России, ДЭГ, электронное голосование

Для цитирования: Федоров В. И. Влияние явки избирателей на легитимность президентских выборов в мире // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 201–207. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>, EDN: AKKOYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of voter turnout on the legitimacy of presidential elections in the worldwide

V. I. Fedorov

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Vladislav I. Fedorov, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Abstract. This paper reveals the impact of voter turnout on the legitimacy of presidential elections based on the materials of 20 largest states holding such elections in terms of the number of voters. In March 2024, presidential elections were held in Russia and in November elections are scheduled in the United States, the outcome of which will have an impact on the domestic and foreign policies of these states. The author has tested the hypothesis that in most cases, for the existing political regime in countries where subject and patriarchal political cultures are widespread, high voter turnout acts as a donor of legitimacy, therefore, the authorities seek to involve the maximum number of voters in conventional political participation in presidential elections and ensure victory for the person holding the office of president (incumbent). In countries where the political culture of participation has become more widespread, the competition of strong candidates is a source of legitimacy for political regimes that do not seek to mobilize all voters to participate in presidential elections and are most often unable to ensure the re-election of the incumbent. Based on the analysis of electoral statistics of presidential elections in the studied states, it was concluded that high electoral activity in countries with a predominance of national and patriarchal political cultures, even if there is no real competition between candidates, but with broad public recognition of the existing political regime, ensures the legitimacy of elections. In countries where political culture of participation has become more widespread, high turnout is a consequence of interest in elections, and not the result of the mobilization of the electorate by the political regime. Examples are Turkey and France, where the last presidential elections were held with high turnout and competition between the two most popular candidates; low

electoral activity in the presidential elections is a prerequisite for the subsequent political crisis and dismantling of the political regime (Afghanistan, Nigeria). Acceptable level of voter turnout in the presidential elections, which can act as an indicator of their legitimacy, is about 60–66%.

Keywords: voter turnout, legitimacy, elections, president, Russian presidential elections, i-voting, electronic voting

For citation: Fedorov V. I. The impact of voter turnout on the legitimacy of presidential elections in the worldwide. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 201–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-201-207>, EDN: AKKOYS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2024 г. президентские выборы запланированы в 26 государствах, включая такие крупные, как Россия и США; также президента выберут избиратели в Индонезии, Азербайджане, Литве, Финляндии, Словакии, Тайване, Исландии, Хорватии и ряде других государств. В электоральной истории России президентские выборы всегда были главными, на которых фиксировалось максимально широкое политическое участие граждан. В связи с этим актуальной исследовательской проблемой является определение влияния явки избирателей на легитимность выборов и устойчивость политического режима. Всегда ли высокая электоральная активность свидетельствует о демократическом характере избирательных процедур, конкуренции кандидатов и широком общественном признании существующего политического режима? И наоборот, может ли низкая электоральная активность на президентских выборах привести к последующему политическому кризису и демонтажу политического режима? Существует ли приемлемый уровень явки избирателей, выступающий индикатором легитимности выборов? В попытке найти ответы на эти дискуссионные вопросы и предпринимается данное исследование.

Гипотеза исследования сводится к предположению, что в большинстве случаев для существующего политического режима в странах, где широкое распространение получили подданническая и патриархальная политические культуры, высокая явка избирателей выступает донором легитимности, поэтому власти стремятся вовлечь в конвенциональное политическое участие на президентских выборах максимальное число избирателей и обеспечить победу лицу, занимающему должность президента (инкумбенту). В странах, где более широкое распространение получила политическая культура участия, конкуренция сильных кандидатов выступает источником легитимности для политических режимов, которые не стремятся мобилизовать всех избирателей к участию в президентских выборах и чаще всего не способны обеспечить переизбрание инкумбента. Высокая электоральная активность в этих странах является следствием интереса к избирательной кампании.

Как отмечает Г. Н. Митин, понятие «легитимность» прочно вошло в обиход российской политической и правовой наук. Оно имеет латинское происхождение: от позднелатинского *legitimus*, означающего «согласный с законами, законный», а также «должный, правильный», являющегося дериватом от *lex* – «право, норма, правило». Римляне употребляли слово «*legitimus*» аналогично русскому слову «законный» [1, с. 8].

Далее рассмотрим государства с наибольшим корпусом избирателей и соотнесем явку избирателей с показателем устойчивости политического режима после выборов. Отобраны 20 самых крупных государств, проводившие президентские выборы в период 2018–2024 гг. Для определения преобладающей политической культуры в конкретной стране была изучена научная литература, посвященная политической истории и современным политическим процессам. Для проверки своих выводов уже имеющимися теоретическими обобщениями возьмем из проекта «Политический атлас современности» [2], реализованного под руководством А. Ю. Мельвилля, индексы институциональных основ демократии и государственности, которые противопоставляют государство и общество [3, с. 44]. Коллектив авторов еще в 2020 и 2023 гг. анонсировал выход обновленного атласа, но пока проект остается не реализованным [4]. В связи с этим для ряда государств (Украина, Афганистан) индексы потеряли актуальность и требуют пересмотра, в целом же этот аналитический продукт сохраняет эвристическую ценность.

В интерпретации автора, чем выше балл в индексе институциональных основ демократии, тем шире распространена политическая культура участия, чем балл ниже, тем более широкое распространение получает патриархальная и подданническая политические культуры. Компоненты, составляющие индекс институциональных основ демократии, выбраны на основании двух базовых параметров демократического правления Роберта Даля: соревновательности и включенности. Индекс государственности показывает состоятельность государства в части возможности поддерживать

свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи [2, с. 71].

Государства в таблице ранжированы по уровню явки избирателей, в большинстве из них в президентских выборах принимают участие от 50 до 80% избирателей. По мнению автора, если новый глава государства был из-

бран менее чем половиной избирателей, то это свидетельствует о серьезных проблемах с легитимностью выборов и кризисе легального политического участия в стране. И наоборот, политической нормой является широкий интерес к главным выборам в стране, исход которых окажет влияние на жизнь каждого гражданина.

Явка избирателей на президентских выборах в крупнейших государствах

Государство и год последних выборов	Явка избирателей, %	Изменение относительно предыдущих выборов, %	Индекс институциональных основ демократии	Индекс государственности
Турция, 2023	84,15	-2,0	5,13	7,23
Беларусь, 2020	84,05	-3,17	2,23	4,78
Индонезия, 2019	82,0	+12,0	5,44	5,84
Узбекистан, 2023	79,88	-0,16	1,87	5,05
Бразилия, 2022	79,41	-0,20	6,25	8,39
Россия, 2024	77,49	+9,99	5,24	7,50
Аргентина, 2023	77,14	-3,72	6,91	8,07
Франция, 2022	71,99	-2,57	7,25	8,55
Тайвань, 2024	71,86	-3,04	7,09	6,36
Финляндия, 2024	71,50	+4,77	8,23	8,27
Чехия, 2023	70,25	-3,65	6,56	5,51
Казахстан, 2022	69,44	-8,06	2,10	4,45
Польша, 2020	68,18	+12,82	6,47	7,32
США, 2020	66,90	+11,20	7,30	10,0
Египет, 2023	66,80	+25,75	2,21	7,0
Австрия, 2022	65,19	+9,02	8,09	8,68
Украина, 2019	63,48	+4,0	6,46	2,5
Иран, 2021	48,78	-24,22	1,76	6,97
Нигерия, 2023	26,71	-8,0	4,39	4,65
Афганистан, 2019	18,87	-20,0	4,21	2,0

Из анализа данных таблицы видно, что в большинстве государств с индексами институциональных основ демократии и государственности больше 5 единиц явка избирателей на президентских выборах выше 60%. После выборов политические режимы в этих государствах сохранились и основные элитные группы остались обладателями политического и экономического капитала. В таких государствах сложилась традиция выборов в условиях политической конкуренции, распространена политическая культура участия, поэтому существующий политический режим не стремится подтвердить свою легитимность, мобилизуя всех избирателей. В Египте и Иране отмечено низкое значение индекса институциональных

основ демократии, для этих государств характерны «электоральные качели», когда явка избирателей сильно меняется в зависимости от целей правящих кругов по мобилизации или демобилизации общества.

В Республике Беларусь президентские выборы в 2020 г. прошли с явкой избирателей более 80%, но оба индекса ниже 5 единиц. Электоральная активность в стране находится на стабильно высоком уровне благодаря сохранению советской традиции участия в выборах и за счет усилий по мобилизации электората со стороны политического режима. Однако в стране существует запрос на политические перемены, который выразился в масштабном, но краткосрочном протестном движении после объяв-

ния результатов выборов. Как подчеркивают А. С. Ахременко и А. П. Петров, наиболее тесную связь с динамикой уличной активности в белорусских протестах 2020 г. имела динамика веры в успех протестного движения [5, с. 150]. В других государствах с индексами меньше 5 единиц (Афганистан, Нигерия) явка избирателей ниже 30% и наиболее распространена патриархальная и подданническая политические культуры. Далее вкратце рассмотрим политическую ситуацию в этих государствах до и после президентских выборов.

В Афганистане в президентских выборах 2019 г. приняли участие 18,87% избирателей, что стало самой низкой явкой за всю историю их проведения в этом государстве. Победу с результатом 50,64% одержал действующий президент Ашраф Гани. Выборы проходили в условиях роста влияния движения «Талибан», которое решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 признано в России террористическим [6]. Спустя два года, вследствие вывода войск США с территории Афганистана, талибы пришли к власти в стране, а большинство представителей политического режима вынуждены были покинуть Афганистан, включая и президента Гани. По состоянию на 2024 г. дипломатические отношения с новыми властями Афганистана установлены Россией, Китаем, Ираном, Пакистаном, Казахстаном и рядом других государств.

На примере Афганистана мы видим, что чуждые для страны институты представительной демократии, установленные в результате военного вторжения со стороны другого государства, не могут функционировать и развиваться без силового контроля территории со стороны экспортера политического режима. Безусловно, Афганистан переживает длительный политический кризис, одной из причин которого является вмешательство во внутреннюю политику со стороны внешних игроков. Президентские выборы с рекордно низкой явкой привели к потере легитимности главного политика в стране и политического режима в целом.

В Нигерии в 2023 г. президентские выборы проходили в условиях беспрецедентной эскалации насилия и высокой инфляции, усиливающей проблемы коррупции и бедности населения. Явка избирателей на президентских выборах в Нигерии составила 26,71%, снизившись по сравнению с предыдущими выборами на 8,0%. Новым президентом Нигерии был избран представитель правящей партии «Все прогрес-

сивный конгресс» 70-летний Ахмед Тинбу, который с 1999 по 2007 г. занимал должность губернатора крупнейшего штата Лагос. Нигерийцы не верят в эффективность борьбы с коррупцией и обеспечение безопасности существующей политической элитой, поэтому проявляют низкую политическую активность.

В ходе выборов многие нигерийские политики, члены избирательных комиссий и полицейские подвергались нападениям террористических группировок, желающих захватить власть в стране. Нигерия по численности населения и размеру ВВП занимает первое место в Африке, поэтому внутренняя политика в этой стране оказывает большое влияние на международные отношения и безопасность в Западной Африке. Власти Нигерии борются с последствиями экономического кризиса и мятежом террористов на северо-востоке страны, который привел к переселению 2 млн человек. В этих условиях было очень сложно провести выборы, затягивающие избирателей в конвенционный политический процесс.

Впервые организаторы выборов в Нигерии применили систему биометрической идентификации избирателей, являющуюся донором доверия к выборам. В масштабах всей страны в Нигерии были использованы электронные машины для биометрической идентификации избирателей на УИК (BVAS – Bimodal Voter Accreditation System). Чтобы принять участие в выборах, нигерийцам нужно было получить постоянную карту избирателя, на которой записаны его отпечатки пальца и фотография лица. Доступ к бумажным бюллетеням избирателю будет открыт только после проверки биометрии. Для 93,5 млн нигерийских избирателей работали 176 тыс. участков для голосования. На некоторых участках были задержки с голосованием из-за технических сбоев в работе машин, но в целом новая технология работала нормально.

Отдельно необходимо охарактеризовать последние выборы президента Украины, которые состоялись 21 апреля 2019 г. при явке избирателей на уровне 61%. Победу во втором туре выборов одержал В. А. Зеленский (73%), который значительно опередил действующего президента П. А. Порошенко (24%). Новый президент Украины 21 мая 2019 г. подписал указ о роспуске Верховной Рады Украины и назначил внеочередные парламентские выборы на 21 июля. На парламентских выборах победу одержала партия «Слуга народа», поддерживающая Зеленского.

Украина является примером государства, в котором президентские выборы всегда проходили со средней явкой на уровне 60%, которая снижалась с 1990-х гг., что было характерно для большинства постсоветских стран. Нельзя сказать, что легитимность избранного в 2019 г. президента была очень низкой. Однако внутривнутриполитическая поляризация общества на сторонников Запада и России привела к победе первых, вытеснивших из конвенционального политического процесса «русскую партию». В связи с этим значительная часть русскоязычных не принимала участия в последних президентских выборах, а те из них, кто голосовал за Зеленского, после выборов разочаровались в нем как в политике, не способном соблюсти баланс интересов украинцев и русских, а также других народов, проживающих на территории Украины.

В годы президентства Зеленского не были выполнены минские соглашения по возвращению Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в состав Украины на условиях широкой автономии и сохранения статуса русского языка как государственного. При поддержке США и их союзников власти Украины планировали вернуть военным путем Донбасс, Республику Крым и Севастополь. Реакцией властей России стало решение о проведении специальной военной операции. Как отметил Президент России В. В. Путин в своем обращении 24 февраля 2022 г., «цель специальной военной операции – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [7]. За 2022–2023 гг. территорию Украины покинули около 9 млн человек. Власти Украины отменили запланированные на 2024 г. президентские выборы, обосновывая это действием военного положения в стране.

Ключевыми факторами российской президентской избирательной кампании 2024 г. во внешнеполитическом контуре является нарастание конфликтного потенциала в международных отношениях, выраженного в проведении СВО России на Украине, антироссийской политике США и их союзников, а также попытках западных государств обеспечить информационный фон непризнания легитимности любых результатов выборов Президента России. Во

внутриполитическом контуре наблюдается консолидация правящих кругов и политических масс вокруг действующего главы государства В. В. Путина. Политическая оппозиция в России в ходе президентской избирательной кампании безуспешно стремилась предоставить альтернативные данные по явке избирателей на участках с целью ее занижения, сформировать общественное мнение о массовом характере нарушений на выборах, а также вывести протестные массы молодежи из социальных сетей на улицы и площади городов. Хотя, как отмечает Р. В. Парма, для цифровой среды России характерна высокая интенсивность информационного давления антипатриотического потока информации на аудиторию студенческой молодежи [8].

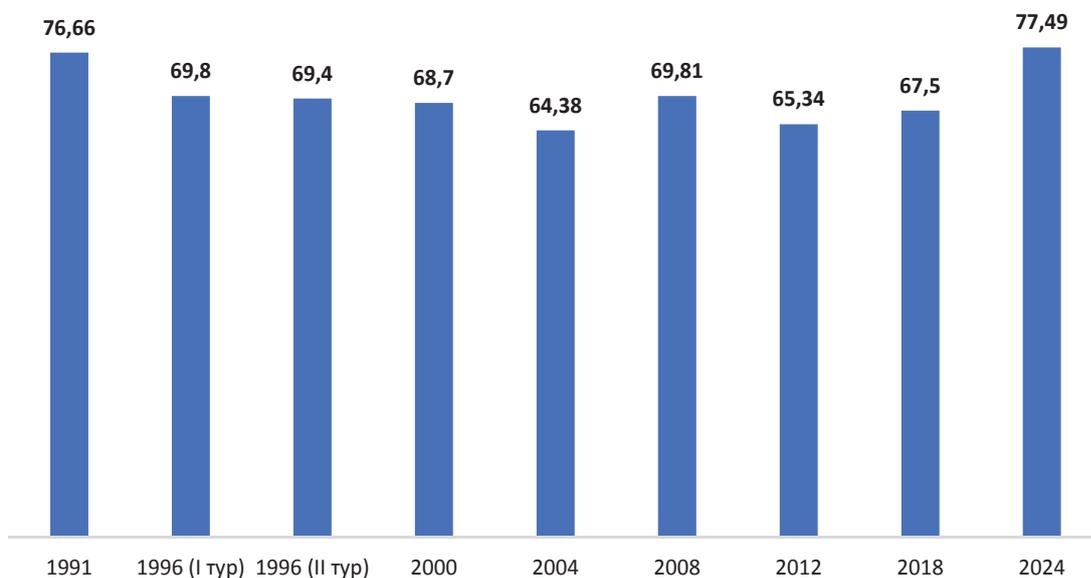
В России явка избирателей остается показателем интереса к выборам: чем выше явка, тем выше репрезентация политических интересов общества и легитимность выборов. Для России, как и для других государств накануне перехода на многодневное голосование и дистанционное электронное голосование (ДЭГ), актуальной проблемой являлось снижение явки избирателей на всех уровнях выборов. Во второй четверти XXI в. электоральная активность в России была ниже, чем в конце XX в. Тенденция к снижению явки наблюдалась и на президентских выборах. Так, за 1991–2012 гг. средняя явка была 69,15%, а в 2018 г. – 67,54%.

Как объяснить снижение электоральной активности в России? С одной стороны, снижение интереса к выборам и, как следствие, явки избирателей может быть отражением сложившейся асимметрии отношений государства и общества, выраженной в усилении власти государства в России. Это приводит к снижению политической конкуренции кандидатов и партий, а выборы при соблюдении норм закона частично теряют функцию обновления правящих кругов. В этой ситуации в сознании масс политические изменения через выборы как цивилизованный метод политической борьбы [9, с. 122] представляются невозможными из-за ограниченной политической конкуренции. С другой стороны, снижение электоральной активности можно объяснить трансформацией корпуса избирателей, среди которых становится больше экономически активных жителей городов с очень высоким темпом жизни, не проявляющих интерес к политике, а ориентированных на профессиональное обучение, работу и досуг. Параллельно с этим происходит естественное выветривание когорты пожилых избирателей, придерживающихся советской традиции

обязательного участия в выборах и склонных больше доверять парламенту, политическим партиям и государственному аппарату [10,

с. 139]. На основании данных, приведенных на рисунке, можно проследить динамику явки избирателей на выборах Президента России.

Явка избирателей на выборах Президента России в 1991–2024 гг., %

Высокая явка избирателей была отмечена на первых выборах Президента РСФСР, состоявшихся 12 июня 1991 г., – 76,66%. Такая активность избирателей была характерна для всех советских республик, которые переживали переломные моменты в истории и впервые выбирали руководителей независимых государств. Затем явка на главных выборах в России снижалась и стабилизировалась на уровне в 65,0–67,0%. В 2024 г. явка избирателей достигла 77,49%, а победитель выборов В. В. Путин получил 87,28% голосов избирателей, что произошло на фоне беспрецедентного внешнеполитического давления США и их союзников. Можно выделить три эффективных технологии, обеспечивающие гибкость сроков и форм голосования, которые в значительной степени повлияли на явку избирателей: многодневное голосование (15, 16, 17 марта); голосование по месту нахождения «Мобильный избиратель», заявления на которое подали 3,7 млн избирателей; ДЭГ, в котором приняли участие 8,2 млн избирателей, что составляет 9,5% в структуре явки. На федеральной платформе ДЭГ проголосовали 4,5 млн избирателей, а на московской платформе 3,7 млн избирателей. Нужно отметить, что президентские выборы 2024 г. в очередной раз продемонстрировали, что в России преобладает подданническая политическая культура, характеризующаяся высоким мобилизационным

потенциалом населения, поиском образцов развития и ориентацией общества на государство, что создает предпосылки для распространения конвенционального политического участия.

ДЭГ как сеть коммуникаций между государством и обществом по вопросам обмена информацией о политических предпочтениях на выборах [11] является эффективной технологией политического участия. Широкая география проведения ДЭГ на выборах Президента России в 29 регионах обеспечивает прирост электронной активности, презентацию реально сложившихся политических ориентаций избирателей и легитимность результатов выборов. Как отмечает Н. А. Баранов, у новых технологий на выборах есть потенциал для завоевания доверия общества по мере признания избирателями их достоинств, приобретения цифровой грамотности населением, а также решения технических проблем [12, с. 443].

Автор данной статьи не склонен рисовать футурологическую картину развития электронного голосования, однако новации в политический процесс проникают так стремительно, что лет через 20 наши сегодняшние размышления специалистами, скорее всего, будут восприниматься со снисходительной улыбкой. Можно пожелать одного – чтобы это будущее скорее наступило.

Таким образом, на основе анализа электронной статистики президентских выборов в

20 наиболее крупных по числу избирателей государствах можно прийти к трем выводам.

Во-первых, высокая электоральная активность в странах с преобладанием подданической и патриархальной политических культур даже при условии отсутствия реальной конкуренции кандидатов, но при широком общественном признании существующего политического режима обеспечивает легитимность выборов. К примеру, при высокой явке избирателей на президентских выборах в Беларуси и Узбекистане политическая конкуренция была минимальной, но политические режимы сохранились. В странах, где более широкое распространение получила политическая культура участия, высокая явка является следствием интереса к выборам, а не результатом мобилизации электората со стороны политического режима. В качестве примера могут выступать Турция и Франция, где последние президентские выборы прошли в два тура с очень высокой явкой и острой конкуренцией двух наиболее популярных кандидатов.

Во-вторых, низкая электоральная активность на президентских выборах, когда абсентеистов больше, чем избирателей, является предпосылкой к последующему политическому кризису и демонтажу политического режима. Примерами могут служить выборы в Афганистане, Нигерии, отчасти Украине, после которых в этих странах периоды политического кризиса, массовых забастовок и общественной аномии сменяли периоды относительного спокойствия, продолжавшиеся недолго. В целом политический процесс в этих государствах стал более турбулентным, а эффективность действующего политического режима ставится под сомнение широкими слоями общества.

В-третьих, приемлемый уровень явки избирателей на президентских выборах, который может выступать индикатором их легитимности, составляет около 66%. В таком случае обеспечивается квалифицированное большинство избирателей, а значит, победитель выборов избран в условиях высокой электоральной активности. Однако для признания выборов легитимными они должны проходить в условиях конкуренции кандидатов и широком общественном доверии к их результатам.

Список литературы

1. Митин Г. Н. Легитимность и легальность: Актуальные вопросы избирательного права в практике выборов Президента России. М. : Ленанд, 2022. 146 с.
2. Мельвиль А. Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. 272 с.
3. Мельвиль А. Ю., Миронюк М. Г. «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 41–61. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04>
4. Мельвиль А. Ю., Мальгин А. В., Миронюк М. Г., Стукал Д. К. «Политический атлас современного мира 2.0»: к постановке исследовательской задачи // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 72–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06>
5. Ахременко А. С., Петров А. П. Гнев, идентичность или вера в успех? Динамика мотивации и участия в белорусских протестах 2020 года // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 138–153. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.10>
6. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // ФСБ России. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 20.01.2024).
7. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 24.01.2024).
8. Парма Р. В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 44–67. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67>
9. Жданов А. И., Коротаев А. В. Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа // Социология власти. 2022. Т. 34, № 3–4. С. 102–127. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-102-127>
10. Коротаев А. В., Новиков К. Е., Шульгин С. Г. Ценности пожилых в стареющем мире // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 114–142. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-114-142>, EDN: PGPSLB
11. Федоров В. И. Электронное голосование как сеть коммуникаций между государством и обществом // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru, <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1208>
12. Баранов Н. А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 433–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>

Поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 208–214

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 208–214

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-208-214>, EDN: AWBORH

Научная статья
УДК 327

Трансформация Концепции «Один пояс – один путь» (2013–2023 гг.): хронологический подход

М. В. Лапенко¹, Ал. С. Науменко¹✉, Ан. С. Науменко²

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Воронежский государственный университет, Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, lapenko-mv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1946-5521>

Науменко Алина Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры сравнительной политологии, naumenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4461-4728>

Науменко Антон Сергеевич, студент факультета международных отношений, anton1103837@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1434-3979>

Аннотация. Инициатива Китайской Народной Республики «Один пояс – один путь» (“One Belt – One Road”) достаточно полно проанализирована в исследовательской литературе. Однако до настоящего времени в российской историографии не была представлена полная хронология данной Инициативы. В статье авторы анализируют трансформацию Концепции «Один пояс – один путь», используя хронологический подход. Также в статье применены системный подход, анализ текущей ситуации, метод ситуационного анализа. Исследуется развитие Инициативы, нормативно-правовая база, а также проводимые Китаем регулярные международные форумы «Пояс и путь». Кроме того, отдельное внимание в статье уделяется российско-китайским отношениям, поскольку они становятся частью реализации проекта. Отмечены также вызовы и перспективные направления Инициативы. Авторы приходят к выводу, о том, что Концепцию можно рассматривать как глобальный геополитический проект, она имеет достаточный потенциал для развития в Евразийском регионе, а также может стать частью многополярного миропорядка.

Ключевые слова: Концепция «Один пояс-один путь», Россия, Китай, торгово-экономические отношения

Для цитирования: Лапенко М. В., Науменко Ал. С., Науменко Ан. С. Трансформация Концепции «Один пояс – один путь» (2013–2023 гг.): хронологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 208–214. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-208-214>, EDN: AWBORH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Transformation of the “One Belt – One Road” Concept (2013–2023): A chronological approach

М. В. Lapenko¹, Al. S. Naumenko¹✉, An. S. Naumenko²

¹Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

²Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Marina V. Lapenko, lapenko-mv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1946-5521>

Alina S. Naumenko, naumenko-as@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4461-4728>

Anton S. Naumenko, anton1103837@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1434-3979>

Abstract. The People's Republic of China's “One Belt – One Road” initiative has been rather fully analyzed in the research literature. However, until now, the full chronology of this Initiative has not been presented in Russian historiography. In the article, the authors analyze transformation of the “One Belt – One Road” Concept using a chronological approach. The article also uses a systematic approach, analysis of the current situation, and the method of situational analysis. The development of the Initiative, the regulatory framework, as well as the regular international Belt and Road forums held by China are examined. In addition, the article pays special attention to Russian-Chinese relations, since they become part of the implementation of the project. Special attention is paid to the challenges and promising areas of the Initiative. The authors come to the conclusion that the Concept can be considered as a global geopolitical project; it has sufficient potential for development in the Eurasian region, and can also become a part of a multipolar world order.

Keywords: “One Belt – One Road” Concept, Russia, China, trade and economic relations

For citation: Lapenko M. V., Naumenko Al. S., Naumenko An. S. Transformation of the “One Belt – One Road” Concept (2013–2023): A chronological approach. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 208–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-208-214>, EDN: AWBORH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Китайская Народная Республика провозгласила Концепцию «Один пояс – один путь» как подход к мирному развитию, который можно адаптировать к реальным потребностям стран, присоединяющихся к Инициативе, а не навязывать им путь развития Китая. Инициатива ориентирована на создание трансграничных транспортных, энергетических и экономических коридоров для развития и интеграции регионов Евразии и Африки. Основная идея Концепции заключается в повышении торгового и инвестиционного потенциала стран, расположенных на региональных маршрутах, и развитии их экономики.

Россия является одним из участников проекта, однако в государстве поначалу были некоторые опасения относительно внедрения «Пояса и пути». В частности, Инициатива будет выгодна только Китаю, а также у России нет отдельной Стратегии в рамках Концепции. Изменения произошли после предложенной идеи Президента России В. В. Путина «Большого Евразийского партнёрства», направленной на углубление экономических отношений в регионе. За 10 лет с момента начала реализации Инициативы произошло укрепление торговых и культурных отношений в Азии. Для того чтобы исследовать трансформацию Инициативы за обозначенный период, рассмотрим три этапа развития Концепции: с 2013 г. по 2016 г. (начальный этап), с 2017 по 2019 г. (этап эволюции и развития) и с 2020 по 2023 г. (этап устойчивого развития и роста).

Периодизация Инициативы начинается с 2013 г., когда Председатель Китая Си Цзиньпин предложил построить «Экономический пояс Шёлкового пути» (сухопутная часть проекта: во-первых, через Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан; во-вторых, через Иран, Турцию, Саудовскую Аравию, Сирию, Ирак; в-третьих – Грузию, Армению, Азербайджан, Беларусь, Украину, Молдову; в-четвёртых – Россию; в-пятых – Афганистан, Пакистан, Индию) и «Морской Шёлковый путь XXI века» (перевозка товаров по морю: во-первых, через Южно-Китайское море и Индийский океан; во-вторых, через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана) – Концепцию «Один пояс – один путь», итоговой целью которой должно было стать развитие национальных экономик государств-участников [1, с. 303].

Эта идея стала основой для глобальной геополитической стратегии, принятой для инвестирования более чем в 70 государствах и международных структурах. Предполагалось, что Инициатива будет реализовываться посредством консультаций, совместной работы и взаимной выгоды, а также интеграции стратегий развития государств-участников. Кроме этого, «Один пояс – один путь» предполагает содействие свободному потоку экономических факторов, а также распределению ресурсов. По мнению министра иностранных дел Китая Ван И, создание Концепции направлено на «придание мощного импульса укреплению открытой экономической картины и оживлению мировой экономики» [2]. В свою очередь, генеральный директор АО «УК Спутник – Управление капиталом» А. Лосев считает, что в планах Китая реализовать модель управления мировой экономики и стать центральной фигурой этой модели [3].

Отметим, что 2014 г. ознаменовался созданием Фонда Шёлкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (финансирование Концепции с помощью создания финансовых институтов), подписанием Соглашения о сотрудничестве со странами вдоль маршрута. Стоит указать, что Китай – главный инвестор всех направлений концепции, принимает участие в создании судов, танкеров-газовозов, промышленного оборудования по добыче энергоресурсов [4, с. 145]. Также отметим, что одно из первых упоминаний китайской инициативы в области дипломатии датируется 2014 г., когда Председатель Китая Си Цзиньпин проводил переговоры с ключевыми партнёрами в регионе, в частности с Президентом России В. В. Путиным во время Зимних Олимпийских игр в Сочи [5]. Заслуживает внимание тот факт, что во время переговоров между китайским лидером и Президентом Чехии М. Зейманом [6], а также между китайским лидером и Президентом Греции К. Папульясом [7] Концепция «Один пояс – один пояс» озвучена не была.

Кроме этого, в 2015 г. В. В. Путин выдвинул идею о «сосуществовании и взаимодополняемости» [8, с. 75; 9, с. 99]. Стоит также указать, что в Европе впервые о Концепции упоминали в 2015 г [10]. Также нужно отметить, что в 2016 г. Си Цзиньпин выдвинул идею строительства «Шёлкового пути здоровья» (сотрудничество в сфере медицины) [8, с. 76]. К концу года

были подписаны соглашения по 15 проектам на сумму 6 млрд долл. Также был принят «План действий в сфере образования» [11, с. 5], нацеленный на укрепление двусторонних отношений в сфере образования, профориентационной работе и подготовке молодежи, на создание механизмов для реализации совместных международных проектов).

Таким образом, в начальный период, с 2013 по 2016 г., основной акцент в развитии Концепции был сделан на улучшение инфраструктуры, особенно в области транспортных связей. Китай стремился создать новые трансграничные коридоры для облегчения торговли и экономического сотрудничества с различными регионами мира. В этот период было подписано множество соглашений о строительстве железных дорог, портов, аэропортов и другой инфраструктуры.

В рамках второго этапа начиная с 2017 г. было добавлено ещё одно направление «Шёлкового пути» – «Арктический маршрут». Были подготовлены документы по разработке «Ледового Шёлкового пути» – Концепция сотрудничества на море в рамках Инициативы «Один пояс – один путь» [12], которая призвана создать «Морской Шёлковый путь XXI века». Кроме этого, в Китае была издана «Белая книга» [13], где впервые страна названа «околоарктической».

Отметим, что в 2017 г. на долю стран-участниц Инициативы пришлось почти 40% мирового экспорта товаров [14]. Помимо этого, состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании со Всемирной организацией здравоохранения, после чего в обязанности Китая стали входить улучшение состояния медицины в государствах-участниках Концепции (например, в рамках акции «Светлый путь» были бесплатно прооперированы 450 человек), а также появление «Цифрового шёлкового пути», включающее электронную коммерцию, интернет-банкинг, высокотехнологичные разработки, строительство «умных» городов. Кроме этого, пандемия COVID-19 подтвердила прочность Концепции, в это время было ускорено внедрение практики электронных платежей. Концепция впервые появилась в резолюции Организации Объединённых Наций. Также в 2017 г. состоялся Первый Международный форум «Один пояс, один путь», впоследствии став важной площадкой для международного сотрудничества. К форуму был издан новый документ – «Совместное строительство Одного пояса – одного пути: идея, практика и вклад Китая» [15], явившегося потенциалом для дальнейшего взаимодействия Китая со странами в рамках Концепции.

Необходимо указать, что 2018 г. ознаменовался подписанием Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем [16], где был сделан упор на транспортную сферу с учётом интересов всех государств, а также создавался Альянс научно-исследовательских институтов «Один пояс и один путь».

Также данный этап Инициативы охарактеризован, прежде всего, тем, что она стала частью внутренней и внешней политики Китая. В течение 2019 г. подписано 16 меморандумов о взаимопонимании по строительству Цифрового шёлкового пути. Затраты Китая на реализацию Концепции составили 545 млрд долл. (15 млрд долл. – транспортно-логистическая сфера) [17]. Год также ознаменовался Вторым Международным форумом «Один пояс, один путь» (проводится раз в два года), собравшим более 150 государств и международных организаций.

Итак, с 2017 по 2019 г. Концепция «Один пояс – один путь» начала эволюционировать в направлении развития торгово-экономического сотрудничества. Китай активно стремился расширить торговлю, инвестиции и экономическую интеграцию с участвующими странами. Были проведены многочисленные форумы и выставки для стимулирования деловых контактов и укрепления взаимодействия между предпринимателями.

Третий этап, начавшийся в 2020 г., отмечен проведением годов культурных мероприятий, туристических фестивалей, фестивалей искусства, семинаров, мероприятий по молодёжному обмену; созданием и продвижением кино- и телеработ. Несмотря на пандемию COVID-19, обмен мнениями продолжился в режиме онлайн [18, с. 107]. Следует отметить, что, по мнению основателя и президента Французской обсерватории Нового Шёлкового пути А. Мюнье, взаимодействие разных стран и народов способствует не только глобальному экономическому развитию, но и взаимопониманию между разными народами и культурами [19].

Кроме того, в течение 2021 г. объём торговли Китая превысил 6 трлн долл. (в число крупнейших торговых партнёров вошли АСЕАН (выросла торговля на 19,7%), ЕС (рост на 19,1%), США (на 20,2%), Япония (на 9,4%), Южная Корея (рост на 18,4%) [19]. А для продвижения Инициативы в 2022 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве со 149 государствами и 32 международными структурами [20, с. 208]. Стоит указать, что концепции и предложения Инициативы по сотрудничеству были включены в важные ито-

говые документы ООН, Большой двадцатки и АТЭС, став международным консенсусом.

Немаловажным является то, что в 2023 г. были подписаны более 200 соглашений о сотрудничестве со 151 государством и 32 международными организациями [21] (к примеру, в июне подписано Соглашение о кооперации в продвижении строительства «Один пояс – один путь» с Аргентиной). Отметим, что в Инициативе принимают участие 78% членов ООН, а инвестиции за 10 лет существования Концепции превысили триллионы долларов. Также Китай выпустил Белую книгу «Совместное строительство “Пояса и пути”: важная практика формирования сообщества единой судьбы человечества» [22], которая позволит углубить понимание ценности Концепции и развивать высококачественное сотрудничество.

В последний период, с 2020 по 2023 г., Инициатива «Один пояс – один путь» сфокусировалась на устойчивом развитии и зелёном росте. Китай признал необходимость сотрудничества в борьбе с изменением климата и экологическими проблемами. Поэтому была предпринята попытка интегрировать экологические вопросы и зелёные решения в развитие проектов, связанных с Инициативой.

Таким образом, в период с 2013 по 2023 г. Концепция «Один пояс – один путь» претерпела значительный прогресс. Множество инфраструктурных проектов были реализованы или находятся в разработке, торговля и экономическое сотрудничество между странами значительно увеличились, а устойчивое развитие стало одним из приоритетов. Однако следует отметить, что Концепция «Один пояс – один путь» по-прежнему вызывает определённые вопросы и вызовы. Некоторые страны опасаются неравной экономической позиции и долговой зависимости, связанных с этой Инициативой. Кроме того, сохранение прозрачности и соблюдение стандартов в процессе реализации проектов остаются важными аспектами, требующими внимания и усилий.

Что касается российско-китайских отношений в рамках данной Концепции, то следует отметить Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути [23], в котором стороны заявляют о расширении торгово-инвестиционной кооперации, создании механизмов в сфере торговли, реализации проектов, укреплении взаимодействия в рам-

ках финансовых институтов (Фонд Шёлкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Межбанковское объединение ШОС), продвижении сотрудничества на полях многосторонних и региональных структур. Считаем, что Инициатива «Один пояс – один путь» стала положительным аспектом в российско-китайских отношениях, выводя показатели в торговом сотрудничестве на новый уровень. Также Концепция продвигает интересы Китая не только в регионе, но и за его пределами.

По словам Президента России, страны ЕАЭС в рамках Концепции инвестировали 24 млрд долл. Согласно прогнозам Всемирного банка, «Один пояс – один путь» создаст 420 тыс. рабочих мест к 2030 г. [24]. Выступая в рамках Международного дискуссионного клуба «Валдай» в начале октября 2023 г. [25], В. В. Путин отметил, что российско-китайские отношения являются важным фактором, стабилизирующим современные международные отношения. Было отмечено, что в экономическом плане Китай находится на высоком уровне. В планах России и в дальнейшем укреплять отношения в области безопасности и гуманитарной сфере, реализовывать общие проекты в инфраструктурном плане, связанные в первую очередь с Большой Евразией, ЕАЭС, Инициативой «Пояс и путь».

В октябре 2023 г. в Китае состоялся Третий Международный форум «Один пояс – один путь», в котором принял участие Президент России В. В. Путин. Ожиданиями от форума стали углубление взаимовыгодных отношений, общее развитие и процветание, а также российско-китайские переговоры на высшем уровне. Можно отметить, что сама Концепция является некой синергией сотрудничества России и Китая. По словам В. В. Путина, Концепция распространяется почти на весь мир, а евразийское партнёрство является «абсолютным приоритетом» для России. Анализируя двусторонние отношения, необходимо указать, что на полях Форума прошли двусторонние переговоры Си Цзиньпина и В. В. Путина, а также встреча один на один [26].

В рамках форума была анонсирована новая программа «Пояса и пути» – «Новый сухопутный зерновой коридор», которая будет нацелена на нормализацию экспорта в рамках Концепции. Также было впервые заявлено об экологическом развитии (реализации экологически чистых проектов международного сотрудничества) [27]. В итоге Форум стал событием геополитического масштаба, в котором приняли уча-

стие представители более чем 140 государств. Развитие Концепции «Один пояс – один путь» окажет прямое влияние на растущую российскую инфраструктуру, в том числе на развитие Транссибирской магистрали, Байкало-Амурской магистрали, Северного морского пути, железнодорожных линий Север – Юг, сети железных дорог и автомобильных дорог.

Согласно мнению российских экспертов, сотрудников Санкт-Петербургского университета В. Н. Конышева, М. Л. Лагутиной, со стороны США Китай сталкивается с попытками ограничения его влияния во многих странах мира [28, с. 61]. Кроме того, Инициатива направлена на продвижение китайских интересов в сфере экономики, а также для стабильности в Евразийском регионе. Российские и китайские эксперты дают прогнозы, один из которых тот, что трансформация России из «моста» между Востоком и Западом в «евразийское ядро» формируют «новую международную систему координат», глобальную и региональную повестку [29, с. 82].

По словам китайского исследователя Ма Лян, проект является стимулом для интеграции азиатской региональной экономики в мировую экономику [30, с. 99]. По мнению Си Цзиньпина, Концепция рассчитана на усиление политического согласования и торговых связей, активизацию строительства дорожной сети, реформы валютных потоков, продвижение идей среди населения [2]. В рамках «Одного пояса – одного пути» происходит совместное строительство шести экономических коридоров: Новый евроазиатский континентальный мост, Экономический коридор Китай – Монголия – Россия, Экономический коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Экономический коридор Китай – Индокитай, Экономический коридор Китай – Пакистан, Экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Таким образом, Концепция способствует восстановлению мировой экономики посредством стабилизации торговых отношений между государствами, а также является основанием для экономического сотрудничества. Следствием Инициативы «Один пояс – один путь» явилась негативная реакция стран коллективного Запада, выразившаяся в экономической инициативе стран G7 «Восстановить мир лучше прежнего» [31, с. 50] (страны от Латинской Америки и Карибского бассейна до Африки и Индо-Тихоокеанского региона) и Плана по мобилизации государственных и частных средств для финансирования инфраструктурных проектов ЕС за рубежом в рамках расширенного Европейского фон-

да устойчивого развития. На международном уровне успех Концепции связан с геополитическим соперничеством Китая с США и Японией. Соответственно, данные проекты используются странами коллективного Запада как противодействие Концепции «Один пояс – один путь».

Результат этой важной Инициативы – создание благоприятной среды экономической интеграции между регионами на основе формирования транспортно-логистического и производственного механизмов при помощи роста инвестиций в инфраструктуру. Можно отметить, что конфликта интересов между данной Концепцией и Инициативой «Большого Евразийского партнёрства» не существует. Однако наряду с этим Китай является прямым конкурентом и в некоторой степени угрозой для России. Данный проект будет развиваться, являясь одним из приоритетов, но Россия будет адаптировать его под свои интересы, включать данную Концепцию в проект «Большого Евразийского партнёрства», использовать для реализации своих собственных национальных интересов.

Отдельно стоит выделить интересы России в Инициативе. Во-первых, Россия принимает участие в проекте для усиления своего влияния не только на региональном, но и на глобальном уровне; во-вторых, нацелена на получение доступа к новым рынкам, а также на привлечение иностранных инвесторов в российскую экономику. В-третьих, задачами России являются минимизирование, а в идеале – предотвращение влияния стран коллективного Запада во главе с США на своих соседей и партнёров. В-четвёртых, российское участие в Инициативе может создать перспективы для развития энергетической инфраструктуры. Таким образом, благодаря данному проекту Россия нацелена достичь свои интересы и закрепить позицию на мировой арене.

Необходимо указать, что Концепция «Один пояс – один путь» сталкивается с вызовами на своём пути развития и трансформации.

1. Геополитические и экономические противоречия. Инициатива вызывает опасения некоторых стран и регионов, которые считают, что китайский коммунистический режим может использовать ее для расширения своего влияния и достижения геополитических целей.

2. Финансовая устойчивость. Реализация большого количества инфраструктурных проектов в рамках Концепции требует огромных инвестиций со стороны Китая. Важно, чтобы участвующие страны провели тщательное финансовое планирование и управление рисками

при привлечении китайского финансирования. Необходимо оценить степень устойчивости государственных долгов и предусмотреть механизмы для предотвращения потенциальных проблем, связанных с неплатежеспособностью или экономической зависимостью.

3. Культурные различия и языковые барьеры. Концепция включает в себя большое количество стран с разными языками, культурами и традициями. Это может создавать трудности во взаимопонимании и сотрудничестве между различными участниками. Непонимание местных норм и ценностей может породить трудности при реализации проектов с участием китайских компаний и работников. Необходимо усилить межкультурное обучение и обмен между странами, чтобы способствовать пониманию и уважению местных культур и обычаев. Установление партнёрских отношений и участие местных сообществ в проектах также способствуют социальной интеграции и лучшему осуществлению плюсовых моментов.

4. Экологические риски. Разработка участков побережья, добыча ресурсов и интенсивная эксплуатация природных ресурсов могут привести к разрушению экосистем, загрязнению воды и воздуха, а также к климатическим переменам. Китай может активно поддерживать проекты с использованием экологически чистых технологий, внедрять меры энергоэффективности и обеспечивать контроль над загрязнением во время реализации проектов.

5. Борьба с коррупцией и недобросовестными практиками. Масштабные инфраструктурные проекты открывают возможности для коррупции и недобросовестных практик, что может негативно сказаться на доверии к проектам, а также на экономической эффективности реализации Инициативы. Разработка устойчивых стратегий, запрос и участие всех заинтересованных сторон, а также привлечение экспертов и международного сообщества могут способствовать успешному развитию этой инициативы. Государства-участники могут сотрудничать для укрепления прозрачности и борьбы с коррупцией в рамках «Одного пояса – одного пути». Регулярные проверки и аудиты проектов, соблюдение международных стандартов и этических принципов помогут повысить доверие и увеличить эффективность реализации Инициативы.

Таким образом, Инициатива «Один пояс – один путь» может преодолеть множество вызовов, если будут приняты эти меры и учтены особенности разных стран и регионов. Работа над сотрудничеством, диалогом и понима-

нием поможет укрепить позитивные аспекты этой инициативы и достичь взаимовыгодного развития. В любом случае Концепция «Один пояс – один путь» является значимым геополитическим проектом, который уже оказывает влияние на развитие региональных и международных отношений. Её дальнейшее развитие и реализация будут зависеть от взаимодействия и сотрудничества участвующих стран и учёта интересов всех сторон.

В целом, «Один пояс – один путь» можно ассоциировать с многополярным миропорядком, где взаимодействуют более чем 150 государств и 40 международных структур. В условиях изменений в системе международных отношений Китай сталкивается с новыми проблемами и вызовами, что побуждает государство продолжать развивать Концепцию, а также преумножать Инициативы для построения нового справедливого, гармоничного миропорядка и конструктивных отношений в Евразийском регионе.

Список литературы

1. Ло Л. Китайские политологи о реализации проекта «Один пояс – один путь» // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 300–305. EDN: QBPVKT
2. News // The State Council the People's Republic of China. URL: <http://english.www.gov.cn/news/> (дата обращения: 19.10.2023).
3. Лосев А. С помощью проекта «Пояса и пути» Китай выстраивает вокруг себя новый экономический порядок // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/01/18/624396-poyasa-puti-kitai-ekonomicheskii-poryadok> (дата обращения: 19.10.2023).
4. Тойменцева И. А., Федоренко Р. В. Перспективы развития транспортно-логистической инфраструктуры Северного Морского пути в рамках программы «Один пояс, один путь» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2023. Т. 2, № 1 (51). С. 140–149. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2023_2_1_140, EDN: RNRJRE
5. Xi Jinping Meets with Russian President Vladimir Putin // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/sqdah/t1127299.shtml (дата обращения: 14.12.2023).
6. Xi Jinping Meets with President Milos Zeman of Czech Republic // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/sqdah/t1127363.shtml (дата обращения: 14.12.2023).
7. Xi Jinping Meets with President Karolos Papoulias of Greece // Ministry of Foreign Affairs of People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/sqdah/t1127362.shtml (дата обращения: 14.12.2023).

8. Чернова А. Ф. «Один пояс, один путь»: новые возможности развития // Общество: философия, история, культура. 2021. № 3 (83). С. 74–77. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.3.14>, EDN: YUITOP
9. Пак Е. В. Участие КНР в инфраструктурном строительстве на территории России и Казахстана. Инициатива «Один пояс, один путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 1. С. 93–105. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-1-93-105>, EDN: JGVYAW
10. Проди Дж., Фарделла Э. «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу / Валдайская записка № 82. М. : Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018. 12 с.
11. Хышиктуев О. В., Южикова Е. А. Российско-китайское сотрудничество в сфере науки и образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Власть и общество. 2020. № 11 (20). С. 4–7. <https://doi.org/10.32743/2658-4077.2020.11.20.405>, EDN: ZYRFTO
12. Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Официальный сайт инициативы «Один пояс, один путь». URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydlglw/201706/201706200155054.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Арктическая политика Китая // Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/zcfg/45994.htm> (дата обращения: 15.10.2023).
14. Экономика Одного пояса, одного пути: Возможности и риски транспортных коридоров // World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/ba5f1e50-b511-58b5-a7fd-8ea29a12e1c0/content> (дата обращения: 20.10.2023).
15. Совместное строительство Одного пояса – одного пути: идея, практика и вклад Китая // Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса – одного пути». URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydlglw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).
16. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года (вступило в силу 25 октября 2019 года) // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023> (дата обращения: 17.10.2023).
17. The Belt and Road After COVID-19 // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2020/04/the-belt-and-road-after-covid-19/> (дата обращения: 17.10.2022).
18. Науменко А. С. Особенности развития современных российско-китайских отношений // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 106–110. EDN: BLCGOK
19. BRI drives global development // Beijing Review. URL: https://www.bjreview.com/World/202210/t20221011_800308874.html (дата обращения: 15.10.2023).
20. Секачева А. Н. Внутренние и внешние причины выдвигания Китаем инициативы «Один пояс – один путь» // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 2. С. 204–212. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-204-212>, EDN: YQTEIK
21. Шаочунь Ц. Инициатива «Один пояс, один путь» расширяет путь к глобальному развитию // Областная газета. URL: <https://oblgazeta.ru/infrastructure-and-construction/logistics/2023/09/17532/> (дата обращения: 17.10.2023).
22. Китай опубликовал Белую книгу о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути» // Портал «Один пояс, один путь». URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/szn/yw/332649.htm> (дата обращения: 18.10.2023).
23. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 15.10.2023).
24. «Один пояс – один путь»: что нужно знать о проекте // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836?ysclid=lsxb7druuu232409591> (дата обращения: 20.10.2023).
25. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444/videos> (дата обращения: 17.10.2023).
26. События // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news> (дата обращения: 17.10.2023).
27. Russia and China sign largest contract for grain supply // TASS Russian News Agency. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news> (дата обращения: 18.10.2023).
28. Коньшев В. Н., Лагутина М. Л. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? // Евразийские исследования. 2016. № 11. С. 57–67.
29. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М. : Научный эксперт, 2016. 130 с.
30. Лян М. Размышления о развитии китайской экономики в условиях реализации «Одного пояса и одного пути» // Сюэ лилунь. 2016. № 2. С. 99–100.
31. Сазонов С. Л., Ильинская И. Д. О некоторых аспектах китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 47–55. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-4-47-55>, EDN: PGPSZX

Поступила в редакцию 16.12.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 16.12.2023; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 215–222

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 215–222

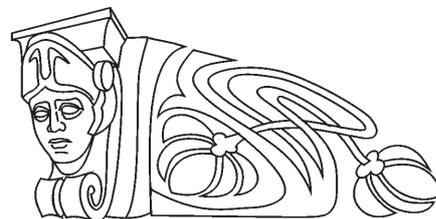
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC

Научная статья

УДК 327.83

Диаспоральная дипломатия как элемент политики «мягкой силы» России, практика города Москвы

М. Б. Алборова , М. И. Савченкова

Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, Россия, 107045, г. Москва, ул. Сретенка, д. 28

Алборова Марианна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, alborova2205@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4669-4234>

Савченкова Мария Игоревна, студент, savchenkova.maria@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9626-6108>

Аннотация. В статье исследуется феномен диаспоральной дипломатии России как инструмента «мягкой силы» на примере практики города Москвы. Научно-практическая значимость выбранной темы заключается в осмыслении влияния отечественного подхода взаимодействия с соотечественниками на специфику и динамику формирования привлекательного имиджа государства. Научная новизна работы заключается в том, что она посвящена не исследованному ранее кейсу диаспоральной дипломатии на субгосударственном уровне. Авторами изучаются особенности работы с диаспорой во внешней политике России; проанализированы две основополагающие категории диалоговой деятельности: во-первых, партнерское сотрудничество с соотечественниками, во-вторых, программы переселения экспатриантов. Сквозь призму теоретического и практико-политического анализа в статье определены основные направления по активизации работы с российской диаспорой на федеральном и региональном уровнях. Сформулированные авторами практические рекомендации, основанные на положительном опыте города Москвы, могут быть использованы для оптимизации подходов к взаимодействию с соотечественниками во внешней политике не только России, но и других государств или субгосударственных акторов.

Ключевые слова: соотечественники, «мягкая сила», публичная дипломатия, диаспоральная дипломатия, Русский мир

Для цитирования: Алборова М. Б., Савченкова М. И. Диаспоральная дипломатия как элемент политики «мягкой силы» России, практика города Москвы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 215–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Diaspora diplomacy as a component of Russia's "soft power" policy, practice of Moscow

M. B. Alborova , M. I. Savchenkova

Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, 28 Sretenka St., Moscow 107045, Russia

Marianna B. Alborova, alborova2205@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4669-4234>

Maria I. Savchenkova, savchenkova.maria@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9626-6108>

Abstract. The article studies phenomenon of diaspora diplomacy of Russia as an instrument of "soft power" on the example of the practice of the city of Moscow. Scientific and practical significance of the chosen issue lies in the comprehension of the influence of domestic approach of interaction with compatriots on the specifics and dynamics of the formation of an attractive image of the state. Scholarly novelty of the article lies in the fact that it is devoted to the case of diaspora diplomacy at the sub-state level, which has not been studied before. The authors study peculiarities of working with diasporas in Russia's foreign policy; two fundamental categories of dialogue activities are analyzed: firstly, partnership cooperation with compatriots, and secondly, expatriate resettlement programs. Through the prism of theoretical and practical-political analysis, the article identifies main directions for intensifying work with the Russian diaspora at the federal and regional levels. Practical recommendations formulated by the authors, based on the positive experience of the city of Moscow, can be used to optimize approaches to cooperation with compatriots not only in Russia's foreign policy, but also in other states or sub-state actors.

Keywords: compatriots, "soft power", public diplomacy, diaspora diplomacy, Russian world

For citation: Alborova M. B., Savchenkova M. I. Diaspora diplomacy as a component of Russia's "soft power" policy, practice of Moscow. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 215–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Динамика современных международных отношений складывается в условиях ряда трендов, одним из которых является активная аппликация государствами инструментов «мягкой силы» в своем внешнеполитическом арсенале. Обусловлена такая практика взаимозависимостью успеха политических инициатив и мнения зарубежной аудитории. В этом контексте представляется логичным, что ведущие акторы мировой политики уделяют значительное внимание улучшению своего международного имиджа и повышению привлекательности с помощью «мягкосилового» влияния.

Сущностная характеристика концепции «мягкой силы» предполагает достижение государственных интересов посредством привлекательности и характеризуется использованием различных инструментов, в том числе публичной дипломатии. Как утверждает автор концепции Дж. Най, к трем системообразующим ресурсам «мягкосилового» влияния относятся культура, политические ценности и внешнеполитический курс, однако представители современных научных кругов к этому списку добавляют также науку, спорт, экономическую привлекательность, инновации и др. [1, с. 6]. Среди прочих компонентов числится зарубежная диаспора государства, представители которой способны оказывать непосредственное влияние на иностранную аудиторию, являясь так называемыми народными посланниками [2].

«Мягкая сила» диаспоры: теоретические аспекты

Диаспоральная дипломатия в исследовательском дискурсе понимается как подвид публичной дипломатии. Ее особенность заключается в поддержке своей диаспоры – части народа или общности, находящейся в различных частях мира вне страны своего происхождения. По логике государства, которое продвигает такую политику, представители диаспоры оказывают культурное, политическое и экономическое влияние на гражданское общество страны-пребывания [3]. Существенное различие между диаспорами и прочими субъектами публичной дипломатии заключается в том, что повседневное существование диаспор само по себе является актом публичной дипломатии [4]. В результате представители диаспоры, в случае интегрированности в гражданское общество страны-пребывания, являются проводниками «мягкой силы» своей исторической родины [5].

Традиционно работа с соотечественниками происходит по линии G2P, где G – правительство (*government*) исторической родины,

P – зарубежное общество (*people*), на которое оказывается влияние, а соотечественники являются медиаторами или агентами влияния. Однако растущий тренд на популяризацию общественной дипломатии коснулся и взаимодействия с соотечественниками. В связи с этим распространился концепт P2P, где P – гражданское общество государства-донора и P – коллектив государства-реципиента. Многие некоммерческие организации вне линии правительства формируют партнерские связи с экспатриантами и соотечественниками для взаимовыгодных предложений в широком спектре вопросов: бизнес, культура, инновации и др. Грамотно выстроенная диаспоральная дипломатия по обеим линиям позволяет трансформировать соотечественников в хедлайнеров общественного мнения, тем самым делая их одним из слагаемых общей суммы в виде построения привлекательного имиджа государства [6].

Соотечественники, будучи резидентами диаспор, обладают возможностью как косвенно, так и напрямую оказывать воздействие на государство-реципиента в конкретной ситуации. Главное условие в этом процессе – лояльность соотечественников к политическому курсу исторической родины. В наборе механизмов публичной дипломатии государства деятельность организаций соотечественников функционирует, во-первых, как каналы трансляции национального бренда, поскольку члены диаспор являются носителями культуры, идеологии и ценностей государства-донора; во-вторых, как рычаг давления на лиц, принимающих решения в управленческой системе принимающего государства [7].

В случае если соотечественники не поддерживают политический месседж исторической родины, то их деятельность будет трактоваться как «контр-брендинг» и негативно скажется на имидже государства. В связи с этим национальным государствам, обладающим внушительными зарубежными диаспорами, в их числе Израиль, Индия, Армения, Китай, Турция, крайне важно содействовать поддержке и сплочению своих соотечественников с целью консолидации собственной власти и повышения государственного имиджа.

Рассмотрим российскую практику взаимодействия с соотечественниками.

Отечественные подходы к реализации диаспоральной дипломатии

Работа с соотечественниками закреплена в стратегических документах многих стран. В России необходимость аккумуляции «мяг-

кой силы» подчеркивается сразу в нескольких доктринальных документах. Так, в действующей Концепции внешней политики России [8] и актуальной Концепции гуманитарного сотрудничества России за рубежом [9] отмечается важность развития механизмов общественной дипломатии и гуманитарного сотрудничества. Затрагиваются интегральные ресурсы наращивания «мягкой силы»: наука, образование, культура, спорт, туризм, соотечественники и др.

Примечательно, что особый акцент в данных документах делается на необходимости активизации работы с соотечественниками за рубежом. Такой подход логичен, поскольку в нынешних условиях турбулентной международной среды, беспрецедентного информационного давления на РФ и развития такого феномена, как «культура отмены», работа с соотечественниками позволяет сохранить существующие связи на уровне общественных организаций, последовательно работать над нейтрализацией деструктивных антироссийских нарративов в тех зарубежных обществах, в которых проживают наши соотечественники. В подобном контексте для современной России соотечественники становятся важным ресурсом «мягкой силы».

Для взаимодействия с российской зарубежной диаспорой представляется важным определить смысловой контекст термина «соотечественник». Для это стоит обратиться к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», в котором дается толкование данного понятия [10]. Соотечественники – это, во-первых, граждане РФ, проживающие за пределами России на постоянной основе; во-вторых, лица, чьи родственники некогда проживали на территории РФ; в-третьих, лица, проживающие за рубежом и относящие себя к народам, исторически проживавшим на территории России; в-четвертых, лица, сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией.

Точкой отсчета в практической реализации поддержки соотечественников является 2001 г., который ознаменовал проведение первого в истории Всемирного конгресса соотечественников, где присутствовали делегаты из 47 стран. Конгресс стал отправным пунктом в выстраивании диалога с соотечественниками, на котором первые лица государства совместно с представителями зарубежной общины обозначили основные проблемы и определили перспективы консолидации российской диаспоры. Че-

рез пять лет состоялся II Всемирный конгресс, в работе которого приняли участие делегаты уже из 78 стран мира. Конгресс принял важное институциональное решение: был создан Всемирный координационный совет российских соотечественников (ВКСРС) в качестве исполнительного органа Конгресса.

Подобным образом начала формироваться внутренняя структура российской диаспоры в зарубежных странах. В качестве высшего представительного органа был сформирован Всемирный конгресс соотечественников (ВКС), который собирается раз в три года. В перерывах между ним созывается Всемирная тематическая конференция, на которой обсуждаются наиболее актуальные вопросы жизни соотечественников. Всемирный координационный совет обладает исполнительными и представительными функциями и по статусу является общественной организацией. В самих государствах организуются страновые Координационные советы российских соотечественников (КСОРС), которые являются зонтичными структурами, объединяющими под своим началом общественные организации, СМИ, русскоязычные сады, школы и др. На сегодняшний день российская диаспора учредила КСОРС более чем в 100 государствах мира. Страновые советы, в свою очередь, консолидируются в Региональные координационные советы (РКС), локализирующиеся во всех регионах мира: ближнем зарубежье, Европе, Азии, Ближнем Востоке, Африке, Америке и др. [11].

Важным событием для регулирования взаимодействия с российскими общинами, проживающими за пределами России, было внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Так, ст. 69.3 гласит о том, что Россия стремится оказать поддержку своим соотечественникам с целью сохранения общероссийской культурной идентичности. Сам факт, что упоминание о работе с соотечественниками закреплено на конституционном уровне, означает, что государственная политика в этом направлении будет носить более системный и институциональный характер.

Взаимодействие с соотечественниками институализируется в формате различных агентств, ведомств и программ, заказчиком которых выступают как государство, так и неправительственные организации. Таким образом, осуществление работы с российской диаспорой происходит не только на уровне публичной дипломатии, но и на уровне общественной.

Координационным органом по работе с соотечественниками является Правительственная комиссия по делам соотечественников за

рубежом (ПКДСР), в состав которой входят представители исполнительной и законодательной власти как федерального, так и регионального уровня, в их числе: Правительство РФ, Администрация Президента РФ, Государственная Дума, МИД России, Правительство Москвы и др. [12]. Примечательно, что в Министерстве иностранных дел действует функциональный Департамент по работе с соотечественниками за рубежом. Немаловажным является трек по работе с молодыми соотечественниками, который сегодня реализует ряд агентств, в числе которых Росмолодежь. В области развития информационного обеспечения соотечественников ведущее положение отведено Министерству цифрового развития Российской Федерации и Фонду сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой (Фонд ВАРП).

Ключевая роль в организации многостороннего сотрудничества с российской диаспорой по консолидации и защите прав соотечественников за рубежом отводится Федеральному агентству по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Отделы Агентства ставят перед собой задачу увеличения числа соотечественников и иностранных граждан, проявляющих интерес к российской самобытности, а также развития конструктивного диалога с российскими общинами для интенсификации российского гуманитарного влияния за пределами страны. Представительства данной организации располагаются в 80 странах мира и с 2021 г. неформально именуются «Русские дома».

По линии публичной дипломатии с соотечественниками сотрудничают российские GONGOs, т. е. неправительственные организации (НПО), учрежденные государством и регулярно получающие от него поддержку. К ним относятся: Фонд «Русский мир», регулярно организующий образовательные мастер-классы, лекции, конференции и мероприятия по поддержке и продвижению русского языка за рубежом; Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, стремящийся оказать юридическую и финансовую поддержку соотечественникам, которые сталкиваются с дискриминацией и прочими формами нарушения прав, что особо важно в условиях текущего русофобского тренда; Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, функционирующий в измерении научно-образовательной дипломатии и проводящий активную работу по продвижению позиции России среди русских общин.

В дискурсе общественной дипломатии, т. е. дипломатии «обществ и организаций», в работе с соотечественниками существенное влияние оказывают такие организации, как: АНО «Институт Русского зарубежья», поддерживающая связи с сообществами соотечественников; Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России», запустившая Международный гуманитарный проект «За права соотечественников», который создан с целью защиты прав соотечественников. Не менее важным участником является Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов», организующая выездные семинары и круглые столы российских юристов.

Более того, на уровне международных организаций, таких как ОБСЕ, Совет Европы, ООН, и ряда ее специализированных учреждений в сессиях, посвященных гуманитарной проблематике, принимает участие Международный союз общественных объединений «Международный совет российских соотечественников». Союз включает в себя 137 организаций из 52 стран мира и борется за получение русским языком официального статуса в Евросоюзе. Примечательно, что организация обладает специальным консультативным статусом при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКСОС).

Экстраполируя деятельность всех институтов по работе с соотечественниками в монолитный каркас, России удастся успешно осуществлять имиджмейкинг-кампании с привлечением некоммерческих и государственных структур для наращивания «мягкой силы». Нельзя не подчеркнуть, что Россия ввиду своего территориального потенциала склонна к применению принципа субсидиарности, в том числе и в работе с соотечественниками. Так, регионы и города России успешно реализуют собственную гуманитарную политику в области поддержки и взаимодействия с соотечественниками в координации с федеральным центром. В совокупности всю деятельность по работе с российской диаспорой можно условно дифференцировать на две категории: 1) партнерское взаимодействие с соотечественниками, реализующаяся по нескольким направлениям; 2) программы переселения, осуществляемые на добровольной основе. Таким образом, регионы России формируют политику по работе с соотечественниками, основываясь на двух вышеуказанных видах деятельности.

Первая категория, посвященная налаживанию партнерского сотрудничества с соотечественниками, опирается на Федеральный закон «О государственной политике Российской

Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [10] и Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 гг. [13]. Согласно Плану, утвержденному президиумом Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), формирование конструктивного диалога происходит по ряду направлений, в том числе юридическая поддержка, содействие консолидации российских диаспор, информационное обеспечение, работа с молодежью, сохранение русского языка и культуры, а также оказание помощи социально незащищенным слоям населения.

Роль регионов России в работе с соотечественниками за рубежом

В число регионов России, вовлеченных в реализацию партнерского взаимодействия с российской диаспорой, входят Ленинградская область и г. Санкт-Петербург, республики Дагестан, Карелия, Северная Осетия – Алания и др. Так, Комитет по внешним связям г. Санкт-Петербурга организует ряд проектов по взаимодействию с соотечественниками, среди которых курсы по русскому языку и истории России, Петербургский форум «Русское зарубежье», культурно-образовательная программа «Театральный Петербург» и пр. [14]. В Республике Дагестан в 2021 г. был принят Закон о поддержке соотечественников за рубежом, на основе которого сегодня осуществляется содействие народам Дагестана, проживающим за рубежом, в культурной, экономической и социальной областях [15]. Министерство Республики Северная Осетия – Алания по национальной политике и внешним связям совместно с международным общественным движением «Высший совет осетин» выстраивают тесные взаимоотношения с осетинскими диаспорами по всему миру.

Интегральная вовлеченность российских регионов в наращивание партнерских связей с зарубежными диаспорами ежегодно прогрессирует. Однако пионером и лидером в области работы с соотечественниками является г. Москва. В 2009 г. Московская городская дума приняла закон «О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы», что свидетельствует о комплексном подходе правительства региона по реализации госплана [16]. Москва – один из немногих регионов страны, чье взаимодействие с соотечественниками базируется на целевой законодательной основе.

В настоящее время г. Москва осуществляет сотрудничество с 325 организациями соотечественников в 60 странах мира. Виды содействия соотечественникам, согласно закону, классифицируются на законодательное, организационное, информационное, финансовое и научно-экспертное. Области взаимодействия с соотечественниками коррелируют с федеральным законом и подразделяются на культурно-гуманитарную поддержку, элементами которой являются культура, спорт, историческая память, образование и русский язык, а также правовую, информационную и социальную поддержку.

В системе исполнительной власти координирующий функционал по работе с соотечественниками принадлежит Департаменту внешнеэкономических и международных связей города Москвы (ДВМС) с действующим Управлением по работе с соотечественниками, странами СНГ и Балтии. По сути, ДВМС является центром принятия решений по согласованию проектов и мероприятий в области сотрудничества с соотечественниками на региональном уровне. Подведомственными организациями Департамента являются ГАУ «Центр гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом – Московский Дом соотечественника» (ГАУ МДС) и АНО «Московский центр международного сотрудничества» (АНО МЦМС). Примечательно, что в проведении тематических мероприятий принимают участие различные институты столичного правительства, среди которых департаменты культуры, спорта, науки и др. Немаловажную роль в работе с российскими общинами играют «Дома Москвы», являющиеся представительствами Правительства Москвы за рубежом, на площадках которых регулярно организуются мероприятия.

Спектр областей взаимодействия столичных институтов исполнительной власти с соотечественниками весьма широк. В диапазон сотрудничества входят: коммуникация в сфере культуры, работа с молодежью, деловое и научное сотрудничество, поддержка русского языка, социальное содействие, информационная поддержка, а также сохранение исторической памяти и духовного наследия.

Культура является системообразующим каналом воздействия на соотечественников. В области культурных коммуникаций столичные органы исполнительной власти регулярно проводят с соотечественниками встречи и круглые столы. За 2023 г. был организован ряд мероприятий при поддержке представителей российской зарубежной общины: в апреле правительства

столиц России и Израиля подготовили совместные мероприятия, посвященные Дню космонавтики; в июне глава ДВМС С. Е. Черемин посетил Каир, где состоялась дискуссия, посвященная интеграции российских соотечественников, проживающих в Египте, при участии представителей Россотрудничества, КСОРС, Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» и прочих организаций.

Работа с молодежью является ведущим вектором взаимодействия с российской диаспорой у московских властей, поскольку воспитание у подрастающего поколения патриотизма, возвращение чувства уважения к Родине и духовной связи с этнической национальной культурой делают молодых соотечественников носителями русского языка, культуры и истории. В связи с этим ключевыми из реализованных ДВМС проектов, являются: Проектный акселератор для молодых соотечественников, в котором молодежь из 7 стран постсоветского пространства разрабатывает собственные культурно-гуманитарные проекты, лучшие из которых впоследствии получают финансирование на реализацию; Школа «Молодые лидеры», созданная для развития soft-skills и в работе которой в 2023 г. приняли участие 50 соотечественников из 15 стран. Другим важным проектом, берущим свое начало в 1997 г., является Программа «Стипендия Мэра Москвы», в рамках которой русскоязычные студенты из стран СНГ получают финансовую поддержку.

Направление делового и научного сотрудничества непосредственно связано с русским языком, так как приоритетной областью научного взаимодействия является изучение и распространение русского языка. Так, Правительство Москвы планомерно организует научно-образовательные семинары, конференции, круглые столы для преподавателей-русистов. Например, в 2022 г. состоялись курсы повышения квалификации педагогов-соотечественников «Интегративный потенциал современной лингвистики: личность, концепты, дискурс» в Ереване, а также завершилась Научно-практическая конференция по русскому языку для преподавателей вузов и учителей школ региона Центральной Азии.

Профиль социального содействия содержит в себе проекты по линии гуманитарной дипломатии, а также поддержке социально незащищенных соотечественников. В контексте международного гуманитарного сотрудничества в 2021 г. Правительство Москвы направило в Дамаск учебные пособия по русскому языку, канцелярию, художественную литера-

туру и необходимую компьютерную технику с целью популяризации русского языка среди соотечественников, проживающих в Сирии [17]. Столичные власти предоставляют помощь проживающим за рубежом ветеранам Великой Отечественной войны в формате разовых выплат, а также оказывает финансовое содействие инвалидам и соотечественникам, попавшим в сложную жизненную ситуацию.

В условиях сложившегося давления в информационном пространстве со стороны западных стран на Россию одним из приоритетных направлений информационной безопасности соотечественников становится поддержка зарубежных русскоязычных СМИ для предотвращения внедрения в глобальные сети ложных сведений и фейковых новостей. В подобных условиях Правительством Москвы был проведен ряд мероприятий, ключевыми из которых являются: организованная в июне 2022 г. «Московская медиамастерская» для сотрудников русскоязычных СМИ за рубежом, ответственных за ведение сайтов координационных советов, и прошедший в декабре 2022 г. Медиафорум представителей соотечественных СМИ в Стамбуле, в котором приняли участие 50 человек из 25 стран.

Немаловажным условием успешной консолидации российской диаспоры является инкорпорирование соотечественников в единое пространство Русского мира. Инструментами для достижения этой цели является организация и проведение мероприятий по сохранению исторической памяти и духовного наследия. Их охват весьма широк – от поддержки зарубежных приходов Русской православной церкви (РПЦ) до финансирования реставраций захоронений русских и советских ветеранов за границей России. Так, в 2022 г. была проведена реставрация могил солдат Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на городском кладбище Душанбе. В контексте содействия зарубежным епархиям РПЦ в 2022 г. московские власти помогли в приобретении церковной утвари в Храм св. Игнатия Богоносца и Храм Успения Пресвятой Богородицы, находящиеся в Сирии [18].

Результатом усилий структур Правительства Москвы становится прогрессивное расширение связей с российской диаспорой с целью активизации выгодного экономического, культурного и гуманитарного сотрудничества [19]. Как утверждает В. И. Тымчик, Москва является активным донором «мягкой силы» России, продвигая идеи и ценности Русского мира посредством взаимодействия с соотечественниками за рубежом [20]. Этот подход обладает

глубокими историческими корнями и становится неотъемлемой частью внешнеполитической программы страны.

Вторая категория взаимодействия с представителями российской диаспоры предполагает оказание содействия переселению на историческую родину. Как отмечает профессор МГИМО А. В. Бирюков, проблема нехватки высококвалифицированных кадров может быть решена путем грамотной иммиграционной политики, в рамках которой должны создаваться условия, способные побудить соотечественников вернуться на Родину [21]. Подобным образом удастся нивелировать «утечку мозгов» и привлечь лучшие умы. Так, на надынституциональном уровне резиденты диаспор принимают краткосрочное и долгосрочное участие в «возвращении умов» в рамках Программы развития ООН (ПРООН) «Передача знаний через граждан-экспатриантов» (ТОКТЕН) [22].

Отечественная практика в этой области началась с запуском в 2006 г. Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [23]. Становясь участниками данной госпрограммы, они получают ряд прав на создание благоприятных условий для добровольного возвращения на родину. Собственные программы по переселению существуют и у регионов страны. Так, например, постановления об оказании поддержки утверждены правительствами Чеченской Республики, Калининградской, Нижегородской областей и др.

Вызовы и возможности государственного взаимодействия с соотечественниками

Камнем преткновения в программе по содействию переселения является уменьшение лояльных к России граждан, проживающих за рубежом, что свидетельствует о дуализме результатов подобной деятельности. Как результат, ресурсность «мягкосилового» потенциала убывает, а количество населения в России увеличивается.

Ограничения активизации «мягкой силы» посредством сотрудничества с соотечественниками выражается не только в сложностях, вызванных сокращением количества соотечественников из-за практики переселения, но и в других вызовах. В их числе: малочисленность экономически состоятельных и политически активных соотечественников, а также недостаточное взаимодействие представителей диаспоры с гражданским обществом стра-

ны пребывания. Экономическое благополучие членов Координационных страновых советов российских соотечественников обуславливает дальнейшее процветание и развитие диаспоры. Если же КСОРС или другая организация соотечественников придерживаются государственно-ориентированной финансовой поддержки, то их представители начинают заниматься деятельностью китчевого характера или «балалаечной дипломатией», выражаясь словами главы Россотрудничества Е. А. Примакова. Усиление политической активности соотечественников дало бы возможность получать больше прав в государственных структурах принимающей страны, например входить в муниципальные и федеральные парламенты. Расширение коммуникаций соотечественников с гражданским обществом позволило бы приобщить граждан иностранного государства к русской культуре, обычаям и в целом познакомить с Русским миром, что, в свою очередь, помогло бы частично избавиться от предрассудков о стране и улучшить национальный бренд.

Таким образом, растущее обращение к отдельным ресурсам «мягкой силы», в частности к зарубежным диаспорам, обуславливает усиление партнерских связей с соотечественниками. Специфика осуществления диаспоральной дипломатии в РФ заключается в использовании преимущественно концепта G2P. Подобный подход позволяет циркулировать культурное, политическое и экономическое влияние соотечественников на гражданское общество иностранного государства

Россия как на федеральном, так и на региональном уровнях активизирует работу с российскими общинами посредством двух методов: взаимодействие на стратегическом уровне и содействие добровольному переселению. Диапазон направлений сотрудничества у государства весьма широк и подкреплен солидной институциональной базой. Субнациональные единицы осуществляют параллельное воздействие на соотечественников как по линии публичной, так и по треку общественной дипломатии. Москва, как лидирующий регион, обладает богатым опытом и долгосрочными перспективами в диаспоральной дипломатии. Несмотря на ряд вызовов и ограничений, связанных с низкой вовлеченностью соотечественников в политическую и экономическую активность, при корректной и последовательной работе Россия может конвертировать существующий значительный потенциал своей диаспоры в реальное «мягкосиловое» влияние на международной арене.

Список литературы

1. *Рустамова Л. Р.* Мягкая сила и публичная дипломатия. М. : КноРус, 2021. 254 с. (Магистратура и аспирантура).
2. *Энтина Е. Г., Смирнова А. С.* Роль диаспоры в формировании и развитии «мягкой силы» России в современной Сербии // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 49–59. <https://doi.org/10.15211/soveurope520184959>
3. *Торреальба А. А.* Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 2. С. 154–169. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.154-169>, EDN: YRGLWT
4. *Brinkerhoff J. M.* Diasporas and Public Diplomacy: Distinctions and Future Prospects // The Hague Journal of Diplomacy. 2019. Vol. 14 (1–2). P. 51–64. <https://doi.org/10.1163/1871191X-14101015>
5. *Бахриев Б. Х.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 97–105. <https://doi.org/10.17223/15617793/436/11>
6. *Емельянова Н. Н.* Мягкое обаяние Индии: преимущества и пределы // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 2 (6). С. 75–87.
7. *Sønderholm A.* The place of diaspora in public diplomacy // Digitala Vetenskapliga Arkivet, 2020. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1481153/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Президентом РФ от 31.03.2023 № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.06.2023).
9. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : утв. Президентом РФ от 05.09.2022 № 611. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 15.06.2023).
10. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059861> (дата обращения: 15.06.2023).
11. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <https://vksrs.com> (дата обращения: 16.06.2023).
12. О Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/compatriots/commission/1739377/ (дата обращения: 17.06.2023).
13. Комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 годы. URL: <https://clck.ru/36h5q7> (дата обращения: 17.06.2023).
14. Проекты. Программа Правительства Санкт-Петербурга по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом. URL: <http://spbrumir.ru/?cat=4> (дата обращения: 18.06.2023).
15. О поддержке соотечественников за рубежом : закон Республики Дагестан от 25.03.2021 № 15 // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. URL: <https://nacpol.minkomtemp2.comrades.dev/documents/11024> (дата обращения: 18.06.2023).
16. О поддержке соотечественников за рубежом органами государственной власти города Москвы : закон г. Москвы от 23.09.2009 № 37. URL: <https://www.mos.ru/donm/documents/normativnye-pravovye-akty/view/168909220/?ysclid=ljfo5yqlts858723208> (дата обращения: 18.06.2023).
17. Москва подарила учебники и компьютеры сирийским школам. URL: <https://www.mos.ru/news/item/99260073/?ysclid=ljki8p5ehd176786970> (дата обращения: 14.06.2023).
18. Москва передала богослужебную утварь храму Игнатия Богоносца в Дамаске. URL: <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/10881339.html> (дата обращения: 19.06.2023).
19. *Каплун Ю. И., Клишин М. А.* Сотрудничество Правительства Москвы с деловыми кругами соотечественников за рубежом // Вестник Университета Правительства Москвы. 2021. № 3. С. 31–37.
20. *Тымчик В. И.* Соотечественники за рубежом как инструмент «мягкой силы» государства, роль и место города Москвы // Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. Т. 4. М. : Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 2022. С. 165–176. EDN: EVEZZG
21. *Бирюков А. В.* Духовные основы «мягкой мощи» России // Экономические стратегии. 2008. № 4. С. 44–48.
22. Transfer of Knowledge Through Expatriate Nationals. Economic and Social Commission for Western Asia. URL: <https://archive.unescwa.org/transfer-knowledge-through-expatriate-nationals> (дата обращения: 20.06.2023).
23. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом : утв. Президентом РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 14.09.2012). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23937> (дата обращения: 20.06.2023).

Поступила в редакцию 01.08.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 25.01.2024
The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 25.01.2024

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 223–228

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 223–228

<https://soziopolit.sgu.ru>

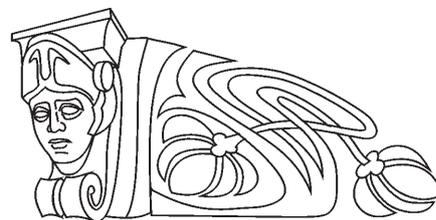
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-223-228>, EDN: GLJTPT

Научная статья

УДК 32

«Цифра» и суверенность в современной российской образовательной политике

К. А. Афанасьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Афанасьева Кристина Александровна, соискатель кафедры политических наук, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Аннотация. В статье представлен анализ противоречия, которое сегодня характеризует государственную инициативу по переходу российского образования от Болонского формата к функционированию «суверенному» и «уникальному». Это противоречие между установками на ускоренную цифровизацию образовательной сферы и одновременно на приобретение ею неких неповторимых нише в современном мире качеств. Приведены аргументы в пользу того, что попытки субъектов российской образовательной политики придать конструктивный смысл идеям суверенизации образования в нашей стране и достижения им состояния уникальности будут сталкиваться с объективной необходимостью жертвовать суверенностью и уникальностью ради выполнения технических условий цифровизации. В статье спрогнозированы ожидаемые рискованные последствия такого конфликта смыслов и целей в идеологии планируемых образовательных реформ для государственной образовательной политики.

Ключевые слова: образовательная государственная политика, цифровизация, реформы в образовании

Для цитирования: Афанасьева К. А. «Цифра» и суверенность в современной российской образовательной политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 223–228. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-223-228>, EDN: GLJTPT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Digital” and sovereignty in modern Russian educational policy

K. A. Afanasyeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kristina A. Afanasyeva, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Abstract. The article presents an analysis of the contradiction that today characterizes the state initiative for the transition of Russian education from the Bologna format to “sovereign” and “unique” functioning. This is a contradiction between the plans for accelerated digitalization of the educational sphere and, at the same time, for it to acquire certain qualities that are unique nowhere else in the modern world. Arguments are given in favor of the fact that attempts by subjects of Russian educational policy to give constructive meaning to the ideas of sovereignty of education in our country and its achievement of a state of uniqueness will face the objective need to sacrifice sovereignty and uniqueness for the sake of fulfilling the technical conditions of digitalization. The article predicts the expected risky consequences of such a conflict of meanings and goals in the ideology of planned educational reforms for state educational policy.

Keywords: educational public policy, digitalization, education reforms

For citation: Afanasyeva K. A. “Digital” and sovereignty in modern Russian educational policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 223–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-223-228>, EDN: GLJTPT

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня в публичной повестке коммуникаций между российским обществом и властью в очередной раз актуализировалась идея проведения масштабных реформ в отечествен-

ной системе образования. О необходимости таковых сделали заявления министры высшего образования и науки, а также народного просвещения [1]. Идею поддержал Президент РФ

[2, 3]. Притом речь идёт вновь о реформах радикальных, подразумевающих замену одной системы (Болонской) на другую (суверенную и уникальную).

Главный тезис, обоснованию которого посвящена настоящая публикация, состоит в следующем. Уже сегодня просматривается риск, что планируемые реформы не будут завершены либо завершены не с тем результатом, на который сегодня рассчитывают государство и общество и ради которого они готовы вложить свои ресурсы в это дело. В пользу такой вероятности свидетельствует послесоветский опыт трёх десятилетий реформирования российского образования. Он демонстрирует высокую инерционность образовательной системы, её способность адаптироваться к новым требованиям путём имитации соответствия таким требованиям. Проблему инерции можно отчасти решить, внедрив более разумный и справедливый, чем сегодня, порядок материального и морального стимулирования трудовой активности работников образования.

Труднее решить, исходя из её нынешнего неопределённого состояния, другую проблему. Большой риск для будущего российского образования и для конечного результата очередного этапа его реформирования связан, на наш взгляд, с некоторыми ключевыми неопределённостями в стратегии планируемых реформ. В частности, это неопределённость с тем, как будут состыковаться в рамках единой стратегии реформирования учебных заведений две очень разные задачи: с одной стороны, превращение школ и вузов в нечто суверенное и уникальное, а с другой стороны, их ускоренная и углубленная цифровизация, причём ещё и с перспективой внедрения в образовательный процесс технологий искусственного интеллекта.

Сразу необходимо оговориться, что мы не собираемся выступать в роли критиков технологического прогресса. Противодействовать внедрению «цифры» в политику, экономику, образование и другие сферы культуры уже сегодня бессмысленно и бесполезно. Предметом нашего внимания будет именно проблема конфликта установки на цифровизацию с новыми идеологическими ориентирами развития отечественного образования, а также сопутствующие этому конфликту риски.

Что такой конфликт имеет место и что уже сегодня видимы симптомы его обострения, исследователи проблем отечественного образования говорят довольно откровенно. Они пря-

мо указывают на издержки в образовательном процессе, в управлении образовательными учреждениями, а также в решении проблемы педагогических кадров. Издержки порождены попытками властей и заинтересованного бизнеса цифровизировать всё, что только поддаётся цифровизации и на что находятся деньги, – и управление образованием, и сам образовательный процесс [4, 5].

Мы также не согласны с тем, как в большинстве случаев специалистами и самими работниками образования трактуется причина этого конфликта. Логика такой трактовки проста: раз цифровизация есть процесс бесповоротный, можно даже сказать, объективный, а со встраиванием образовательных учреждений в этот процесс постоянно возникают организационные и технические трудности, то виновниками этих трудностей являются в первую очередь сами образовательные учреждения. Они, как утверждают сторонники такой интерпретации, оказались не готовы цифровизироваться [6]. Прежде всего, препятствием оказался кадровый состав учебных заведений. Он продемонстрировал нежелание расставаться со своим опытом работы, с представлением о важности справедливого вознаграждения своего труда, а также с базовой педагогической традицией, согласно которой необходимым условием получения учащимся качественного образования и воспитания является его живое личное общение с педагогом.

Исследователи единодушны во мнении, что неготовность образовательных учреждений цифровизироваться находит оправдание и поддержку в родительском сообществе. Последнее демонстрирует устойчиво настороженное отношение к ускоренному внедрению в учебный процесс технических новаций. Родители по естественным причинам смотрят на все новации в образовательной сфере со стороны не столько ожидаемой от них пользы для своих детей (например, для родителей школьников, ещё не определившихся со своей будущей карьерой, разговор о какой-либо конкретной пользе от конкретных технологических новаций в образовательном процессе вообще затруднителен), сколько со стороны потенциального вреда физическому и психическому здоровью молодых людей [7].

В настороженном отношении педагогов и родителей к цифровизации есть своя житейская логика. Для педагогов это дополнительная (а нередко и неоплачиваемая) рабочая нагрузка

ка, для родителей – дополнительный повод для беспокойства за своих чад. Те и другие редко вникают в технологические детали процесса цифровизации образования, но видят, что он, как и любая другая масштабная новация, вступает в конфликт с их профессиональным и жизненным опытом, а также с их пониманием блага для потомков [8, 9]. Они видят, что процесс противоречив, ждут от энтузиастов тотальной цифровизации какого-то внятного объяснения, как эти противоречия преодолеть, но в ответ они слышат только рассуждения об исключительной полезности этого дела. И ни слова об издержках и рисках, которыми обычно сопровождается любая попытка радикальной реорганизации любой устойчиво работающей системы, каковой является и система образования.

От этого подхода отечественных специалистов к определению трудностей с нынешней стратегией государственной политики мы будем отталкиваться в своих оценках вероятности того, что с этими же трудностями, с таким же взаимным непониманием субъекты образовательной политики столкнутся и на новом витке реформ в образовании.

Что, собственно, энтузиастам цифровизации и инициаторам новых образовательных реформ из числа государственных управленцев, учёных и бизнесменов надо было бы самым простым языком объяснить педагогам и родителям? Объяснить желательны два момента. Во-первых, какой суверенности и уникальности можно и нужно ожидать от реформированных образовательных учреждений. Во-вторых, каким образом цифровые технологии – продукт развития глобальных коммуникаций и глобальных рынков, можно (и можно ли?) превратить в инструмент отстаивания школами и вузами своей суверенности и уникальности.

Мы не будем касаться нюансов юридических толкований понятия «суверенитет». Будем исходить из самого общего, можно даже сказать, обывательского представления об этой правовой и философской категории. Того представления, которым, как можно предположить, как раз и будут руководствоваться в своём отношении к будущим образовательным реформам их массовые участники. Суверенитет в этом общем смысле – это возможность субъекта политики и управления реализовывать свои интересы и компетенции при помощи сил и средств, на состояние и функциональность которых не может повлиять никакая другая субъект. И вот тут возникает ряд вопросов, ко-

торые на данном этапе определения стратегии планируемых образовательных реформ пока остаются без ответа.

Во-первых, суверенитет, это качество, больше присущее, по нашему мнению, самому государству, чем тем общественным институтам, которые оно опекает ради реализации собственных политических, экономических и культурных интересов. Допустим, что государство наделит образовательную систему неким особым, негосударственным «суверенитетом». Но тогда возникает вопрос: по отношению к кому или чему отечественная школа, высшая и средняя, будет обладать суверенитетом и всячески его демонстрировать в учебном и воспитательном процессах, в самоуправлении. Подчеркнём этот момент: именно в самоуправлении, а не государственном управлении, потому как какой же это суверенитет, когда кто-то тобою управляет и диктует свои интересы. Если идея сделать образовательную систему в нашей стране «суверенной» подразумевает, что школы и вузы, педагогическое и родительское сообщество должны будут постоянно демонстрировать государству дистанцию между своими и его политическими и неполитическими интересами, то вряд ли нынешнее российское гражданское общество эту идею одобрит и примет к реализации. Вряд ли такой подход одобрит в большинстве своём политическая и управленческая элита – по той причине, что иными терминами, но фактически будет закреплено именно то состояние, в которое отношения между государством, гражданским обществом и школой привёл Федеральный закон «Об образовании» в своей первой редакции и которое поддерживали все его последующие редакции вплоть до последней. Это состояние полной самостоятельности (суверенности) интересов, которыми руководствуются образовательные учреждения и управляющие ими государственные институты, когда совместно участвуют в реализации образовательной политики.

Конкретизируем эту свою оценку. Интерес любого национального государства сегодня состоит в том, чтобы добиться экономического, культурного, правового, военного суверенитета, обезопасить себя от угроз изнутри и извне. В этом смысле государство заинтересовано в том, чтобы школы были «фабриками» производства лояльных его интересам, патриотично настроенных и готовых к труду и обороне молодых граждан – достойной смены для гражданского общества. Интерес же шко-

лы и её главная задача, согласно упомянутому Закону, – удовлетворять интересы отдельно взятых людей – учеников – к саморазвитию и личностному (карьерному прежде всего) росту. Ни о каком государственном интересе, который могла бы удовлетворить отечественная система образования, ни в одной из редакций Закона не упомянуто ни единым словом.

Суть расшифровки идеи «суверенного» образования, данной министром Кравцовым в его публичной лекции [1], сводится к тому, что суверенным является образование, выстроенное по целостной и непротиворечивой схеме, где всё между собою связано. Но так было и в Болонской системе. Она не устроила ни государство, ни общество не своей несвязанностью, а своей идеологической мотивированностью, противоречащей суверенным интересам России. Соответственно, и вопрос альтернативы ей – это вопрос не столько связанности образовательных траекторий и технологий, сколько связанности идеологических ориентиров в развитии образования и в развитии других сфер общественной и государственной жизни. Российскому образованию требуется новый смысл и новое предназначение, а идея «суверенности» российского образования в её нынешнем оформлении на это участников образовательной политики никак не ориентирует.

В нынешних сложных для России политических и экономических условиях противостояния с коллективным Западом такая «суверенность» отечественной системы образования принесёт для будущих образовательных реформ больше вреда, чем пользы, поскольку она предполагает прежнее свойство образовательной системы назвать новым именем и, таким образом, отсутствие практического результата реформ выдать за их достижение. Никакого действительного качества образовательной системы такая трактовка её «суверенности» не предполагает.

Если же имеется в виду, что отечественные образовательные учреждения должны быть независимы от зарубежного образовательного процесса, его опыта, его интеллектуальных, кадровых, технологических и организационных ресурсов, то с пониманием участниками будущих образовательных реформ сути «суверенности» тоже неизбежна проблема. Трудность существует с пониманием того, как этот вектор развития отечественного образования совместить с цифровизацией – процессом, который, по сути, является постоянным и порой

глобальным обменом идеями, технологиями, кадрами, готовыми программными продуктами и т.д. Перейти на самообеспечение в этой сфере теоретически наша страна может. И определённые шаги в этом направлении в последние три-четыре года государством, наукой и бизнесом делаются очень активные и продуктивные. Но добиться полного самообеспечения в этом направлении практически невозможно уже по причине быстрого развития цифровых технологий и жесткой конкуренции за возможности использования наиболее передовых из них.

Нетрудно прогнозировать последствия. Образовательные учреждения публично будут демонстрировать всю свою показную «суверенность», улучшать свои аккредитационные показатели, а по факту в ответ на требования вышестоящих структур управления ускоренно цифровизироваться станут, как это и сейчас широко практикуется, использовать нелицензированные цифровые технологии и продукты зарубежного происхождения. Будут отчитываться о внедрении «цифры» в учебном процессе даже там, где она никак не нужна. С этими прогнозируемыми реакциями образовательной системы на непосильные для неё задачи связан определённый стратегический риск. Он в том, что конфликт цифровизации с суверенизацией сведёт очередное реформирование отечественного образования к разнообразным имитациям новаций и достигнутых результатов.

Во-вторых, уникальность – это качество, которым, по сути, могут обладать только интеллектуальные продукты человеческого творчества. Всё остальное в человеческих практиках, особенно современных и при современных технологиях обмена социальным опытом и разнообразными знаниями, активно тиражируется. Именно это обстоятельство навело в своё время зарубежных теоретиков на идею глобализации. «Уникальность» российских школы и вуза как идея политически и культурно привлекательна. Теоретически её можно трактовать как зримый достигнутый результат «суверенизации». На практике же добиться уникальности института образования как одного из множества стандартных для цивилизованных обществ социокультурных институтов, как того, что по смыслу своему изначально предназначено к тиражированию, к массовому воспроизводству в виде стандартного набора форм организации образовательного процесса в средних, высших и прочих учебных заведениях, добиться такой уникальности довольно трудно. Практически везде в более-менее развитых странах есть

школы начальные и средние, есть колледжи и университеты, есть институты дополнительного образования. Придумать в этой связи нечто уникальное, выходящее за рамки привычного набора форм и технологий образования, можно, притом несложно. Надо всего лишь, как это уже было в нашей стране, переименовать ПТУ в колледжи, институты в академии, а средние общеобразовательные школы – в лицеи. Теперь можно придумать какие-то ещё более броские названия. Но как организационными средствами обеспечить их уникальность по содержанию образовательного процесса? Если, скажем, во французской средней общеобразовательной школе преподаются французские история и литература, а в российской школе – российские история и литература, то это более чем естественно, никакой уникальности в содержании образования здесь нет. И заменить преподавание этих дисциплин фактически нечем. Они будут всё теми же учебными дисциплинами, как замысловато их ни назови.

Уникальной была бы ситуация, если бы в российском образовательном учреждении вместо российских истории и литературы преподавали французские учебные дисциплины. Но такая уникальность в работе учебных заведений никак не соответствует интересу государства и общества достойно подготовить к жизни и участию в государственных делах новое поколение российских граждан. Уникальность на практике могла бы быть достигнута за счёт исключения из отечественных образовательных стандартов и учебных планов всякого упоминания о гендерной тематике и гендерно ориентированных учебных дисциплин. Но таковых там и сейчас, к счастью, нет.

Цифровизация добавляет в эту копилку проблем с уникальностью содержания российского образования как стратегической целью его развития ещё одно препятствие. Она подразумевает необходимость освоения учащимся и педагогами типового набора компетенций пользователя цифровых технологий и продуктов. Такой набор должен быть именно типовым. Это диктует практическая необходимость. Это нужно для того, чтобы нормально шёл образовательный процесс и учитель с учеником могли организовать конструктивное взаимодействие, не «потерять» друг друга в безбрежном пространстве интернет-коммуникаций. Важно это и для того, чтобы за стенами школы и вуза молодой человек мог бы уверенно и результативно решать все вопросы профессиональной, быто-

вой, культурной и правовой коммуникации с обществом и государством. Чтобы на этой почве меньше возникало личностных и социальных конфликтов, обычных недоразумений. При этом компетенции должны обеспечивать молодому человеку возможность расширять круг своих личных и профессиональных контактов с зарубежными партнёрами по линии науки, бизнеса, культуры, по правовым проблемам и проблемам получения образования.

Сегодня направление таких внешних связей, обеспечиваемых общностью цифровых компетенций у отечественных и зарубежных пользователей цифровых технологий переориентировалось по политическим, экономическим и культурным причинам с Запада на Восток. Но необходимость стандартизации цифровых компетенций при этом никуда не делась. Её актуальность, скорее, даже выросла по причине того, что нашими партнёрами по обмену информацией и технологиями теперь становятся общества и государства с очень разным потенциалом культурного прогресса, разными политическими интересами, разными традициями культурного обмена. Цифровизация, таким образом, превращает «уникальность» российского образования в привлекательный политический лозунг. Он способен на определённое время обеспечить солидарность гражданского общества и государства в образовательной политике как бы вне конкретного смысла всего того, что за ним стоит. Но именно на время. Потому что скоро обнаружится, что фактически уникальностью названа всё та же, что и сейчас, зависимость отечественной системы образования от глобалистских тенденций, которые часто изящно именуют «тенденциями развития мирового образовательного пространства». Либо, как и в случае с «суверенностью», всё сведётся к имитации уникальности там, где на деле будет господствовать стандарт, причём, что особенно рискованно, не наш, а глобалистский.

Возможно, в головах людей, отвечающих за настоящее и будущее отечественной системы образования, есть какое-то понимание оптимальных способов совмещения цифровизации образовательной сферы с её суверенизацией. Но на настоящий момент это понимание публично и логично не озвучено. Поэтому мы исходим в оценках перспектив разработки и реализации новой стратегии образовательных реформ, в прогнозах сопутствующих рисков из этого факта, а также из того, что самые непредсказуемые риски в политике возникают обычно тогда, ког-

да государство переадресует дело разработки политических стратегий и идеологий обществу, вместо того чтобы самому реализовать эту свою базовую функцию.

Список литературы

1. Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования». URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-gossiyskoj-federacii-sergeya-kravcova-o-razviti-i-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.10.2023).
2. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808 : указ Президента РФ от 25.01.2023 №35. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г.: о чем говорил Президент России. URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=loimrxf2wk435665369> (дата обращения: 07.10.2023).
4. *Белицкий К. А.* Цифровизация начального образования: анализ проблем, изучение перспектив и оценка рисков // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 19 января 2023 г.) / гл. ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары : Среда, 2023. С. 65–67.
5. *Караулова О. А., Киреева Н. В.* Риски цифровизации профессионального образования и обучения // IX Российская научно-методическая конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов : материалы конф. (Самара, 5–8 апреля 2021 г.). Самара : Поволжский гос. ун-т телекоммуникаций и информатики, 2021. С. 72. EDN: OXFDJV
6. *Грязнова Е. В., Куимова Н. Н., Чиркова К. А.* Риски цифровизации образования как причины возникновения кризисных ситуаций в образовательном процессе // Перспективы науки. 2022. № 2 (149). С. 159–161. EDN: TUWRWB
7. *Шапалова О. Н.* Преимущества и риски цифровизации школьного образования глазами педагогов и родителей: аналитический обзор // Научное обозрение. Педагогические науки. 2022. № 1. С. 49–54.
8. *Шадже А. Ю., Ильинова Н. А.* Образование в условиях нового глобального риска: цифровизация и гуманизация // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 71–83. EDN: FYIMMX
9. *Титаренко Л. Г.* Цифровизация высшего образования в условиях пандемии: новые риски и угрозы // Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт развития и формирования российской культурно-исторической идентичности : сб. докладов и материалов XXX Моисеевских чтений – науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 марта 2022 г.). М. : Академия МНЭПУ, 2022. С. 382–387. EDN: MCQXLA

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Научная статья

УДК 321

«Смена эпох» в политике безопасности и обороны ФРГ

О. В. Агафонова

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Агафонова Ольга Владимировна, соискатель кафедры политологии ИМО и СПН, младший научный сотрудник Центра социоконгнитивных исследований дискурса (СКоДис), olga.agafonova92@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>

Аннотация. Исследование посвящено анализу трансформации политики безопасности и обороны ФРГ после речи канцлера Олафа Шольца перед бундстагом 27 февраля 2022 г., когда была анонсирована «Смена эпох» – новый период во внешней и оборонной политике Германии. Политика безопасности и обороны Германии, характеризовавшаяся в течение долгого времени стабильностью, предсказуемостью и прогнозируемостью, подошла к логической точке перехода на новый эволюционный этап. Репрезентацией этого перехода стали изменения в понимании назначения и основных целей бундесвера (и последовавшие в связи с этим реформы), а также выход первой в истории объединенной Германии Стратегии национальной безопасности. Структурообразующим концептом стратегии выступает интегрированная безопасность, представляющая собой симбиоз внутренней и внешней безопасности и охватывающая широкий спектр вызовов, рисков, опасностей и угроз военного и невоенного характера, связанных с экономикой, окружающей средой и экологией, образованием, секьюритизацией промышленности и продовольственных цепочек, здравоохранением, правозащитой и др. На разработку Стратегии и ее содержание повлияли бюрократические барьеры и межведомственная рассогласованность, в результате чего в документе преимущественно представлен анализ текущей ситуации в сфере международных отношений, чем прогноз или проектирование политики безопасности и обороны на перспективу. В документе не продемонстрированы систематизация, ранжирование и приоритизация заявленных целей и задач в сфере безопасности, что затрудняет их имплементацию и вносит неопределенность во временные сроки их реализации. Помимо этого, неясной остается как сама структура (институт), ответственная за реализацию заявленных положений, так и ее ведомственная принадлежность. При всех противоречиях и нюансах в реализации нового этапа в оборонной политике Германии «Смена эпох» и Стратегия национальной безопасности представляют собой попытку Германии установить status quo в стремительно меняющихся условиях как на глобальном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: политика безопасности и обороны, ФРГ, внешняя политика, «Смена эпох», Стратегия национальной безопасности

Для цитирования: Агафонова О. В. «Смена эпох» в политике безопасности и обороны ФРГ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 229–235. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-229-235>, EDN: IANWMR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Change of Epochs” in German security and defense policy

O. V. Agafonova

Moscow State Linguistic University, 38, build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Olga V. Agafonova, olga.agafonova92@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8460-8555>

Abstract. The current study examines transformation of German security and defense policy after the speech of Chancellor O. Scholz in Bundestag on February 27, 2022, announcing the “Change of Epochs” – a new era in German foreign and defense policy. Germany’s security and defense policy was characterized by stability and predictability for a long time and has currently reached the stage of evolutionary transition. It is embodied in the shift in the perception of goals and objectives of Bundeswehr and in the release of the first National security strategy. “Integrated security” is the structuring concept of National security strategy, which encompasses internal and external defense and covers a wide range of military and non-military challenges, risks, dangers, and threats, connected with economy, environment, healthcare, industry, supply chains, human rights, etc. Bureaucratic stumbling blocks and lack of consensus between ministries influenced the content of the strategy, thus the document represents predominately the analysis of current situation in international affairs, rather than prospects for the security and defense policy. The strategy lacks systematization and prioritization of defensive goals and objectives, hence the deadlines for these goals seem to be blurred. Moreover, there is still no understanding about the ministry or the office, which will be responsible for the implementation of the propositions introduced in the strategy. Even with such ambiguity and contradictions in the security and defense policy, the “Zeitenwende” (“Change of Epochs”) and the new National security strategy illustrate the attempt of Germany to set its status quo in the rapid changes and shifts in the security sphere, on both regional and global level.

Keywords: security and defense policy, Germany, foreign policy, “Change of Epochs”, National security strategy

For citation: Agafonova O. V. "Change of Epochs" in German security and defense policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 229–235 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-229-235>, EDN: IANWMMR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для Германии 2022 год стал годом «Смены эпох». Концепт “Zeitenwende“ («поворотный момент», «начало новой эпохи», «смена эпох»), получивший свое распространение после речи канцлера Олафа Шольца перед бундестагом 27 февраля 2022 г., был объявлен Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache e. V.) термином года [1]. Семантика термина подразумевает переориентацию политики безопасности и обороны Германии, ее эволюцию и трансформацию. «Смена эпох» была объявлена немецким канцлером спустя три дня после начала эскалации конфликта на Украине и ознаменовала собой трансформацию немецко-российских отношений.

От «изменения через торговлю» к «Смене эпох»

Внешняя политика и политика безопасности и обороны ФРГ отличаются относительной стабильностью и предсказуемостью (что провозглашено и в доктринальных документах), характеризуются приверженностью европейским ценностям и евроинтеграции, обязательствами перед партнерами по ЕС и НАТО, сдержанностью в использовании военной силы. Российская Федерация до февраля 2022 г. рассматривалась с точки зрения значимого стратегического партнера как в сфере безопасности, так и в сфере экономики [2, 3].

До речи канцлера Шольца внешняя политика ФРГ в течение нескольких десятилетий реализовалась под лозунгом “Wandel durch Handel“ или «изменение через торговлю», что подразумевало установление тесных экономических связей с РФ (и в некоторой степени экономической взаимозависимости), которые являлись бы и стимулом для планомерной интеграции Российской Федерации в общеевропейское пространство, и «возможной медленной модернизации России, а также ее последующей политической либерализации, или, по меньшей мере, приверженности главенства права» [4, р. 44]. Здесь стоит сделать поправку на подход, декларируемый в духе западного либерализма, его суть можно интерпретировать как интенцию поддерживать в рамках своей политики в отношении стран Восточной Европы тесные взаимовыгодные экономические связи (в частности, с Россией), которые будут выступать гарантией поддержания стабильности в сфере безопасно-

сти. Речь О. Шольца, по сути, зафиксировала, что данный подход не увенчался успехом, вместе с тем канцлер подчеркнул, что с Москвой продолжатся дипломатические отношения и диалог, а Берлину необходимо выработать абсолютно новый подход во взаимоотношениях с Российской Федерацией.

Политика безопасности и обороны ФРГ до «Смены эпох».

Политика безопасности и обороны ФРГ после объединения характеризовалась сдержанным использованием военной силы в кризисных ситуациях, отдавая предпочтение дипломатии, приверженности принципам мультилатерализма, применению экономических санкций как инструментов кризисного реагирования. Эта направленность оборонной политики ФРГ, позиционирующей себя как «гражданская держава» (Zivilmacht), не всегда сочеталась с ожиданиями западных партнеров, в частности, в контексте применения Германией военной силы при проведении военных операций.

Отдаваемое Германией предпочтение невоенным методам урегулирования кризисов и конфликтов оказало свое влияние на состояние бундесвера, который испытывал недофинансирование в течение многих лет. В настоящий момент особое внимание уделяется готовности войск к быстрому реагированию, что обусловлено кризисом в Восточной Европе. Вопрос о готовности войск к оперативному реагированию обсуждался странами-членами НАТО на саммите Альянса в Мадриде в июне 2022 г. Помимо проблемы недофинансирования актуальной для бундесвера является проблема военного снабжения: бюрократические барьеры существенно замедляли принятие техники на вооружение. В частности, одна из проблем состоит в том, что для того, чтобы получить финансирование для модернизации вооружения, сначала необходимо списать всю нефункционирующую технику [5].

Состояние бундесвера как инструмента обеспечения ПБО.

Олафом Шольцом была поставлена задача модернизации бундесвера. Для это предусмотрен специальный фонд размером в 100 млрд евро. Реализация средств фонда предназначена для достижения минимума в 2% ВВП, выделяемого на оборону, – обязательство, взятое Германией по результатам соглашений на саммите

НАТО в Уэльсе в 2014 г. Показатель расходов на оборону не выполнялся ФРГ до сих пор ни разу, учитывая, что о необходимости его выполнения указывалось в доктринальных документах, связанных с политикой безопасности и обороны ФРГ. Так в 2024 г. на оборонные расходы заложен бюджет в 51,8 млрд евро (что на 1,7 млрд евро больше в сравнении с 2023 г.). Дополнительно к нему будет выделено примерно 19,2 млрд евро из средств специального фонда [6]. Учитывая даже эти трансферты из средств специального фонда, показатель в 2% ВВП все еще не выполняется. Только стабильное, регулярное повышение бюджета может являться гарантом достижения значений, установленных показателем. Эксперты прогнозируют, что на восстановление немецкого военного потенциала для обеспечения национальной и коллективной обороны (в рамках обязательств по Североатлантическому альянсу и другим объединениям в сфере безопасности) потребуется 10–15 лет [7]. Для достижения показателя Германии нужно выделять в год, по крайней мере, 78 млрд евро на оборону. Остается открытым вопрос о том, как будут реализованы эти планы при текущей бюджетной политике [8, S. 6].

Внешняя политика и политика безопасности и обороны Германии строится на принципах стабильности, предсказуемости, что усложняет быстрый переход в изменяющихся обстоятельствах, особенно когда он касается вопросов войны и мира. Еще одним фактором, затрудняющим быстрое реагирование, является сама немецкая политическая система, построенная на коалиционном согласии, которое порой достигается достаточно продолжительное время [9]. Но в духе бюрократической модели Вебера политической системе требуется определенное количество времени на то, чтобы адаптироваться к быстро меняющимся условиям, но начав поступательное движение на пути к этим изменениям, остановить их будет сложно. “*Zeitwende*” демонстрирует готовность немецкой политической системы к активному действию, направленному на трансформацию векторов внутренней и внешней политики [10].

О Стратегии национальной безопасности ФРГ

Репрезентацией «Смены эпох» стала в том числе опубликованная 14 июня 2023 г. первая в истории современной ФРГ Стратегия национальной безопасности – «Интегрированная безопасность для Германии. Национальная стра-

тегия безопасности» (далее – СНБ, Стратегия). Разработка данной Стратегии являлась частью обязательств по коалиционному договору, заключенному «светофорной» коалицией в декабре 2021 г. [11]. Сроки публикации документа откладывались несколько раз, что связано со сложностями в согласовании излагаемых положений между различными ведомствами (составитель – Министерство иностранных дел ФРГ).

О феномене интегрированной безопасности.

Стратегия сфокусирована вокруг трех ключевых терминов – «оборонеспособный», «устойчивый», «последовательный», их комплекс представляет собой костяк концепта «интегрированная безопасность». Интегрированность в подходе к вопросам безопасности не является исключительно немецкой реалией, она присутствует в стратегических документах и других стран, таких как Великобритания, США и Франция. Их семантика, безусловно, варьируется в зависимости от интересов и приоритетов конкретного государства.

Если проанализировать концептосферу феномена интегрированной безопасности, то палитра входящих в него значений весьма широка, включает безопасность как на индивидуальном уровне, так и коллективную безопасность и безопасность государства в целом, подразумевая, что на всех уровнях она имеет равно важное значение. В этом смысле ставится знак равенства между внутренней и внешней безопасностью, так как без одной невозможно существование другой. В Стратегии указано, что ввиду увеличения количества и комплексности угроз безопасности, затрагивающих все сферы жизни общества, экономику и т.д., расширяется и семантика феномена безопасности, в данном случае интегрированной безопасности. В нее же входит технологический и цифровой суверенитет, кибербезопасность, обеспечение бесперебойности продовольственных и ресурсных цепочек (т.е. экономическая безопасность), превентивное урегулирование и стабилизация кризисов, миротворчество, гуманитарная помощь, работа в сфере улучшения экологии, защита прав человека, здравоохранение, права человека и т.д. В документе дается следующее определение интегрированной безопасности с точки зрения используемого инструментария – «сочетание потенциала в гражданской и военной сфере, а также ресурсов полиции для их использования в кризисном реагировании, превентивном урегулировании и предотвращении кризисов в целом на международном уровне» [12, S. 14].

Первый год разработки Стратегии совпал с эскалацией конфликта на Украине, что, судя по всему, оказало влияние на содержание документа. Анализ частоты встречаемости показал, что Россия упоминается в документе в различных формулировках порядка 19 раз (ср.: Китай – 6 раз, НАТО – 32 раза). Особое внимание обращает на себя статус России в Стратегии – РФ позиционируется в обозримой перспективе как нарастающая угроза безопасности Германии и ее союзников. Если обратиться к предыдущему основному документу, регламентирующему вопросы немецкой безопасности, – Белой книге политики безопасности и будущего бундесвера 2016 г., то Россия характеризовалась в нем как вызов безопасности [13, S. 32]. Можно наблюдать связь между трансформацией статуса РФ в политике безопасности и обороны ФРГ и эскалацией конфликта на Украине в феврале 2022 г.: весьма вероятен сценарий, при котором статус РФ в Стратегии был бы идентичен указанному в 2016 г. в Белой книге.

В Стратегии особое внимание уделяется роли бундесвера, а также важности преодоления порога в 2% ВВП на оборону. Достижение этой цели не презентуется как громкий лозунг, отмечено, что выход на показатель является задачей на перспективу нескольких лет, и реализация его возможна за счет задействования средств из 100-миллиардного специального фонда. Что касается сотрудничества в сфере безопасности, то здесь безусловная ключевая роль отводится Североатлантическому альянсу и Европейскому союзу как институтам обеспечения коллективной безопасности. Последний тезис не является новой реальностью, он указывался в ключевых документах в области безопасности (см., например, Белую книгу). В Стратегии, помимо этого, указано, что Германия продолжит расширять и укреплять свое военное присутствие на территории Североатлантического альянса для оказания при необходимости военной поддержки стран-партнеров [12, S. 33].

Анализ вызовов и угроз безопасности ФРГ.

Анализ отношений ФРГ с разными странами варьируется в зависимости от актора. Российская Федерация позиционируется в обозримой перспективе как нарастающая угроза свободе и безопасности евроатлантического пространства. Политика России оценивается как нарушающая европейский миропорядок и стратегическую стабильность и напрямую угрожающая безопасности Германии и ее союзников по блоку НАТО. При этом страны ЕС и НАТО не ставят целью прямое противостояние

или конфронтацию с РФ, но страны выражают готовность к обороне своего суверенитета и независимости. С перспективы ФРГ целями РФ являются дестабилизация демократии в Европе, ослабление ЕС и НАТО, осуществляя действия, компрометирующие международное право и права человека, которые реализуются за счет использования традиционных вооруженных сил, возможности задействования своего ядерного потенциала, и ресурсов энергетической политики. Федеральное правительство выступает за снижение стратегических рисков и усиление предсказуемости и прогнозируемости в отношениях с РФ, а также за сохранение политических и военных каналов коммуникации по линии Россия – НАТО.

Китай рассматривается, с одной стороны, как партнер, с другой – как конкурент и системный соперник, но даже при таком сценарии именно партнерские отношения с КНР могут решить или способствовать решению глобальных вызовов.

В Стратегии определены следующие угрозы безопасности: а) снижение контроля над вооружениями, разоружением и нераспространением (в том числе ядерного) оружия; б) угрозы экономической безопасности (а именно политическое противоборство стран, негативно влияющее на деятельность международных экономических и финансовых институтов); в) организованная преступность; г) изменение климата и истощение природных ресурсов; д) бедность, голод, войны и конфликты, возникающие из-за экологического кризиса и нехватки ресурсов.

«Зеленая повестка» в СНБ.

Определенное влияние на содержание Стратегии оказали Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) (к которой принадлежат канцлер ФРГ Олаф Шольц и министр обороны Борис Писториус) и Союз 90/Зеленые (к которой принадлежат министр иностранных дел Анналена Бербок, министр экономики и защиты климата Роберт Хабек и министр по охране окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности Штеффи Лемке), что прослеживается в положениях документа. Присутствует и так называемая зеленая повестка: экологической проблематике уделено существенное внимание, что вкладывается в политику «энергетического перехода» (“Energiewende”), реализуемую в ФРГ уже на протяжении более трех десятилетий [14]. Важное значение отводится вопросам экономической безопасности, а именно проблеме сырьевой зависимости ФРГ, возможным перебоим в поставках природ-

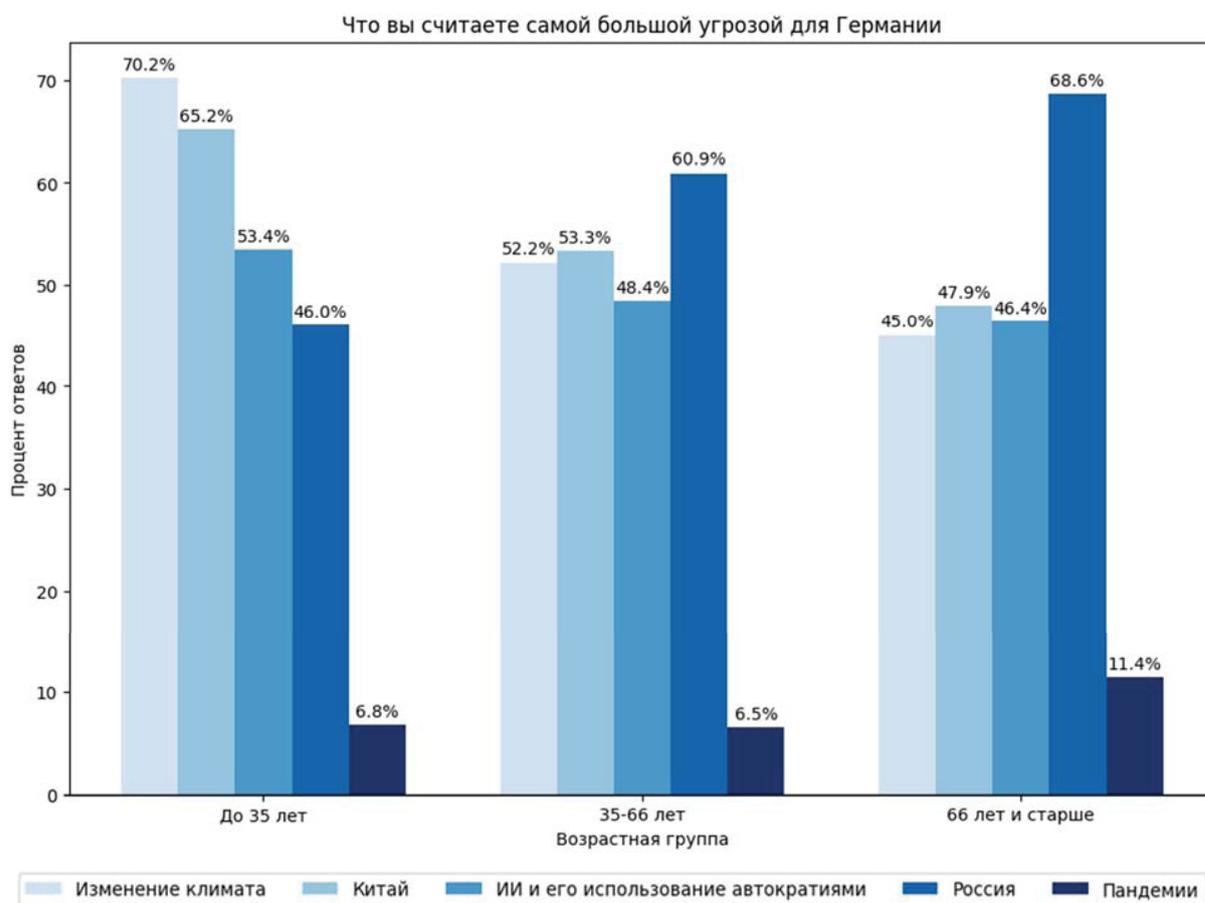

ных ресурсов. Пандемия COVID-19, конфликт на Востоке Украины показали, что Германия крайне зависима от сырьевых поставок в целом (на 2019 г. зависимость составляла порядка 68% [15]), поэтому «зеленая повестка» в Стратегии не представляется удивительной. При этом не стоит исключать и влияние партийной принадлежности глав министерств на появление в том числе и положений, связанных с экологической безопасностью [16, 17].

Общественный запрос на безопасность?

Опросы общественного мнения показывают, что в немецком обществе существует запрос на положения, приведенные в Стратегии (рисунок). В возрастной группе до 35 лет изменения климата рассматриваются как преобладающая угроза безопасности Германии (70,2%), эта же угроза ярко выражена в группе

35–66-летних (52,2%). В группе респондентов старше 66 лет этот параметр не так сильно выражен, но тоже занимает высокие значения (45,0%). Китай занимает второе место в списке угроз во всех возрастных группах. На третьем месте находится угроза безопасности ФРГ со стороны РФ, которая оценивается как наиболее весомая в группах респондентов старше 35 лет. В этом смысле неудивительно, что в СНБ в одном из финальных положений отмечены важность и необходимость проведения общественных дискуссий, посвященных проблемам безопасности. Его наличие опосредовано и еще одной проблемой, которая возникла при разработке Стратегии, а именно отсутствием (или крайней нехваткой) влияния научно-исследовательского и экспертного сообществ на содержание документа.

Результаты социологического опроса, посвященного оценке угроз безопасности ФРГ (июнь 2023 г.)¹ [18] (цвет онлайн)

¹ Исследование проводилось Немецким обществом внешней политики (Die Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. (DGAP)) с 1 по 8 июня 2023 г. В онлайн-опросе приняли участие 2849 чел., которые являются членами Общества (т.е. это люди, интересующиеся вопросами внешней и оборонной политики Германии). Около 40% респондентов являются жителями Берлина, но результаты, полученные в столице, схожи с результатами, полученными за пределами Берлина.

Quo vadis?

Стратегия национальной безопасности ФРГ, по сути, является резюмированием и обобщением положений, выдвинутых в уже имеющихся доктринальных документах, регламентирующих вопросы безопасности, будь то Белая книга политики безопасности и будущего бундесвера 2016 г., Стратегия устойчивого развития Германии 2016 г. или Белая книга мультилатерализма 2021 г. Это логично, ведь для доктринального документа, тем более для стратегии, необходима подготовленная, в том числе документальная, база, на которой будет строиться перспектива. Но в СНБ есть один важный нюанс: ее положения несут, скорее, аналитический, фактологический характер, где элемент прогнозирования выражен крайне слабо, равно как и инструментарий и средства, за счет которых будут достигаться поставленные цели и задачи. Как справедливо отмечает представитель Института международных отношений Welt Trends В. Лапинс, документ, претендующий на стратегию, должен соответствовать определенным критериям, а именно в нем должно отражаться четко регламентированное, системное распределение имеющихся ресурсов, требуемых для реализации поставленных целей, которым присваивается приоритетность выполнения. В документе же многочисленные цели и задачи определяются как достижимые, выполнимые, требующие развития, доработки и т.д., что, по сути, снимает обязательства по их выполнению, равно как делает перспективу реализации абстрактной, в какой-то степени «подвешенной в воздухе». Профессор В. Лапинс в этой связи приводит характерную цитату из «Die Zeit», что СНБ – «это не стратегический документ, а подтверждение того, что мы хорошие, занимаемся только хорошими делами и желаем всем людям всего наилучшего» [19, S. 66].

Учитывая бюрократические преграды, а также сложности в достижении межведомственного консенсуса, было бы закономерным закрепить в Стратегии создание органа, который бы отвечал за организацию и практическую реализацию поставленных в СНБ приоритетов – Национального совета безопасности. Как отмечает немецкий политолог М. Кайм, Стратегия открывает перспективы для создания институтов, ответственных за реализацию положений не только самой Стратегии, но и других документов, регламентирующих политику безопасности и обороны ФРГ. Создание Центра национальной безопасности при Ведомстве фе-

дерального канцлера, агрегирующего и операционализирующего положения СНБ и других доктринальных документов по безопасности, могло бы способствовать структурированию процессов выполнения намеченных целей политики безопасности [20], а также возлагало бы ответственность за реализацию на определенную структуру, обеспечивая, таким образом, ее подотчетность. Создание Национального совета безопасности или Центра национальной безопасности (т.е. институциональной структуры, ответственной за реализацию СНБ) в настоящий момент представляется туманным из-за отсутствия межведомственного консенсуса относительно структуры, курирующей подобный совет или центр (будет ли это Министерство иностранных дел, или Министерство обороны, или Ведомство федерального канцлера). Одним из вариантов решения этой проблемы могло бы стать расширение функционала и развитие существующего Федерального совета безопасности (Bundessicherheitsrat).

Подведем итоги изложенного. Министерство обороны ФРГ 10 ноября 2023 г. опубликовало новый документ, Директиву по оборонной политике (Verteidigungspolitische Richtlinien), ранее издававшийся в 2011 г. Документ заслуживает внимания по следующим причинам. Во-первых, актуализация документов, которая ранее происходила в среднем раз в 10 лет, в реалиях скоротечных региональных и глобальных трансформаций должна происходить чаще, поэтому появление обновленной Директивы было весьма ожидаемо [21]. Во-вторых, Директиву можно считать концептуализацией положений, изложенных в СНБ, представленной с точки зрения конкретного ведомства, Министерства обороны ФРГ. В Директиве представлена конкретизация спектра угроз безопасности ФРГ, а также оценка отношений Германии со странами в разных регионах. В документе заложен важный принцип, определяющий деятельность вооруженных сил ФРГ, которые, в первую очередь, должны быть способны к ведению боевых действий, что отводит на второй план функцию кризисного и превентивного урегулирования, доминировавшую в течение многих лет. Более того, в документе утверждается, что оборонное ведомство нуждается в структурных реформах, нацеленных на редуцирование бюрократических барьеров и стимулирование более оперативного процесса принятия решений.

Анонсирование «Смены эпох» и публикация Стратегии свидетельствуют о попытке ФРГ подчеркнуть свой status quo, а также вы-

работать собственную стратегическую культуру. Профессор В. К. Белозёров полагает, что документ не лишен противоречий, но в нем Германией предпринята попытка собственного позиционирования в условиях глобальных и региональных турбулентностей, а также в реалиях протекающих социально-политических процессов внутри страны [16, с. 176].

Список литературы

- GfDS wählt «Zeitenwende» zum Wort des Jahres 2022. URL: <https://gfds.de/wort-des-jahres-2022/> (дата обращения: 30.01.2024).
- Kleinwächter L. Drei Jahrzehnte neue deutsche Außen- und Sicherheitspolitik // *Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka*. 2021. № 1 (XLII). S. 19–30. <https://doi.org/10.48269/2451-0718-btip-2021-1-001>
- Gareis S. B. Deutschlands Außenpolitik in einer Welt im Umbruch – Herausforderungen und Ansätze // *GWP – Gesellschaft. Wirtschaft. Politik*. 2021. Jg. 70, № 3. S. 383–394. <https://doi.org/10.3224/gwp.v70i3.08>
- Szabo S. F. Germany: From civilian power to a geo-economic shaping power // *German Politics and Society*. 2017. Vol. 35, iss. 3. P. 38–54. <https://doi.org/10.3167/GPS.2017.350303>
- Feltes A., Masuhr N. German Military Planning: Aims and Trade-Offs // *CSS Analyses in Security Policy*. 2023. № 329. P. 1–4. URL: <https://css.ethz.ch/en/center/CSS-news/2023/09/german-military-planning-aims-and-trade-offs.html> (дата обращения: 30.01.2024).
- Verteidigungsetat 2024 wächst um 1,7 Milliarden Euro – NATO-Quote wird erreicht. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/gruenes-licht-im-kabinett-verteidigungsetat-2024-5648648> (дата обращения: 30.01.2024).
- Mölling C., Schütz T., Hellmonds S. German Defense Spending: A Repeat of the Past Instead of a New Era // *DGAP Policy Brief*. 2023. № 19. P. 1–9. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-87680-5> (дата обращения: 30.01.2024).
- Krause C. C. Die verpasste Chance: Eine Analyse macht noch keine Strategie. Berlin : Konrad-Adenauer-Stiftung e. V., 2023. S. 1–8. URL: <https://www.kas.de/ru/monitor/detail/-/content/die-verpasste-chance-eine-analyse-macht-noch-keine-strategie> (дата обращения: 30.01.2024).
- Blumenau B. Breaking with convention? Zeitenwende and the traditional pillars of German foreign policy // *International Affairs*. 2022. Vol. 98, iss. 6. P. 1895–1913. <https://doi.org/10.1093/ia/iia166>
- Соколов А. П. Quo vadis, Germania? // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 4. С. 135–149. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-4-135-149>, EDN: YGPFYC
- Mehr Fortschritt wagen: Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. Koalitionsvertrag 2021–2025 zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD), Bündnis 90 / Die Grünen, und den Freien Demokraten (FDP). Berlin, den 7. Dezember 2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/koalitionsvertrag-2021-1990800> (дата обращения: 30.01.2024).
- Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Auswärtiges Amt. Juni 2023. Berlin. 76 S. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/publikationen/nationale-sicherheitsstrategie-2197780> (дата обращения: 30.01.2024).
- Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2016. 142 S.
- Quitrow R., Thielges S. The German energy transition as soft power // *Review of International Political Economy*. 2022. Vol. 29, iss. 2. P. 598–623. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1813190>
- Rabbi M. F., Popp J., Máté D., Kovács S. Energy Security and Energy Transition to Achieve Carbon Neutrality // *Energies*. 2022. Vol. 15, iss. 21. Art. 8126. <https://doi.org/10.3390/en15218126>
- Белозёров В. К. Германия конструирует стратегическую культуру // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, № 5. С. 166–177. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177>, EDN: PGWHLA
- Белов В. Б. Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности // *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2023. № 2 (34). С. 44–53. <https://doi.org/10.15211/analytics21320234453>, EDN FNQLHV
- Gritz A., Wolff G. Sicherheit als Generationenfrage: Prioritäten für die Nationale Sicherheitsstrategie unter DGAP-Mitgliedern. (DGAP Memo, 1). Berlin : Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V., 2023. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-87676-0> (дата обращения: 30.01.2024).
- Lapins W. Keine Trittsicherheit im außenpolitischen Strategiegebirge // *Welt Trends. Zeitschrift für Internationale Politik*. Winter 2023/2024. № 199. S. 62–68.
- Kaim M. Die Nationale Sicherheitsstrategie: Schritte der Verstetigung // *Nach der Nationalen Sicherheitsstrategie – die nächsten Schritte / koord.: M. Kaim, S. Mair*. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2023. (360 Grad). URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/nach-der-nationalen-sicherheitsstrategie-die-naechsten-schritte> (дата обращения: 30.01.2024).
- Белозёров В. К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // *Вестник аналитики*. 2006. № 3. С. 128–138.

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 236–244

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 236–244

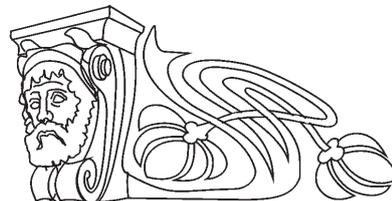
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-236-244>, EDN: LWUPZS

Научная статья

УДК 321.01

Социальное государство как фактор снижения противоречий в правящей элите на примере России конца XIX – начала XX вв.

О. А. Пак

¹Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Пак Олег Александрович, ¹младший научный сотрудник; ²аспирант кафедры истории социально-политических учений, pak@polit.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4544-8469>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании в России основ социального государства на рубеже XIX–XX столетий. При этом акцент делается на то, что с утверждением о необходимости расширения социальных функций государства могли быть согласны представители политической элиты, отличающиеся различными идеологическими воззрениями и представлениями об идеальной форме правления. Целью работы является определение влияния идей о необходимости построения в России социального государства и отдельных воплощённых в жизнь элементов этой идеи на снижение противоречий в рядах правящей элиты. Наиболее значимыми источниками являются документы политических партий России, которые сформировались в начале XX в. и принимали участие в работе Государственной Думы. Эти источники позволяют увидеть, что, несмотря на порой значительные расхождения в вопросах о форме правления, государственного устройства и политических свободах, большинство партий склонны были признавать необходимость развития в России социального государства. Это проявилось во внесении в партийные программы соответствующих пунктов, посвящённых рабочему вопросу, развитию системы государственного страхования, а также внедрению бесплатного образования. Результаты исследования показывают, что в России, как и в большинстве европейских стран, происходило постепенное понимание необходимости построения социального государства. При этом консенсус в данном вопросе мог способствовать снижению уровня противоречий в правящей элите. Однако отдельные расхождения в конкретных программах политических партий относительно элементов социального государства могли выступать в качестве поводов для конфликтов.

Ключевые слова: политическая элита, социальное государство, политические партии, Государственная Дума, С. В. Зубатов, рабочий вопрос, российский либерализм, партийные программы, государственное страхование, П. И. Новгородцев

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Для цитирования: Пак О. А. Социальное государство как фактор снижения противоречий в правящей элите на примере России конца XIX – начала XX вв. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 236–244. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-236-244>, EDN: LWUPZS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The welfare state as a factor in reducing contradictions in the ruling elite on the example of Russia in the late XIX – early XX centuries

О. А. Пак

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FNISCS RAS), 24/35, korpus 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Oleg A. Pak, pak@polit.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4544-8469>

Abstract. The article deals with the formation of the foundations of the social state in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. At the same time, the emphasis is placed on the fact that representatives of political elite, differing in various ideological views and ideas about the ideal form of government, could agree on the need to expand social functions of the state. The aim of the article is to determine the influence of ideas about the need to build a social state in Russia and certain elements of this idea implemented in life on reducing contradictions in the ranks of the rul-

ing elite. The most significant sources are the documentation of political parties in Russia, which were formed at the beginning of the XX century and took part in the work of the State Duma. These sources allow us to see that, despite sometimes significant differences in issues concerning the form of government, the state structure and political freedoms, most parties were inclined to recognize the need for the development of a social state in Russia. This was manifested in the introduction of relevant items in the party programs devoted to the working issue, development of the state insurance system, as well as the introduction of free education. The results of the study show that in Russia, as in most European countries, there was a gradual understanding of the need to build a social state. At the same time, consensus on this issue could help reduce the level of contradictions in the ruling elite. However, some discrepancies in specific programs of political parties regarding the elements of the welfare state could act as reasons for conflicts.

Keywords: political elite, social state, political parties, State Duma, S. V. Zubatov, working issue, Russian liberalism, party programs, state insurance, P. I. Novgorodtsev

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the State Task of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2023 on the topic "Justice and the welfare state as a category of politics: historical tradition and modern interpretations" (Reg. number of the USISU R&D 123091800035-0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

For citation: Pak O. A. The welfare state as a factor in reducing contradictions in the ruling elite on the example of Russia in the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 236–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-236-244>, EDN: LWUPZS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Необходимость исполнения государством социальных функций в России на сегодняшний момент закреплена на законодательном уровне. При этом процесс перехода к социальному государству мог быть достаточно длительным, допускающим различные истолкования государственных обязанностей и самого содержания понятия достойного уровня жизни, который должен быть гарантирован каждому гражданину. Большинство исследователей признаётся значимость социального государства как важного фактора для снижения общей социальной напряжённости в обществе, однако в гораздо меньшей степени рассмотрен вопрос о взаимосвязи реализации идеи социального государства и снижения противоречий в рядах политической элиты. Соответственно, можно говорить об актуальности изучения процесса перехода к социальному государству в контексте того, каким образом он влиял на возможность выработки консенсуса у представителей элиты, имеющих различные идеологические и политические взгляды.

Целью работы является определение наиболее значимых особенностей формирования социального государства в России на рубеже XIX–XX вв. и отношения к этому процессу правящей элиты. Научная новизна работы заключается в том, что в ней становление социального государства в России рассматривается как важный фактор сплочения правящей элиты вне зависимости от расхождений в остальных вопросах политического характера.

Построение социального государства опирается на предпосылки социально-экономического развития общества. Однако непосредственная реализация концепции социального

государства возможна лишь в результате целенаправленной политики власти [1, с. 56], что предполагает необходимость признания актуальности подобной модели в среде правящей элиты. В свою очередь, можно говорить и о том, что консенсус в отношении необходимости совершенствования социальной политики государства мог быть предпосылкой для снижения противоречий в рядах самой элиты.

Можно согласиться с А. А. Вилковым в том, что именно политическая элита традиционно вносит значительный вклад в формирование основ взаимодействия власти и общества, а также в успешность общего курса страны к «социально-экономическому благополучию» [2, с. 110]. Социальное государство является той целью, которая позволяет консолидировать власть и общество на основе общих представлений о желаемом будущем. При этом образ будущего в общественном сознании может быть неопределённым и опираться преимущественно на житейский опыт, что делает его достаточно фрагментарным и несистемным. Однако даже в таком виде он может обладать «мощным мотивационным потенциалом» [2, с. 110]. Впрочем, не стоит игнорировать и возможные риски, возникающие в случае, когда этот общественный идеал справедливого государства не совпадает с теми идеями, которые пытается внедрить правящая элита.

Предпосылками понимания необходимости развития социального государства в среде элиты можно считать общий прогресс в экономике и системе политического управления, который предполагал возможность расширить функции государства, в более ранний период преимущественно сводившиеся к защите от

внешних противников и охране правопорядка. Традиционно принято считать, что образцом для большинства европейских государств, включая и Россию, в данном вопросе могли выступать Германская империя и соответствующие преобразования канцлера О. Бисмарка. Однако в России существовал и собственный опыт политики государства, направленный на поддержку наиболее социально незащищённых слоёв населения [3, с. 129].

Во многом необходимость развития социального государства была связана с ростом численности такой категории населения, как пролетариат. В отличие от крестьянства, эта социальная группа в гораздо большей степени зависела от взаимоотношений с представителями экономической элиты в лице активно развивающегося класса буржуазии. Также промышленные рабочие не имели возможности опереться на поддержку в кризисной ситуации со стороны общины, которая в России во многом исполняла функции, связанные с социальной помощью.

При этом необходимость вмешательства со стороны государства в отношения между промышленниками и рабочими, а также предоставление определённых социальных гарантий были осознаны представителями элиты далеко не сразу. Можно в качестве характерного примера указать на мнение С. Ю. Витте, который даже в 1895 г. склонен был полагать, что в России, в отличие от западноевропейских стран, просто не существовало «рабочего вопроса» в силу отсутствия класса пролетариата как такового [4, с. 35].

Однако постепенный рост протестного движения, забастовок, стачек, в ходе которых выдвигались требования преимущественно социального характера, заставлял государственную власть принимать меры, которые можно рассматривать как направленные на развитие социального государства. Были приняты законы, которые должны были обеспечить защиту интересов женщин и несовершеннолетних, работающих на предприятиях текстильной промышленности. В 1882 г. был запрещён труд детей, не достигших 12 лет, а также дети не должны были работать в ночную смену.

Важной вехой в данном направлении государственной политики можно считать закон 1886 г., во многом ориентированный на западноевропейский опыт и предусматривающий необходимость государственного контроля за отношениями предпринимателей и наёмных рабочих [4, с. 34]. С 1893 г. фабриканты должны были выплачивать компенсации рабочим, по-

лучившим увечья во время трудовой деятельности. Впрочем, действие этого закона не распространялось на мелкие предприятия. Инициировались определённые шаги в плане ограничения максимальной продолжительности трудового дня, в частности, определялась на законодательном уровне длительность рабочего дня перед праздниками – 11,5 час. и в ночное время – 10 час. Создаваемые государством фабричные инспекции должны были заниматься регулированием отношений рабочих и предпринимателей, предотвращать возможные конфликты. Особое внимание при этом обращалось на выявление причин забастовок, проверялась законность налагаемых на рабочих штрафов [4, с. 36].

Как в своё время в Германии, в России государство начинало создавать систему социального страхования. Предприниматели должны были обеспечивать своих рабочих бесплатной медицинской помощью. Спецификой Российской империи можно считать то, что вплоть до начала XX в. государство не считало нужным непосредственно взаимодействовать с представителями различных общественных групп и движений в сфере социальной политики. При этом в рядах политической элиты формировались представления о необходимости большего вовлечения государства в разрешение социальных проблем. Расхождение в вопросах о степени государственного вмешательства и его конечных целях может говорить о достаточно высокой степени консенсуса в рядах политической элиты по вопросу о необходимости интенсификации социальной политики государства.

Значимым моментом в истории развития как социального государства, так и правящей элиты считается октябрьский Манифест 1905 г., в рамках которого была легализована деятельность политических партий. После начала работы 1-й Государственной думы можно говорить о существенном расширении рядов правящей элиты. Причём стали возможны гораздо более открытые дискуссии о том, какой должна быть политика государства. Вопросы социального обеспечения воспринимались как одни из наиболее актуальных практически всеми политическими силами. Это создавало предпосылки для поиска компромиссов, хотя и не отменяло расхождений по многим вопросам о методах построения социального государства и его сущности.

При этом необходимо было учитывать специфику понимания социальной справедливости большинством российского общества, которое было по своему происхождению пре-

имущественно крестьянским. А. А. Вилков верно указывает на то, что в дореволюционной России справедливость воспринималась в контексте религиозно-нравственных ценностей [5, с. 23]. В то же время значимую роль продолжали играть и общинные традиции, ведь несмотря на реформы П. А. Столыпина, значительная часть крестьянства продолжала жить именно в рамках общины. При таком подходе к пониманию справедливости большое значение играла личность монарха, в которой видели наместника Божьего на Земле. Высокая степень уважения, доходившая порой до сакрализации фигуры царя, при этом сочеталась со столь же высокой степенью ответственности за благополучие народа. Именно монарх воспринимался как человек, который должен был не только обеспечить защиту от внешних врагов, но и урегулировать возможные конфликты внутри общества с учётом интересов всех социальных групп.

Если говорить о роли общинного идеала справедливости, то необходимо отметить, что он предполагал необходимость «баланса общинных и личных интересов». С одной стороны, этот идеал порой мог выступать препятствием для ускорения экономического развития, сковывая хозяйственную инициативу отдельных крестьян. Однако, с другой стороны, он защищал интересы наиболее социально уязвимых членов общины и препятствовал слишком высокой степени социального расслоения. Также можно говорить о высокой роли традиций при оценке явлений с точки зрения идеала справедливости. Крестьянское большинство предпочитало урегулировать возможные конфликты и споры, выстраивать систему самоуправления «на базе обычного права» [5, с. 24].

Можно указать на то, что многие представители правящей элиты понимали необходимость развития в России социального государства как единственного пути для снижения напряжённости в обществе. Социальное государство рассматривалось как позитивная альтернатива дальнейшему развитию революционного движения, которое всё больше охватывало рабочий класс. Государство в данном случае должно было показать пролетариату, что оно готово отстаивать социально-экономические интересы рабочих, в том числе и поддерживая их в спорах с владельцами предприятий. Рабочие должны были убедиться, что построение социального государства возможно не в результате противопоставления своих интересов правящей элите, а в сотрудничестве с ней в целом и с её отдельными представителями.

Наиболее характерным примером попытки правящей элиты развивать социальное государство, при этом одновременно борясь с революционным движением, можно считать деятельность С. В. Зубатова. Начальник Московского охранного отделения пришёл к выводу о том, что добиться спокойствия в обществе невозможно лишь путём репрессий. Зубатов считал необходимым различать революционное движение, для которого главной задачей было свержение существующего строя, что неприемлемо для правящей элиты, и рабочее движение, которое было сосредоточено на защите своих социально-экономических интересов. С последним элита могла выстраивать взаимовыгодное сотрудничество, возможное при активизации социальной политики государства, обеспечении справедливости при урегулировании отношения рабочих и промышленников.

Намерения начальника Московского охранного отделения нашли поддержку у многих представителей правящей элиты. Его идеи заинтересовали обер-полицмейстера Москвы Д. Ф. Трепова. Одобрил доклад с зубатовскими идеями и генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович [6, с. 201–207]. Стоит особо отметить, что в своей деятельности Зубатов мог опираться не только на тех представителей элиты, которые бы характеризовались как консерваторы и безусловные сторонники сохранения самодержавной монархии. Видеть в социальном государстве, которое выстраивалось правящим режимом, альтернативу революции могли и представители либерального лагеря, многие из которых привлекались к написанию соответствующих учебных материалов для рабочих или чтению лекций. При этом правящая элита могла считать вполне допустимым даже проведение забастовок и поддерживать требования рабочих, если они заключались именно в требованиях социального характера, не затрагивая непосредственно сложившуюся систему правления. Символом успеха идей Зубатова можно считать массовое шествие рабочих в 1902 г. в Москве, на котором социальные требования сочетались с монархическими лозунгами [6, с. 314].

Понимание необходимости развития в России социального государства при этом вполне могло сочетаться со стремлением правящей элиты сохранить определённую замкнутость, исключить попадание в собственные ряды людей, которые в силу происхождения не принадлежали к наиболее привилегированной части общества. Важным механизмом отбора пред-

ставителей элиты могли в данном случае выступать наиболее престижные учебные заведения, которые не только давали образование, но и способствовали формированию личных связей между будущими представителями правящей элиты. В Павловское и Александровское военные училища могли быть приняты только потомственные дворяне [7, с. 9]. Строгий социальный фильтр был предусмотрен также и в Пажеском корпусе, где преимущественным правом поступления пользовались дети и внуки генералов, а также гражданских чиновников, относящихся к трём высшим классам. Однородная социальная среда в данном случае должна была способствовать выработке схожих социально-политических взглядов, однако сами эти взгляды вполне могли признавать необходимость развития в России элементов социального государства.

Представления о том, насколько обширными должны быть обязанности государства в плане обеспечения социальных потребностей населения, могли расходиться у представителей правящей элиты в зависимости от приверженности к той или иной идеологической парадигме конкретной партии. В наибольшей степени соответствовали представления о социальном государстве той части элиты, которая придерживалась либеральных взглядов, хотя и в этой среде можно говорить о многих расхождениях, сложностях в понимании базовых понятий, связанных с идеей социального государства.

Центральным понятием в рамках либерального дискурса стало «достойное существование» [8, с. 144]. При этом многие либералы признавали, что этот термин является достаточно субъективным, хотя не отказывались от необходимости закрепить его на законодательном уровне. Так, П. И. Новгородцев писал о том, что всегда возможно провести ту грань, где можно говорить о нарушении прав человека на достойную жизнь. Если рассматривать такой широко распространённый вопрос, как максимальная продолжительность рабочего дня, то можно считать субъективными расхождениями мнения о необходимости 8 или 9 рабочих часов. Но не могло быть сомнения в том, что рабочий день свыше 12 часов является примером эксплуатации и несовместим с достойным существованием [8, с. 145].

На рубеже XIX–XX вв. происходила модернизация либеральных представлений о том, кто должен был выступать в качестве силы, обеспечивающей этот всеобщий достойный уровень жизни, позволяющий двигаться по

пути материального и духовного прогресса, избегая нарастания социальной напряжённости. В рамках классической либеральной модели, выразителем которой можно признать Б. Н. Чичерина, говорить о массовой социальной помощи можно было только в рамках развития благотворительности, где акцент делался на соответствующем развитии общественной морали, а не на политике государства [8, с. 145]. Вмешательство государства рассматривалось как нарушение принципа справедливости, ущемление в той или иной мере прав более обеспеченной части населения.

Представители более позднего либерализма считали такой подход ошибочным, так как это неизбежно заставит многих людей сталкиваться с проблемами и воспринимать достойное существование как нечто случайное и не всегда возможное. П. И. Новгородцев и его единомышленники полагали, что обязанность по социальной поддержке граждан должна быть возложена на государство [9, с. 47]. Только такой подход мог гарантировать важнейшую ценность в рамках либерального мировоззрения – свободу. При этом гарантии достойного существования для каждого гражданина не должны были привести к социальной пассивности, а наоборот, развивать чувство самоуважения, готовность действовать для улучшения своей жизни. Именно развитие социального государства должно было привести к становлению в России гражданского общества, что могло в том числе и сгладить противоречия между правящими элитами и остальной частью социума. Такой подход предполагал необходимость юридического закрепления обязанностей правительства в социальной сфере, так как в противном случае всё ограничилось бы только благими пожеланиями. В социальном государстве гражданин имел право требовать от властных структур предоставления ему определённых благ и защиты своих прав. На государственные институты должно было быть полностью возложено обеспечение системы по заботе о нетрудоспособных [8, с. 146].

Сложность в данном случае могла заключаться в том, что реализация комплекса прав, обеспечивающих в целом право на достойное существование, могло входить в противоречие с рядом других либеральных свобод, которые имели большое значение для многих представителей правящей элиты. К числу таковых можно отнести право на труд. Попытка его реализации во время революционных событий во Франции оказалась безуспешной, но предполагалось, что

прогресс в области экономики должен сделать воплощение этого права более реалистичным. Каждый работающий человек имел право рассчитывать на то, что сможет таким образом обеспечить себе достойное существование. Для того чтобы это соответствовало реальности, в программе Конституционно-демократической партии (кадетов) говорилось о необходимости увеличить площадь земельных участков, которые принадлежали тем, кто их обрабатывал собственным трудом [10]. В противном случае малоземельные крестьяне могли сталкиваться с тем, что труд не гарантирует им даже выживания, не говоря уже о достойном существовании.

Проблема этого предложения состояла в том, что оно подразумевало возможность отчуждения части помещичьей земли, пусть и с предусмотренной компенсацией со стороны государства. Естественно, что подобные намерения не могли не вызывать опасения у той части элиты, которая состояла из дворян-землевладельцев.

Необходимость реализации принципов социального государства в наибольшей степени проявилась у партии кадетов в их взглядах по рабочему вопросу. Для лучшей защиты прав пролетариата предполагалось участие их выборных представителей в работе инспекций, предназначенных для контроля за соблюдением законов об охране интересов трудящихся [11, с. 2–3]. Кадеты полагали, что на государственном уровне должно быть принято решение о введении 8-часового рабочего дня, а также законодательно ограничен ночной и сверхурочный труд, за исключением тех случаев, где это было связано с характером производства. Особо выделялась необходимость государства защищать интересы работающих женщин и детей. Не был обделён вниманием в программе кадетов и вопрос о страховании, обязанность за соблюдением которого должна была быть в компетенции государства. При этом в случае увечий на производстве и профессиональных заболеваний издержки должны были возлагаться на предпринимателей [10].

Необходимость перехода к социальному государству признавалась и теми представителями политической элиты, которые склонны были в полной мере поддерживать политическую систему, установившуюся в результате октябрьского Манифеста 1905 г. В программе партии «Союз 17-го октября» (октябристов) говорилось о необходимости действовать одновременно для преодоления революционного кризиса и исполнения народных нужд [12]. Од-

ним из наиболее актуальных вопросов являлся статус рабочего. В программе октябристов говорилось о необходимости принятия законов, которые обеспечили бы защиту интересов и прав этой категории населения. При этом специфической взглядов партийцев можно признать то, что успешность подобной политики они связывали с прогрессом российской промышленности в целом [13, с. 68]. Соответственно, необходимо было отказаться от попыток противопоставить друг другу интересы рабочих и промышленников. При этом предлагалось ориентироваться на опыт, уже приобретённый наиболее развитыми в промышленном отношении странами.

Однако можно указать и на признание октябристами потребности внедрения ряда мер, которые бы непосредственно свидетельствовали о развитии социального государства. Сюда можно отнести тезисы о необходимости обеспечения рабочих и членов их семей в случае увечья или смерти трудящегося. Говорилось в программе октябристов также о целесообразности повсеместного страхования работников, причем, не уточняя, за чей счёт оно должно осуществляться [12]. В вопросе ограничения рабочего времени акцент делался на вредных производствах и таких категориях пролетариата, как женщины и несовершеннолетние. Возможность повышения благосостояния народа связывалась октябристами с повышением сознательности, что, в свою очередь, предполагало необходимость получения соответствующих знаний. Партийцы выступали за необходимость обеспечить получение всеми гражданами России начального образования, для чего Дума должна была добиться, «чтобы на удовлетворение этих нужд были ассигнованы самые широкие средства» [12].

Идеи о необходимости развития элементов социального государства можно обнаружить и в программах тех партий и общественных движений, которые принято называть правыми или черносотенными. Несмотря на то что эти организации в большей степени склонны были ориентироваться на сохранение традиционного уклада, они также готовы были признать необходимость большего участия государства в социальной защите населения и переустройстве жизни народа на более справедливых началах. Это проявлялось в намерениях улучшения быта рабочих, хотя программные пункты в данном вопросе могли отличаться меньшей степенью конкретности по сравнению с либеральными партиями. Так, в программе «Союза русского народа» говорилось о необходимости добиваться

упорядочивания отношений между рабочими и предпринимателями, но без указания на конкретные основания данных отношений [14]. Также упоминалось о возможном сокращении продолжительности рабочего дня, но не приводились конкретные цифры [14]. Тем не менее, Союз был готов выступать с требованиями введения государственного страхования рабочих, а также всеобщего бесплатного образования, делая при этом акцент на необходимости его практического характера (земледельческого, ремесленного).

Можно говорить о специфике представлений о социальном государстве, которая была характерна для политических лидеров и движений, относящихся к социал-демократическому направлению. Для социал-демократов было характерно достаточно критическое отношение к политике государства в социальной сфере. Оно основывалось на представлении о том, что само государство является своеобразным инструментом угнетения в руках правящего класса, который не заинтересован в том, чтобы ограничивать собственные привилегии и возможность эксплуатировать остальное население.

В своей программе РСДРП исходила из того, что сами по себе отношения между рабочими и капиталистами являются несправедливыми в силу присвоения результатов труда пролетариата со стороны буржуазии. В условиях быстрого технического прогресса спрос на рабочую силу неизбежно отставал от соответствующего предложения на рынке труда, что делало неизбежным усиление эксплуатации и всё большей нищеты большинства населения [15, с. 206].

Если рассматривать базовые тезисы программы социал-демократов, то их достаточно сложно увязать с политикой по выстраиванию социального государства, ведь сама сущность идеи состоит в признании естественности социального неравенства, в рамках которого можно говорить о необходимости более справедливого перераспределения общественных благ, гарантии определённого благосостояния для всех людей, независимо от их происхождения и социального статуса [1, с. 55]. Для российских же социал-демократов идеалом было не просто бесклассовое общество, но уничтожение любого проявления социального неравенства.

Однако можно указать на то, что представители социал-демократов наряду со стратегическими целями готовы были выдвигать требования и более практического характера,

многие из которых имели социальную направленность и могут рассматриваться именно как часть преобразований, необходимых для построения социального государства. Так, уже в проекте программы РСДРП говорилось не только о необходимости введения бесплатного образования для всех детей до 16 лет, но и о том, что на государство должна быть возложена обязанность по снабжению детей из бедных семей учебными пособиями, одеждой и питанием [15, с. 207].

Учитывая, что РСДРП позиционировала себя как партия, выступающая защитницей интересов пролетариата, то вполне естественно, что она выступала с рядом инициатив, направленных на защиту прав рабочих. Социалисты выступали за установление 8-часового рабочего дня и еженедельного отдыха продолжительностью не менее 36 час. Нанимать работников можно было только по достижении ими 15-летнего возраста. Выступало РСДРП за максимальное ограничение возможности труда в ночное время и запрет женского труда на вредных производствах. Предприниматели должны были нести материальную ответственность в случае утраты работниками трудоспособности в результате травм. При этом особый акцент делался на то, что рабочие не обязаны доказывать, что травма была получена именно в силу нарушений со стороны владельца предприятия, достаточно было самого факта получения увечья во время работы. Выступали члены РСДРП также за запрет для предпринимателей выплачивать зарплату продукцией и вводить различные штрафы и вычеты из заработной платы [15, с. 208].

Признавалась возможность и необходимость активной деятельности государства в социальной сфере в плане защиты прав граждан. Для этого предлагалось увеличить количество фабричных инспекторов, расширить сферу их деятельности на кустарные производства, а также на казённые предприятия. Именно на государство должна была возлагаться обязанность по выплате пенсии рабочим, которые утратили способность к труду в силу болезней или возраста. Однако при этом делался акцент на необходимости развития органов местного самоуправления, в которых бы участвовали и представители рабочих. Именно их надзор за условиями труда и соблюдением законов должен был гарантировать рабочим максимальную степень социальной защиты.

В. И. Лениным был разработан проект системы социального страхования, которое должно было охватывать всех лиц, живущих за

счёт наёмного труда. При этом в случае утраты трудоспособности предполагалась полная компенсация получаемого заработка. Также спецификой данного проекта можно признать и то, что сами рабочие не должны были вносить какие-либо страховые взносы. Вся ответственность возлагалась на предпринимателей, а также на государство. Этот проект был внесён в Государственную Думу в 1914 г., однако принят не был [4, с. 36].

Примечательно, что РСДРП однозначно выступала с осуждением практики, при которой рабочее движение, направленное на достижение своих социально-экономических требований, рассчитывало на сотрудничество с государственной правящей элитой. Опыт зубатовского движения рассматривался исключительно как попытка расширить полицейский контроль над рабочими, а не постепенное развитие социального государства.

Нужно отметить, что, несмотря на ряд недостатков, политическая элита императорской России могла достаточно эффективно разрешать проблемы, возникающие при попытках построения социального государства. Об этом в определённой степени свидетельствует и тот факт, что в современной России дореволюционная эпоха представляется большинству граждан тем периодом, который может являться примером для подражания при выработке современных практик в сфере развития социального государства [2, с. 111]. При этом акцент делается не столько на конкретной форме правления, сколько на необходимости социальной и политической стабильности. Аналогичная оценка может даваться и позднесоветскому периоду истории.

На основании анализа изложенных фактов можно говорить о том, что в Российской империи конца XIX – начала XX вв. в среде политической элиты во всё большей степени происходило признание необходимости развития социального государства. Во многом это было связано с происходившими изменениями социальной структуры российского общества, в котором увеличивалась доля промышленных рабочих. Социальное государство рассматривалась элитой как своего рода альтернатива дальнейшему развитию революционного движения. При этом российская элита могла опираться на опыт других стран, особенно Германии. Политика государства была направлена на то, чтобы снизить уровень социальной напряжённости, что подразумевало необходимость защиты рабочих. Наибольшее значение

приобретали вопросы страхования жизни и здоровья работников, ограничения продолжительности рабочего дня.

Реализация идеи социального государства во многом была связана с возможностью легализации деятельности политических партий и создания Государственной Думы. Можно говорить о том, что, несмотря на многочисленные расхождения между различными политическими движениями, большинство из них в той или иной степени склонны были поддерживать идею о необходимости возложения на государство обязанностей в сфере социальной защиты населения. В наибольшей степени признание за государством обязанности обеспечить всем гражданам достойный уровень существования было характерно для либеральных партий. Таким образом, вопрос о социальном государстве становился основанием для консенсуса в рядах правящей элиты и снижения противоречий. Однако отдельные элементы партийных программ, например о возможности отчуждения части помещичьей земли, могли критически восприниматься частью правящей элиты. Значительно отличался подход к идее социального государства у партий социалистической направленности. Возможность построения социального государства увязывалась с необходимостью коренной перестройки политической системы, что также было неприемлемо для правящего слоя населения.

Список литературы

1. *Тавокин Е. П.* Социальное государство. Что это? // Государственная служба. 2013. № 6 (86). С. 54–58. EDN: RSSSTJ
2. *Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В.* Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 108–122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>, EDN: FAILHG
3. *Подольский В. А.* Социальная политика в Российской империи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 3 (844). С. 126–139. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_3_844_126, EDN: EAS MMP
4. *Грибанова Г. И.* Русская революция и современное социальное государство // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11, вып. 1. С. 33–41. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.104>

5. Вилков А. А. Ценности социальной справедливости в образе будущего России // Политический образ будущего России: Стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 2 октября 2020 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 21–32. EDN: CLTSEX
6. Медведев С. В. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2018. 426 с.
7. Богданов С. В. Воспитание элиты: феномен привилегированного образования в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3 (30). С. 7–14.
8. Вострикова В. В. Право на достойное существование как императив нового российского либерализма (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10 (78). С. 143–147.
9. Калмыков И. В. Идеи социального государства в истории российского либерализма // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 4. С. 46–49.
10. Программа Конституционно-демократической партии. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/1905prog08.php (дата обращения: 19.10.2023).
11. Кудряшов К. В., Санькова. А. А. Либералы и их рабочая политика // Концепт. 2019. № 5. С. 85–96. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-13029>, EDN: ZQTOWU
12. Программа партии «Союз 17-го октября». URL: <http://www.historyru.com/docs/social/program-17okt.html?ysclid=lnu8b62bwz394785695#/overview> (дата обращения: 19.10.2023).
13. Рохас П. М. У. Социальная программа партии «Союз 17 октября» и ее реализация в Государственной Думе России, 1906–1914 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003. 125 с.
14. Программа «Союза Русского Народа». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Программа_Союза_Русского_Народа (дата обращения: 19.10.2023).
15. Проект программы российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 6. С. 203–210.

Поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 12.02.2024
The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 12.02.2024

ISSN 1818-9601

24002

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2024. Том 24, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

